

ВОЗДУХ

журнал поэзии

1
06

ВОЗДУХ

журнал поэзии

1/06

Виктор Кривулин
Андрей Родионов
Михаил Айзенберг
Владимир Аристов
Линор Горалик
Андрей Левкин

Львовский об Айги

Десять лет
без Бродского

Поэты
Нижегорода

ВОЗДУХ

журнал поэзии

1/06

*Все стихи я делю на разрешенные и написанные без разрешения.
Первые — это мразь, вторые — ворованный воздух.*

Мандельштам

проект арго

ISSN 1818-8486

Редактор Дмитрий Кузьмин

Художник Юрий Гордон

Здесь полагалось бы находиться манифесту нового издания.
Но мы думаем, что главное в журнале поэзии — стихи.
Поэтому и в первом нашем выпуске сперва — стихи.
И любовь к ним.
А манифест — дальше.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

К И С Л О Р О Д	
Геннадия Айги / Станислав Львовский	6
Д Ы Ш А Т Ь	
Виктор Кривулин	8
Константин Кравцов	19
Владимир Аристов	23
Анна Глазова	27
Елена Михайлик	29
Андрей Родионов	31
П Е Р Е В Е С Т И Д Ы Х А Н И Е	
Марианна Гейде	35
Д Ы Ш А Т Ь	
Сергей Соловьёв	37
Ольга Мартынова	39
Линор Горалик	43
Юрий Милорава	46
Алексей Прокопьев	48
П Е Р Е В Е С Т И Д Ы Х А Н И Е	
Андрей Левкин	55
Д Ы Ш А Т Ь	
Михаил Айзенберг	63
Пётр Попов	66
Александр Месропян	68
Ксения Маренникова	70
Игорь Караулов	73
Ника Скандиака	76
Н А О Д И Н В Д О Х	
Марина Хаген	85
Александр Корамыслов	87
О Т К У Д А П О В Е Я Л О	
Нижний Новгород	89
Игорь Чурдалёв, Андрей Агеев, Сергей Кынчев, Дмитрий Зернов, Евгения Риц, Егор Кирсанов, Мария Глушкова, Анастасия Зеленова	

ДАЛЬНИМ ВЕТРОМ	
Джулианна Бэгготт / с английского Станислав Львовский	108
Андрей Бондар / с украинского Ольга Зондберг	111
АТМОСФЕРНЫЙ ФРОНТ	
Вместо манифеста / Дмитрий Кузьмин	120
ВЕНТИЛЯТОР	
Десять лет без Бродского	124
Валерий Шубинский, Алексей Цветков, Дмитрий Веденяпин, Татьяна Щербина, Сергей Завьялов, Наталья Горбаневская, Александр Скидан, Александр Бараш, Александр Уланов, Арсений Ровинский, Вадим Месяц, Яна Токарева, Мария Степанова, Полина Барскова	
СОСТАВ ВОЗДУХА	
Хроника поэтического книгоиздания / Данила Давыдов	141
КТО ИСПОРТИЛ ВОЗДУХ	
Журнал «Юность». Журнал «Вопросы литературы». Журнал «Знамя»	156
АВТОРЫ	158

КИСЛОРОД

Объяснение в любви

ГЕННАДИЮ АЙГИ

Здесь есть какое-то количество констант, казалось бы, вещей, которые не меняются со временем, а Айги — редкий пример поэта, работающего много, но при этом с неослабевающим, а кажется, даже и возрастающим напряжением. Тем удивительнее, что многое остаётся неизменным, переходит из текста в текст, из книги в книгу, не становясь более знакомым, а приобретая всё время какой-то новый объём и смысл. Поэзия Геннадия Айги — не та, о которой легко писать, — не в силу её пресловутой «герметичности» — как раз герметичности здесь не больше, чем в поэзии вообще, — а в силу некоторой парадоксальной простоты, не оставляющей большого пространства для более или менее хитроумных интерпретаций. Дело как раз в постоянной апелляции к неразъёмным вещам, к действительно элементарным частицам — не языка, а чего-то другого.

Сон, поле, снег, ветер, лес, молчание. Белое, ночь, сумерки. На вопрос о значении сна сам Айги отвечает развёрнуто: прибежище, забвение, разговор с самим собой, чёрный костёр, сама поэзия, — в тексте 75-го года. Ландшафт он проборматовывает в одном из интервью — в детстве окно выходило прямо в поле, деревни стояли в лесах, посреди болот, вся Чувашия оказывается таким сном посреди России, местом, где убийство случилось раз в несколько десятков лет, местом, где история была — не отменена, но поражена в правах, знала своё место. Чувашский язык оказывается убежищем, спокойным местом, куда он за руку отводит европейскую поэзию, чтобы она, наконец, почувствовала себя в безопасности. Русский язык оказывается языком трагедии, со-бытия, на нём проговаривается историчность — только это не совсем та историчность. Айги прямо говорит, что поэзия не имеет никаких внеположных целей, что весь её телеос — в ней самой. Поэтому напряжение здесь возникает в основном не от вторжения как таковой истории в текст, а из истории самой речи, из её неправильно сросшихся переломов и зияющих лакун. Для Айги существует собственная, полностью нигде не артикулированная (только фрагментарно) история русской поэзии, которая несёт на себе следы русской истории, — но история восстанавливается как событие только по этим следам, оказывается вторичной сущностью, чуть ли не описанием речи.

Настоящее бытие для этих текстов происходит вне города, где история обычно проживает, оно как бы растворено в ландшафте, живёт там как шум ископаемого моря, не то высохшей травы. И Айги, который сам про себя говорит: «я — малевичанец», оказывается поэтом традиции в её чистом, самом древнем изводе. Парадоксальным образом он приходит к свободному стиху не столько от желания освободиться от груза культурных напластований, сколько от того, что отсутствие метра оказывается чем-то естественным, производным ландшафта: шум листвы, текущая вода. При этом смысл делания русских авангардистов с их попыткой очищения речи Айги внятен и близок, но в его руках их инструментарий служит не отрицанию прежнего, а утверждению того, что он полагает, кажется, самым важным —

стихийной, природной мощи языка, не укрощённого просодией. Использование свободного стиха для Айги — не вопрос процессуальности поэтического акта, когда свободное дыхание, как для Чарльза Олсона, оказывается важнее унаследованных ритмических структур. Верлибр здесь — средство приблизиться к тому, что лежит в основе существования. Говоря о ритме свободного стиха, Айги пользуется характерной терминологией: приливы-отливы, нерегулярные вехи, таящиеся в крови, Мир-Шум; почти прямо, умалчивая само слово (или не зная его), описывает фрактал: «“Свободное” стихотворение в моём представлении — насквозь пронизанное единым ритмом: “колебание волны” в каждой ритмической “ячейке” должно передаваться по всему стихотворению, по крупным или малейшим ритмическим периодам».

Снег, поле, лес, ночь. Время тишины. Время, когда речь оказывается вне контекста, говорит сама с собой свободно (потому что ночь, и никого нет рядом, в том числе и великих теней). Время, когда каждое слово говорящего обращено к нему самому, — ситуация, в которой неоткуда ждать пощады, когда каждое слово оказывается отражением самого себя. Поэзия Айги разомкнута — в той степени, в которой разомкнут дом. Сюда приходят люди, он является неотъемлемой, укоренённой частью ландшафта, но сохраняет в то же время свойство укрытия, защиты, оказывается местом спокойствия и молчания. Поле — не метафора, а овеществлённый «эрос пространства», свидетельство существования мира как открытого места, куда может вторгнуться иное. Лес — место обитания иного, из леса приходит темнота, «декабрьская ночь», в лесу живёт не угроза, а, скорее, непрерывный шум, который на поле стихает, становится снегом, ветром, чистым безмолвием. Снег у Айги и есть молчание, покров. Когда выпадает снег, отвлекающие детали исчезают, остаются только предельные вещи — холм и равнина, небо и земля. Снег — лагуна, пауза, обозначающая главное, когда стихи «очищены до молчания».

Отвечая на вопрос о назначении поэзии, Айги говорит о сохранении *тепла*, о том, что поэзия должна оставаться разговором человека с человеком. В другом месте он говорит о том, что времени на «экспериментирование» у него никогда не было. При том, что формально Айги для русской поэзии является «поэтом вне групп» (так он классифицирован в установочной антологии неофициальной поэзии), незаконнорождённым, в некотором смысле, — на самом деле трудно отыскать в России поэта более почвенного, ближе находящегося к «корням травы», — и одновременно настолько же укоренённого в европейской традиции. Айги, прямо наследуя русскому авангарду начала века, который, несмотря на заимствованные самообозначения, является, возможно, наиболее *национальной* частью русской литературы, демонстрирует нам, как легко, без напряжения абсолютно органичная России поэтика сопрягается с поэтиками европейскими, — ни единого шва. В текстах Айги эти пространства входят и прорастают друг в друга, образуя единый ландшафт — в Сене, Висле, Немане и Волге течёт одна и та же вода, одинаково утоляющая жажду.

Главное, — говорит Айги, — одинокое терпение. Фигура стойкая, не соблазняющегося историей, но наблюдающего медленную тектонику, незаметную менее внимательному глазу жизнь ландшафта — человеческого, земного, небесного.

Д Ы Ш А Т Ь

СТИХИ

Виктор Кривулин

Из книги ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО ИМПЕРИИ

ОДНА МИНУТА В ПОЛДЕНЬ

А м а л ь р и к у

в городе в старом центре
как перед войною когда-то
в душный заоблачный день
в самый полдень
именно там. Здесь.

теперь это я выхожу из подвала —
не кто-то иной
начинается возраст когда обращаешь вниманье
совсем на другое:
сколько старых людей стало на улицах наших

теперь очень много старух
стариков почему-то всё меньше
есть возраст когда от признаков пола
уцелевает только различье в одежде...
вслушиваются во что-то

цельности, думаю, —
вот чего не хватает
течение жизни подобно дробленью числа
низ растёт, а верх остаётся всегда неизменным...
всё больше вещей ненужных, плохо сработанных, бедных

мир бесконечно малых
тяжёлая капля на школьном стекле микроскопа:
их изучают. Нас.
учительно из-под очков невысокое небо
возле статуправления замерла чёрная «волга»

огромные буквы идут иностранные буквы
терзая тела молодые
Монтана горит на груди, на ягодицах — *Техас*
орлами пластаются майки
рычат вавилонские львы на задние лапы вставая

больше мужества и героизма!
больше мундиров на улицах
пехотный полковник
становится в очередь за лейтенантом ракетным
долго и молча стоят за молодой картошкой

из овощного подвала
подымается дух разложения плодов и корней
только живое гниёт
эти фрукты на пенсию вышли
ходят по школам теперь, воспитуя зелёную молодь

сорокалетняя блядь на остановке трамвая,
мусоля мундштук беломорины, влажной, потухшей,
пытается петь
народную песню пытается петь
песню святую:

юный гермес родился безволосым босым
бог тишины промтоварной начальник локтей и спины
вот проносит он танец
танец сандалей крылатых — артек асфодели асфальт
на плечах его — звёзды

грохнула пушка. открылся обеденный праздник
теперь уже точно что полдень
слетают орлы федеральные с лёгких одежд
и кружатся над проводами на душных высотах...
жареной печенью пахнет

два оживлённых воздушных курсанта прошли
будущие офицеры
соколы — как их там звали когда-то?
соколы или орлы?
их беседа неспешна секретна полна ультразвука

нет, не хотел бы я паузой быть в их мужском разговоре
мышцы лица онемели
судорога ожидания:

немец появится в небе — и надо ответить
молча ответить но точно

два солдата-узбека прошли
обращая чёрно-пещаные лица на женские груди
на сладкие ямы
лица обстреляны оспою глаз вождельных слепых
идут вертя головами, снявши фуражки

нет, не хотел бы я быть в их молчании редким словом
тюркоязычной отрывкою смысла
багряной изнанкой галош
еле налезших на смуглые ступни босые
хлопковых гурий

над их головами — чужое неихнее небо
в небе идёт шевеленье
слипшихся тел исполинских узел туманный
голени локти и бёдра и плечи
и головы — невычленимы

всё это сразу и вместе
всё это — единство и мощь
тучное — в тучах — тело народа большого
райская пушка с отверстием тёмным от куда льётся имперская сперма
иклейка как крепче цемента связала части жестокой любви

напрасно он
мытый лавандовым мылом
опрысканный кёльнской водой
напрасно стоит иностранец
нацелив лиловую дырку на очередь за огурцами

не выйдет! никто не допустит
вижу расправу над сладкоязыким орфеем
в ситцевом вихре вакханок он тонет
и, оглушённый буханкой, затих
наша победа

с неба валяются стулья
слетает планируя скатерть
с которой срастился ораторский пыльный графин
с неба рушится пьяный кулак микрофона
обломки фанерных речей

всё теперь настоящее
в полдень рабочего дня вопиет остановленный транспорт
обретается красная тьма
тьма пожарных машин во дворе Инженерного замка
пожар, говорите? горим...

появляются люди в асбестовых робах
как будто не люди —
ритуальный огонь пожирают и движутся неторопливо
словно в огненном сне они руки вздымают
и машут: «Прощайте!...»

вот, я что-то нашёл
наконец-то поднял с панели
обгорелую ветвь звуковую, хворостинину мира
и всё, что я видел сегодня,
порывалось, хотело сказать об одном

наконец-то из тёмных полуденных букв
образуется связная фраза
прочтёшь — и от ясного смысла ослепнешь:
как *тайно* прощаемся мы
друг с другом и сами с собою!

да и кто признается что всего лишь
он поток воздушный между губами
струя дыханья бьющая в дёсны
язык поднятый к небу
слово «прощайте»

КОШКА И ГОЛУБЬ

медленно голубка слишком низко
над помойкою летит
по-кошачьи замирает переписка
и за птицею следит
щелевитым и ромбообразным
хищно суженным зрачком...
комната письма просторна и напрасна
в ящик падая ничком

я гляжу из ящика во двор во двор-колодец:
извивается калифорнийский бич
на закате в аэрополёте

где кренишься и надеешься достичь
яркости открыточной рекламной...
я отсюда из норы
из окна с засетченную рамой
ясно вижу недоступные миры

кошка замерла и клацает зубами
голубь рухнул тяжело
на дощатый ящик... так и есть: позвали
ах, позвали как назло
до конца не досмотрю охоты —
почту принесли, с надеждою прочту
что и там, на том конце природы,
по другую сторону, в поту

среди ночи просыпаются, не в силах
выкрикнуть спасительное «брысь»...
кошка прыгает — и на задворках милых
прорубь неба увлекает ввысь.
голубь тучный, буржуазный голубь
как бы нехотя с трудом
вспархивает. поднимаю с полу
скомканный конверт: всё пишут не о том!

мгла среди бела дня, и туча накрывает лужу
окружившую срединный люк
да и что писать? изнанкою наружу
вывернется, описавши круг
возвратится после кругосветной
одиссеи — если бы ответ! —
но отброшенный зеркальный безответный
сломанный вопрос-велосипед

ПРИБАЛТИЙСКИЙ ДЕТЕКТИВ

возьми сюжет свой, подавься его развитием:
над жертвой небеса крупнозернистые
опрысканные чёрным проявителем
усеянные дырами и брызгами

возьми сюжет свой говорю бумагу рыхлую
под протокол под разговор с ворюгою
о смысле жизни где-нибудь под ригою
на дюнах юрмалы за недопитой рюмкою

официантка в кружевном переднике
стеклянная стена — и облака за ней
вокруг — учителя и проповедники
души гражданской, правды недосказанной

поняты о добре такое твёрдое
что каменеет сердце у преступника
его преследуют стальными натюрмортами
пейзажи смертные где опустела публика

юрист молоденький, по-западному скроенный
однако совестливый с принципами вескими
ему откроет сколь огромной Родины
обильной горькими и достоевскими

он блудный сын — какой духовной бездною
он отделён от массы человеческой
пока не затворили дверь железную
за ним с любовью с мукой по-отечески

и нет иронии, хотя и мало пафоса
песок холодный, ветер, вереск ветреный
и свет страдания — когда висит как пауза
вся жизнь его, и вся — одно мгновение

остановись! покуда штамп горлитовский
не тронул яхт возле причала пляшущих
пока возможно бегство по-египетски
исход униженных освобожденье страждущих

петлю сюжетную, послушай, не затягивай:
окончится быстрее чем задумаешь
ночное плаванье по лунной глади знаковой
в луче прожектора ожившего за дюнами

КТО ЧТО ПОМНИТ

никто ни шиша не помнит за древностью лет
душа народа из прошлого избяного
из барачной ночи
в новый, кубический свет

впрыгнула
но от Vita Nuova

избави нас Боже
империя не перенесёт

прыжка над бездной козлиной прыти
и теперь бичевидно-хлёткое «Время, вперёд!»
звучит иначе: «Стоять! Как, болваны, стоите!
Не шевелиться. Убрать животы. Выгнуть дугою грудь»

есть неподвижное мужество строя
всей жизни которую не повернуть
фронтом на будущее
тылами в былое

историк ныряя в метель
попадает на дно
областного архива

но и допуск не вечен — бедняге
ни шиша не выдадут
(хоть бы свечное пятно
с гербовой, купчей, на сгибах чёрной бумаги!)

нет

ни кто эту землю продал
ни кто купил
мы уже не узнаем насильно её населяя
измышленной мышиною тьмой родовых могил
воплощённой мечтой футуриста о равносостороннем Рае

СТАРИК

всё чаще лицо застывает как маска
а ты и не замечаешь
кажется: оживлён, даже весел
ан кожа мертвеет

вот уже «Мы!..», как бывало, воскликнуть
не повернется язык
«я» — говоришь осторожно, стараешься не оступиться
но и я ненадолго

бранчливый зародыш который тебе вызревает
он уродливей кукушонка

старик забывающий (как забывают очки)
имена и местоименья

силы памяти силы ушли на усилие
что-то вспомнить такое
чему не найдёшь соответствий
в памяти прежней, земной

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ РАСПРОДАЖА

всё нищенствует новогодний рынок
одно богатство — императорский балет
шестиугольных символических снежинок
нижинский, павлова... кого там только нет

рождественская распродажа!
а там и снег на Итальянской
где вьюжный выход из Пассажа
над пароконною коляской

пары спасительного зелья
сугроб крестьянского лица
извозчик сотканный метелью
ждёт барина или купца

а наших денег деревянных
в упор не видит не берёт
и даром что народ в романах
такой отзывчивый народ

шесть гривен серебром — и баста
но и того не наскрести
в расплату за чужое барство —
алтын трамваечный в горсти

БОЦМАН

молодец потрёпанный ветрами
в морях издательских буквальных
когда ко рту подносит матюгальник —
он голова он главное в романе

о жизни сложенной из нас
он сам ответ — а мы одни вопросы

и ты молчи ты матерьял безносый
в живую кучу сваленная снасть

где справедливость равенство и воля?
где суперценности от пушкинской поры?
где, наконец, союз любви и алкоголя
под сенью марсианской мишуры?

а вот они! — распахивает китель...
хотя бы что-то... ничего не видим

ПАРУСНИК-ДИТЯ

возьмём романтику морскую
на дорежимной мебели развесим —
пуская посушится под нашим равновесьем!
ты скажешь: я конечно я тоскую
по добром времени пардонов

среди леса мачт или в толпе тритонов
я видел парусник — трёхлетнего ребёнка
его за ручку маменька вела
ах, осторожней: бывшая воронка
былых окопов плавная волна
вот буерак а был когда-то бруствер
земля взволнована и ходит ходуном
её, как в океане, каждый мускул
живым прокатывается бугром —
смотри-ка под ноги!

а он кренится набок
возносится на пенный гребень, рушась
куда-то вниз, теряя на ухабах
поддержку, руку, на мгновенье — душу
свобода первая! он — сам, и тяга в парусах

я видел парусник я знаю как до слёз
доводит скрип досок в расшатанных пазах
как, напрягаясь, лопается трос
и судорожно-скрюченный зигзаг
нейлоново-пеньковый иероглиф
нашёл единственную цель —
твоеё лицо как точку на конце
повествованья.

был неповоротлив
так неуклюже двигался рассказ

меня галсы перекладывая румпель —
но даль морская шла и шла на убыль
само пространство свёртывалось в нас
мутнея, мельтеша, створожась...

я видел парусник: лицо его горело
в солёных брызгах и лоскутьях пены
боль горячѐй души и больше тела
боль необъятная, чужая,
до горизонта, зыбкого предела
сознанию, плаванию, предощущенью Рая

ЯНВАРСКАЯ ПРОГРАММА

январь. около десяти.
просыпаются, плача, дети за стенкой
«больно!» — кричат — «больше не буду, пусти...»
белые руки их держат. поздно. пора идти
в контору где время само превращается в деньги

нищенские... но если дотянем до четверга
будет и в нашем доме вечер нескучный
мёрзлые яблоки блоковская вьюга
слабо-серебряный шелест (фольга)
рёв телевизора (из передачи научной

музыка) — что они там завели?
показали море, кулак цитадели мальтийской
пушек медные спины, пылающие корабли
всё это где-то в невероятной дали
но ближе комнаты нашей — угрожающе близко

«отчего на улице флаги с чёрной каймой?» —
спросит больной ребёнок, и не дождавшись ответа
глубже зароется в рокот пучины морской
в жар средиземного лета

ЖЕСТОКИЙ РОМАНС

хотя бы с лёгкой трещиной
романс жестокий
душа осталась женщиной
готовой увлажниться

когда флажок восторженный
взмывает по флагштоку
над ныне уничтоженной
провинциальной птицей

когда гитара мается
в окне телеграфиста
и юная страдалница
под зонтиком ажурным
раскрыла зонтик — душно ей
тяжёлый вечер, мгlistый —
но словно бы разбуженный
каким-то длинным гулом

в ней Голос отворяется
отрывистый и хриплый
мужской солдатский лающий —
на этой почве зыбкой
наверное сбываются
лишь тёмные желанья —
и вот вопит пророчица
дрожа под грозной дланью

ОН БЕРЁТ

властной рукой берёт он долю моей души
остро отсюда виден меч грозящий народам
отточенные, с полётом, посольские карандаши

старческой мыльной пясти разве решила власть
сколько дышать осталось как пересилить счастье
и частью малейшей частью в грозное целое власть

сколько души осталось? меньше малого, горсть
вот он берёт остальное — остаётся голая жалость
и что бы сейчас ни рождалось — как бы не родилось

знаю — она и в смерти продолжается, боль
только совсем другое — не болит она, просто светит
словно рыба рвущая сети прежних своих неволь

это знает ребёнок властной рукой схватив
пружинящую игрушку полную тихого звона
схватит — и напряжённо вслушивается в мотив

Константин Кравцов

СИНДОЛОГИЯ

СМЕРТЬ АВТОРА

— *А смерти автора*, кстати,
радовались и раньше: один иерей
врал о похоронах Лермонтова:
Вы думаете, все тогда плакали?
Никто не плакал. Все радовались.
— Что нам до поля чудес, жено?
но спит земля в сияньи голубом,
те залитые известью ямы шаламовские,
ученики в Гефсимании (в паузе слышно,
как в детской дребезжат стёкла вослед трамваю),
есть, пойми, узкий путь, —
узкий путь, а с виду безделица:
звон каких-нибудь там
серебряных шпор, когда ни одна звезда,
когда звёзды спали с неба, как смоквы,
и небо свилось, как свиток, как тот сударь,
и лишь тахрихим, та холстина в опалинах
(в паузе — отрывок блатного шансона,
проехавший мимо), и подумать только:
какой-то там фотолюбитель,
какой-то Секондо Пиа

СИНДОЛОГИЯ

112 борозд от «бича, наводящего ужас»,
30 точечных ран от терний, округлая рана
между 5-ым ребром и 6-ым; сукровица, вода
и пыльца, занесённая ветром ночным
из пустыни Негев или с берега Мёртвого моря:
Reaumuria hirtella, *Zygophyllum dumosum*

ЛУНА МЕЛА ГИБСОНА

Фильм о Пасхе Распятъя — «Passions of the Christ» — снимался зимой: луна над садом Гат-Шеманим белела над окрестностями Матеры; не в зелень иерусалимской весны одета была Гефсимания, но вопрошала, как Иова Иегова: Входил ли ты в хранилища снега и видел ли сокровищницы града? Кто проводит протоки для излияния воды и путь для громоносной молнии, чтобы шёл дождь на землю безлюдную, на пустыню, где нет человека? И луна над югом Италии белела как жертвенный камень в Вефиле.

Благословен ты, Господи, Боже наш, Царь вселенной, мыслил в сердце своём Каиафа (Маттия Сбраджа), благословен за плод лозы виноградной и за хлеб, изведённый тобой из земли, за горькие травы и эту луну, под которой что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было, и Ты воззовёшь прошедшее, истребив сбивающего с пути, совращающего — да погибнет память его! — людей Твоих Израиля. — Тридцать, Иуда. На этом сошлись мы.

Судный нагрудник с рядами камней, с именами Рувима и Симеона, Иуды и Левия, Вениамина, Иосифа и Ефрема, Манассии и Завулونا, Гада, Дана и Неффалима, — к ним прикоснулся первосвященник, произнеся это «мы», пресекая порыв к бегству экс-казначая (Лука Льонелло):

— Не Сам ли Ты, Господи, разве не Сам, — вопрошает он пламя пасхальных жаровен, — не Сам ли Ты, Господи, заповедал нам чрез Моисея не жалеть и не прикрывать отвращающего от Тебя народ Твой? А деньги — при чём тут деньги? Что вы смотрите так, будто все вы здесь первосвященники? Пальма осанны на каждом из шекелей, надписание и храм, который бесчестят.

И луна над зимней Италией, светило живых существ, белела как чаша Грааля над гротом агонии; ветка маслины в саду на переднем плане висела колючей проволокой, и звёзды, —

стражи святыни, небесное воинство, —
звёзды спадали с небес, расхаживали по саду:
жёлтые космы пламени, рубящие синеву —
синеву Караваджо в скандальной ленте
голливудского австралийца.

ВОСХОДЯЩАЯ ОТ ПУСТЫНИ

Не Саломея, нет, соломинка скорей,
просто соломинка с улицы Клязьминской,
не Люська в общаге с зимним
северным солнцем, словно расколотым на
крылья стрекоз, не нагая плясунья —
былинка Иезекииля: сын человеческий, оживут ли
кости сии? я сказал: Господи Боже...

— Я ему говорю — молодой такой, русский-русый! —
я ему говорю: ты бульон-то попей, пока он горячий,
а пирожки потом съешь, и не ходи к баптистам,
зачем тебе? Здесь, прямо по Урицкого и налево,
и ещё метров сто и снова налево, у Макдональдса,
бывшее трамвайное депо, да ты знаешь, наверное,
церковь там восстанавливается, как же её?
Дмитрия Солунского, кажется, да, Дмитрия Солунского, —
это там мне сказали, что радоваться нужно,
а не об исцелении просить, помнишь, рассказывала? —
так вот, я ему говорю: ты сходи, сходи туда,
там наверняка бомжам работу дают:
снег убирать, лёд колоть, да мало ли что?
сходи, говорю, а он мне: ты ангел, да?

Ангел, а кто же? Не Саломея на пиршестве
29 августа / 11 сентября, не Суламифь,
восходящая от пустыни как бы столбы дыма,
окуриваемая миррою и фимиамом, восходящая
как бы столбы дыма котельных, как бы
сполохи, тропы олени, олени глаза мерзлоты,
не европейка нежная — просто Россия,
просто соломинка в неугасимом огне Его.

И сказал мне: изреки пророчество на кости сии
и скажи им: «кости сухие! Слушайте слово Господне!»
Так говорит Господь Бог костям сим:
вот, Я введу дух в вас, и оживёте.
И обложу вас жилами, и выращу на вас плоть,

и покрою вас кожей, и введу в вас дух,
и оживёте, и узнаете, что Я Господь.

— А что, тридцать лет осталось, ну, пятьдесят по самым оптимистичным прогнозам, — вставляет отец Андрей, разрезая фаршированный рисом с морковью постный перец, — семинаристам профессор Осипов на лекции об Антихристе заявляет: вы, мол, сами его увидите, и ещё с хоругвями встречать пойдёте. — Отец Анатолий, вам чай или кофе? Компот? А вам, отец Константин?

Тридцать лет, пятьдесят ли, пока — властью Его, мне данной, — расскажу тебе, как разгоралось неделю назад, блёкло и снова то здесь, то там появлялось и молоком убегало, ходило за мной по пятам, колыхалось лучами зеленоватыми, как соломенный смутный навес на ветру, сияние в Салехарде.

ИКОНОГРАФИЯ

Север и смерть или просто
солнцестояние вод
в венецианском стекле
полярного круга: Ангелы, Силы —
как по воде расходящийся круг

И золотой сухостой удлинённых фигур
учеников у одра:
так свечи, теснясь на каноне,
гнутся от жара, и видишь сквозь воду
север и смерть, облака или белый хитон

ПЕТРОВСКИЙ ПАРК ЗИМОЙ

Вознесён невесомою ношей
до утра нисходившей парчи,
за оградой стоит он, непрошен,
и ветвит неподвижно лучи,
словно этим морозным изводом
уверяет, что не было, нет
для тебя, созерцатель, исхода,
кроме света, и вот он, твой свет

Владимир Аристов

ЦАРЕГРАДСКОЕ ШОССЕ

(ПО ПРОЧТЕНИИ ГАЛЧИНСКОГО)

И лишь одна футболка
зелёно-цветная

Бродила где-то в Южной Калифорнии

Без бороды, наверное, был
обладатель

Без женских запахов за километр

Не знаю я истории той вещи
её морщин

Но знаю, ты носил её достойно

Вы с нею не пересеклись
в лесу на просеке, допустим.

Но встретились так,
что бытие
размножилось

И стало два бытия

Хоть бытие — что здесь, что в Южной Калифорнии
по-видимому, множественного свойства
не имеет.

✦ ✦ ✦

Жизнь редукторов, кранов
Золотая их медь и латунь

Отличиться каждый хочет
Но как нам каждого отличить ото всех?

Там на улице Красина
есть один закат такой
Что не отслоить его от стены дома
жёлтой
Я не знаю, что делать мне с ним
я остался в нём
Не разъять, не отъять никак
И в помощники прохожие люди
не идут

их с открытым ртом, этим летним днём
когда не было в городе меня

не запомнил

цвет их пиджачных пар

выходи скорей
в подвиг бритв
двух морей

Что заставят их обернуться на жизнь свою
и рассеянно опознать меж других.

КАРТОЧНЫЙ ИГРОК

Он построил на даче
карточный дом на песке —
лёгкий он, опирается на песчинки
и поэтому прочен

Ветер или огонь —
лишь одни
могут смахнуть его рукой со стола
но остальные — нет
читая эту притчу знаков и букв

Он играет в канасту
засывая соседей, которые не идут
будто он затягивает их
в болотную политическую игру

А на самом деле
он чувствует в той игре —

когда руки его говорят другим —
прозрачность денег и вещества
проницаемость лиц
и благо, что можно жизнь свою раздарить никому.

✦ ✦ ✦

Одна балканская страна
Смутно неприкаянно родная
Шла неравномерным шагом и не
вся была видна
из этого окна
длинного как корабль дребезжащего трамвая

Ты был ты не был здесь не каждым
и медленно отдельно под уклон
машины обтекаемые внизу спотыкаясь и ковыляя
и этот город и медленный вагон
и люди невдалеке заглядывая
шли тебя то обгоняя то отставая

Доисторический платан
раскинулся над нашей встречей

иль это был

лопух или табак Балкан

сошедший лист

от моря нашей речи

Она плыла была

ты ради этого вечера сюда
достигнул долетел добрался

а где-то там на Цареградское шоссе
выходит стройный куст-ребёнок

так тело вечера тёплое бесшумно шло
вперёд или назад толкало
и повторяемое солнце сентября
из поперечных улиц ослепляло

не полночь за полночь
прошла
но солнце эллипсисом было
своим зиянием
нас подхватило по пути и похвалило

Всё это было или нет
и может быть что так трижды было

в будущем

вечер и земля простая
трамвай бесконечный и людей огни
их взоры заглядывая шли в окне то обгоняя то отставая

Анна Глазова

ЧЁРНАЯ КНИГА

✦ ✦ ✦

1.

в головном вагоне в тамбуре не стоять.
сели, не поленились, теперь говорите, где?
почему ресница примёрзла к стеклу?
не трогай ложку. не плачь. не вставай,
сейчас принесу. сколько вопросов,
столько ответов, да? да.
а ты всё-таки трогаешь. оторвал пуговицу,
и теперь она совсем одинока, не жалко?
да где тебе! в глазах облака́, бледное небо
под ресницы стекает. сжечь эту пуговицу
и вдыхать её дым. праздник такой: возношение.
обнять тебя, или нет, лучше не надо.
холодно у вас? – да. ресница мёрзнет к стеклу.
закрутилась на месте, не горит,
стала круглая капля.
не вставай, слышишь? уронишь.

2.

место мерить койками,
время – ресницами,
в старой больнице лежать на полу,
занимаясь любовью с гипсом, шиной, медсестрой и медбратом.

знаешь, какая там синяя краска? ты видел?

я не буду звонить на твой телефон,
ты же спросишь, что я сломала.
что сломала, то и сломала.
словно треск в твоём голосе, не звонок, флюгерá.

флюгера, флюгера. вам замотаны плечи,
вам привешены гири, молчи на ветру.
спят и брат, и сестра, я в окно,
чтобы вымерить шагом, где свет не пройдёт.

† † †

застигнут светом случайный подъём.
под откос отрывается чёрный комок,
из которого тень растрепалась в траву.

из-под ног выползает шароглазое дно,
и я помню, как вдруг обрывается ветка,
на которой сидит тополиная мышь.

нет, это только глаз сына
в коридоре и ночью без сна.
глаз, который я помню на слух.

† † †

молча стоишь у стены, у окна,
у постели, собравшись, ты в руках держишь
белую книгу простую,
в двух стаканах болтается спирт.

ты прощаешься молча, опустив в стакан палец, мой или свой, только
вскрытый страницей. капля свернулась, чернеет, не спирт.

ты стоишь у стены, ты чёрная книга,
тянешь нитку из белой постели, завиток из бумаги.
ты в руках держишь кровь, и небольно обрезать краем.

из вина не получится белого пальца и чёрной постели.
завитками ложится на красную пену в стакане
не какое-то мутное время, а свёрток простой из бумаги.
и как кожа поёжилась книга от спирта.

у стены молча молча стоять у окна у стены.

Елена Михайлик

ПОДЗЕМНАЯ ЛОДКА

† † †

Джек-потрошитель пришёл в райком
И попросил путёвку на целину —
Там, говорят, комбайны ходят гуськом,
Пиво не хуже, чем в Гамбурге иль Клину —
Свищут казашки, приманивают луну.
Съезжу и отдохну.

Слушай, рабочий, что тебе целина?
Тут вообще, — не знал? — началась война,
Тут Ганнибал прошёл походом вчера.
Слушай, райком закрыт, на дворе жара,
Лают лисицы на грустный Бирнамский лес —
Выпил бы да исчез?

Джек-потрошитель сказал — беда.
Я в дискретном пространстве дышу едва.
Где корабли, империи, города,
Как мне работать, товарищ райком, когда
Нет ни ножа, ни тела, ни естества:
Всякая плоть — слова?

Джек-потрошитель выпил свои сто грамм
и переехал в Рио,
и счастлив там.

† † †

Звёзды зверей, звёзды морей,
крабовидным облаком — свет.
В доме Отца много дверей,
а той, которой нет, — нет.

В стены домов буквы вросли,
и, пока алхимик доплавляет руду,
кролик летит к центру земли,
девочка гуляет в саду.

Крыши в золе, кроны в земле,
в небеса стремится вода.
В доме Отца чай на столе —
время не пришло никуда.

Выверен ход впрок, от щедрот,
яблоня по-прежнему стоит за окном,
и — слышишь — поёт оксфордский кот,
растворяясь в небе дневном.

‡ ‡ ‡

Коль славен, кол нидра, колись, имярек,
о том, как собирается вещей Олег
по рыбам, по звёздам, по рекам,
погоду менять человекам.

Все змеи Исландии плачут по нём,
он волком лытает и ходит конём,
и дышит в затылок незримо
строителям вечного Рима,
а также парит над рекою Невой
в обнимку с весёлой голштинской вдовой.

Колись, имярече, гори и тони,
Аскольду и Диру почаще звони,
в могильниках вьётся проводка,
курганная, рьяная, жаркая медь,
не будет нам петь, нас уносит медведь,
увозит подземная лодка.

Покуда мы снились, покуда слова
летали как лебеди из рукава,
трубили без смысла и счёта,
сложилось пространство — глядишь, поутру
история ломится вниз по Днепру
щиты прибивать на ворота.
Потом летописец туда подверстал
пропавший без вести еврейский квартал.

Андрей Родионов

ЕСЛИ УЖ ВЫПАЛО БЫТЬ МАРКИЗОМ ДЕ САДОМ

† † †

В июльскую ночь 1989 года
все отдыхающие, отдыхавшие в этом пансе
и технический персонал, довольно много народа
все до одного внезапно пропали

неизвестно куда забрала их какая-то холера
к болоту следы ведут, к большому болоту
мамку свою вспоминает дядя Валера
и бывшую нынче свою здесь, в пансе, работу

утром дядя Валера, вроде охранника нечто
пришёл принимать смену, но кого охранять — неясно
по опустевшим аллеям лишь белые бродят овечки
которых дядя Валера выпасал потихоньку на территории панса

дети отдыхающих кормили овец печеньем
и овцы теперь ходили от корпуса к корпусу в спешке
хотя большинством отдыхающих дядя Валера приравнивался к черни
и был известен как некто, убиравший овечьи орешки

тем не менее отдыхающие все словно канули в топкую бездну
дядя Валера знал, что когда-то на месте пансионата
стояла деревня, известная как крайне неприятное место
её жители в одну ночь тоже пропали куда-то

дядя Валера вошёл в гулкое здание столовой
пластмассовые столы, на стенах панно — охота, рыбалка
дядя Валера вспомнил, что в той прежней деревне неклёвой
мужики как-то поймали и изнасиловали русалку

вдруг сердце дяди Валеры внезапно возьми и подпрыгни —
у одного панно в стилистике позднебрежневского декаданса
из толпы перекошенных злобой людей торчащий хвост рыбий
безусловно, это насиловали русалку в деревне на месте панса

дядя Валера, не правда ли, детей и взрослых не жалко
жалко в болоте пытит изнасилованная нечисть
дядя Валера догадывается, что его мать — русалка
а потому безропотно убирает орешек овечий

не тонут в бездонной топи лишь белые лепесточки...
жила девушка неприметная в краю болотно-озёрном
какой-то парень когда-то завалил её грубо на кочки
от стыда утопилась, и уж русалкой была изнасилованна повторно

того первого парня она, возможно, ещё и простила
многое, надо сказать, может простить древлянка
а то, что потом вся деревня наелась болотным илом
а то, что связались с нечистой силой — с русалкой

а отдыхающие, глядевшие на панно в столовой
чего уж там хотел изобразить художник, а вышло похоже
и видимо кто-то сказал про эту картину слово
и словно в третий раз изнасиловали, словно стала лет на 100 моложе

эти так называемые из прошлого выстрелы
делают виноватыми людей вроде бы ни к чему не причастных
именно поэтому я не люблю ходить на выставки
и чужие стихи слушаю с некоторой опаской

это наша привычка у русских практически всеобщая
связанная с большой добротой и маленькой страшной тайной
не знать ничего не для того, чтобы жить было проще
а лишь для того чтобы не сгинуть случайно

сейчас зима, под сень веток чёрных и голых
в глубь мёртвого пансионата уводит липовая аллея
ещё безутешней под снегом площадка для волейбола
ещё неприятней статуя (Пионерка или Психея)

✦ ✦ ✦

Ты слышишь молчание
это в воде под нами
провинциальные рыбы
плавают шевеля плавниками

хорошо что не слышно
что они говорят
а сверху довольно красиво —
плавают и молчат

Что огромная шепчет страна
проплывая на телеэкране
в ритме подводного сна
голосом диктора ты говоришь со мной
родина тёти Мани

чуть насмешливый голос
предупреждает: там, глубоко
есть настоящая Родина
гнётся под тяжестью зерна колос
и песни поют но не слышно
слишком уж далеко

Беззвучные провинциальные рыбы
открывают рты похожие на нули
и мы бы их услышать могли бы
но пока почему-то ещё не смогли

и не знаем чего говорят они там
лишь иногда на крючок
попадётся какой-нибудь мелкий ротан
маргинальный колючий бычок

даже когда он болтается на леске
и открывает рот
вытаскивая крючок из рыбьих дёсен
почему-то не слышишь что он поёт

так видно устроен мир его водный
до самой смерти так будет всегда
и теперь когда между нами воздух
всё равно между нами вода вода

РАЗМЫШЛЕНИЯ НЕПОДАЛЁКУ ОТ КОРОВНИКА

ноябрьский ветер, ты знаешь, чего
в малине гондону херово
вот так и меня ты занёс вот в кино
на фильм Девятая рота

из чёрненьких американских базук
там шмаляли душманы талибской секты
и в свой фильм, как я слышал, привлёк Бондарчук
голливудские спецэффекты

дом двухэтажен, кирпичен, коряв
закроется скоро коровья ферма
у подъезда девушка в пуховике до пят
в малине замёрзшая сперма

никаких аналогий здесь быть не должно
покрашена детская площадка перед местными выборами
ДУМ, хорошее, кстати, вот тоже кино
с далеко идущими интересными выводами

† † †

Хмурый отец приходит из тьмы нехорошей московской
и говорит, что жить ему тут наскучило
он хочет уехать в Воткинск, жить в доме, где родился Чайковский
и целыми днями играть с милым Щелкунчиком

по вечерам ходить в маленькое кафе под названием Слава
угловое помещение пятиэтажки с треснувшими стёклами
перестать ощущать себя тварью дрожащей, не имеющей права
и под ступеньки себе тихонько поплёвывать

в мире простом, не гламурном и, боже, не глянцево
ходить по улицам не как ноль, а как единица
читать в интернете стихи Демьяна Кудрявцева
папа, папа, ты просто хочешь тихонечко спиться

посмотри, папа, как неловко я в бадминтон играю
какой красивый кларнет дали мне в музыкальной школе
милый папа, я в провинции тебя потеряю
Воткинск-Щелкунчик тебе голову как орех расколет

серые тучи бегут над деревянным домом, над садом
над спальным районом, не разбирая, Москва или Воткинск
если уж выпало быть маркизом де Садом
так не глуши свой талант в провинции водкой

в поезд садясь на вокзале, я услышу волшебные трели
маленький крысолов гудит на кларнете
крыса-отец мечется в подземелье
около ёлки играют с Щелкунчиком дети

П Е Р Е В Е С Т И Д Ы Х А Н И Е

Проза на грани стиха

Марианна Гейде

РУСАЛКИ

сквозняк в русалочьих ступнях, почти не боль, желанье не сойти с места, превратиться в соляной столб, но потом ты станешь морской пеной, просто пеной на губах моря, бьющегося в семибалльной эпилепсии, что тебе делать, русалочка, чтобы превратиться в соляной столб, куда тебе обернуться, безъязыкая?

боль и немота, боль и немота, почти «немогота»: что делать тебе, русалочка-немка, русалочка-иноземка, застывшая не в соли, а в чугуне, о чём тебе плакать нам?

у нас в Переславле тоже есть русалка. Она сидит на столбе в Парке Победы. У неё распухшее брюхо, готовое к нересту, но кем-то коварно вспоротое, клин вытащили и, видимо, съели, руки у русалки отсутствуют. Сделана, кажется, из липы. Цвета от дождя уже шоколадного. Н-да, не Копенгаген.

а русалочка-урсулочка не могла говорить, совсем не могла говорить, её танец на раскалённых углях, голос, спрятанный в раковину, острый-острый нож, не нашедший свои ножны, душа, пришедшая к душам. Зверёныш-найдёныш. Я научил бы её говорить руками, двигаться, не отрывая ступней от земли, и она стала бы деревом.

мы делали русалок, выступающих из глинистого обрывистого берега лицом к Москве-реке, мы вытягивали для них волосы-водоросли, вырывали у них из-под спины почву, так, чтобы они касались своих пещерок-гробниц только затылками и поясницами. Хвосты насыпались не иначе как для проформы и имели мало значения. Обрыв был дырявый, как пемза, потому что повсюду сновали ласточки. Что ещё сказать про русалок? Мы в них не верили и считали нужным изготавливать своими силами.

они выходили узкоплечими, с неправдоподобно острыми грудками, если только применительно к русалкам можно говорить о правдоподобии. Рассыпались к следующему утру, не выдержав своего совершенства, и становились дном морским.

или дети постарше вносили в них коррективы, приделывая вместо хвостов ноги и между ними сомнительные половые признаки. Нам было, видимо, лет по восемь. То есть хвосты нам казались интереснее.

но думать про русалочку не разонравилось.

хотелось целовать русалочек, потому что вдруг они заговорили бы, а если не поцеловать их до захода солнца, то вдруг они рассыпались бы в пену морскую. Они не рассыпались и не говорили. Кажется, они так же испытывали боль от каждого шага, поэтому походка их напоминала поступь балерин, которые, когда их спрашивают, всегда легко бросают через плечо, что в каждый момент времени испытывают боль. Мне трудно было в это поверить, и я принимал как теорему, доказательство которой мне не давалось.

когда мне было больно, я не только не мог вынести это, но и сам становился невыносимым. Хотелось взять свою голову, ударить ею крепко в стену, как мячом, чтобы она отскочила прочь и перестала меня мучить, но тело всякий раз устремлялось за ним ненужным придатком. Как они могут терпеть боль, эти балерины, роженицы, русалки, раздробленные на части художницы, почему не умирают здесь же, сразу, оставив после себя свой танец, своё дитя или пену морскую? Отламывать головки ампул анальгина было почти что откупоривать бутылку вина, только вместо опьянения в них содержалось всего-то отсутствие боли. В слове «лаудан» явственно просматривался корень латинского «лаударе», что означало «восхвалять». «et laudabilis valde» — непере译имое на человеческий язык обращение св.Августина к Богу, которое применимо также и к лаудану, анальгину, к несравненному новокаину, ко всему, что укрощает боль.

я думал: будь я русалочкой, моим принцем стал бы морфий или новокаин. Бледная русалочка, не разжимая губ беседующая со своим воспалённым обрубок языка. Я думал: будь я русалочкой, мне пришлось бы рисовать бабочек на своём корсете, как Фриде, или настукивать вёрсты никому не надобных знаков, из которых выросло бы моё двуногое и такое лёгкое, что можно в трубочку свернуть и унести с собой, тело.

я думал, когда одновременно исчезали силы и горизонт: если я совсем ослабну, если у меня сведёт ногу, то появится такое вот немое, безногое, блаженное из пены морской (озёрной? речной?) дитя и вынесет меня, и всякий раз происходило именно так. Я вглядываюсь в каждого, кто не может говорить со мной, в надежде, что это она. Я знаю, что узнать её — это значит спастись, потому что на этот раз она может передумать, потому что у неё ведь до сих пор этот кинжал, и я — до сих пор его ножны.

Д Ы Ш А Т Ь

СТИХИ

Сергей Соловьёв

ЖДУТ

Они стояли на дне затона под непрямым углом,
глядя сквозь утренний студень воды на ветви
дерева, нависшего ярусами. Наверно,
издали это могло показаться сном
со школьницами, распущенными, как цветы,
или книгами, шелестящими на побегах,
или маленькими ку-клус-кланами слепоты,
или просто мешочками снега,
на палке через плечо
перекинутыми — ничьё.

Мешочками, бьющимися, как сердце.

А подходя ближе — на белый ад
с танцующими на ветвях младенцами.

А те, со дна, сузив глаза, глядят
на них, как из концертной ямы,
перебирая маленькими руками
нити воды, тише её, не дыша,
покачиваясь в пранаяме,
ждут, как тела, манны его, душа-
утопленница ждёт, незаживающими швами
улыбок брезжа из-под воды.

А дерево, подходя ближе, уже пернатым
кажется, тысячекрылым, почти святым,
если б не эти пластинки сланца,
поблёскивающие сквозь розоватый
туман покрова, если б не эта кровь
крапчатая на вате
тел, если бы не глаза, как копилки солнца
с прорезями зрачков...

Оно, это дерево-прачка, склонённое над сметаной
своих отражений, оно, вспаханное до юбок,
взметённых до подбородка, стоит, Светлана,
над льном затона, тысячеклюва,

белым-бела. А те, как в притихшей концертной яме,
покачиваются на хвостах
и ждут, поигрывая нулями
восходящих цепочек выдоха. Как с листа
снизу вверх перечитывая её, над водой
балансирующую на одной,
полусогнутой от природы,
всю дрожащую под гурьбой
облепивших её большеротых
ангелов. А те ждут, остывая улыбками,
покачиваясь на хвостах, ждут.
Водяная змея валится с дерева. Зыбки —
в сторону. Они растягивают её как жгут.
Растягивают и ждут. И перехватывают зубами,
будто длину измеряют живой верёвкой,
длину воды со взвинченными цветами
в местах разрыва. Змее неловко
в такой развеске,
она нисходит.

Так время резал, дробя отрезки
до бесконечности, Аристотель
и отходил, шепча: «Не существует. Или —
почти не существует время, я
как время». И змея
отрезками по часовой
подёргивается в донном иле.
А они всё ждут, глядя на дерево над водой.

Ольга Мартынова

И ТЛЕНЬЯ УБЕГУ?

КАЖДЫЙ САМ СЕБЕ КЛЕТКА
И САМ СЕБЕ ГОЛОСИСТАЯ ПТИЧКА

Вот реки торопливое тело дёрнулось зыбко.
И скатилось с него муравьино-мушиное лето:

Расширяясь на переплеске, сужаясь на переплеске.

В зазоры межвременья вписана опись райского сада:

Кашка, пастушья сумка, петров крест, лютик, ромашка. Щебёнка,
Кирпичная крошка, строительная катушка.

Чёт-нечет в оранжевом треске:

На лету птичка божья хруп такую ж коровку,
Но не ест, а счастливые точки считает на латах:
Играет с товарками — а у кого многоточней букашка.

Ну и съедает, конечно,
И свищет, птичка эта божья муравьино-мушиного цвета.
Так безмятежно, небрежно.

БАШНЯ ГЁЛЬДЕРЛИНА

I

Затворили мне темницу,
дали мне остаток дня
и помутневшую страницу.

Не нора, потому что вверху, но всё же — дыра,
Дупло. Дребезжат на ветру флюгера.

Светло. Золотым снурком-закладкой
пасынок света по стенке скользит,
немощный лучик с пугливой повадкой коня.

Здесь комната на плоть надета,
которой нет.
Плоть, надетая на душу, что себя не любит больше,
исчезала, тридцать лет, и ещё три года, и ещё три года, точила свет.

Деревья из быстротленных, но дышащих стенок
смотрят в нетленный, но бездыханный покой,
девять шагов по прямой
и пятнадцать — дугой.
Получается лук, в котором стрела-гёльдерлин недвижим,
дребезжат на ветру флюгера.

II

Даже мыши, и те не сгрызли бумаг,
непонятных их носам, недоступных их наитью,
даже вредных их усам.

Даже новые стены впитали отсутственный запах.
Но, ведя мизинцем по раме, натыкаюсь на судорогу — высохшей птичьей
лапки, что царапала в ужасе сонное небо тридцать лет и ещё три года, и
ещё три года — призрачных пальцев. Дребезжат на верху флюгера.
о, Диотима!
о, мышь.

ИССЛЕДОВАНИЯ В СТИХАХ (2)

Если взглянуть за усталую нежность
природы, увидишь усатую нежить —

Рябина ль сердцами зернистыми во многопалых ладонях
бренчит раздражённо и глухо,

Или рыба рябью выводит строку,
которую так же не нужно читать, как считать *ку-ку*,

Во всём безглагольность, приманка для праздного слуха,

Обманка язык её острый, двуострый,

Душа её — слепок бездушный и люк безвоздушный.

Так думала я, обходя мои реки и горы, поляны и рощи,
А воздух бумажный разъезжался от сырости пёстрой.

Так погадай же на гуще копейной в своих облаках, —
Просили ручьи и холмы, луга и чащи, и загоревшийся воздух бумажный.

ДЕГУСТАЦИЯ ВИНА В СРЕДНЕВЕКОВОМ МОНАСТЫРЕ

Кто-то первый сказал: «Вот, Смерти подобен
виноградарь, что срезает лозу, —
кровь пускает в подземные вены,
в катакомбы, где бочки-тромбы
и сок течёт по ножу»?

Т. е. до Косаря Смертью был Виноградарь.
Он кровь (в)пускал в венозные подвалы,
где в бочках-тромбах сок густел,
и там, в подземных жилах,
горели свечи, плакали сверчки,
монахи пьяные следили,
чтоб кровь воскресла, а со стен
смотрел воскресший, как пример вину:
пусть, мол, оно возьмёт в себя вину
тех, кто в себе вину нести не в силах.

Вот в ужасе монах монаху:
«Толкни меня, когда я весь усну.
Ведь Он —
будь Жнец он, Косарь, Виноградарь —
не сводит с нас кроткого ока,
Его вертоград... ветроград...
корабль на горе арарат ...
благостивый вертеп ...
горит у меня в животе.

Мне страшно, что свечка погаснет, что воздуха нам не достанет,
в привычном приличном похмелье
плывёт
бочка в земле-подземелье.
Майн готт,
она — как наши братья в римских катакомбах,
а Он скользит наверху — строкомер винограда в руке,
как по свитку бежит карандаш,
здесь срежет гроздь, там лозу с завиточком,

там подчеркнёт, зачеркнёт, здесь усы пририсует,
то к кавычкам он склонён, то к точкам,
а мы пьём,
прижимаясь щеками к колючкам,
ключочкам,
клычочкам,
пока не уснём».

И монаху монах отвечал:
«Нет, весь ты не уснёшь, доверившись вину,
Но я тебя толкну».

1-й монах: И тленья убегу?

Линор Горалик

ИДЁТ ДУША, КАЧАЕТСЯ

† † †

Сестрица — маменьке: «Не трогайте меня!»,
сеструха — матери: «Не замайте меня!» —
и обе в серый день календаря
идут на фабрики или в поля,
и Ленин молодой,
и роза Октября
едва раскрылась.

И сделай милость,
скажи мне наперёд:
когда она так адски отцветёт, —
чего Господь захочет:
Беляночка ли Розочку пришьёт
иль Розочка Беляночку замочит?

† † †

Видеть, как сгорбленный у фонтана монетку из-под воды,
или уставшая говорит собаке «Пооди, пооди»,
или стоять у «Макдоналдса», плакать о ерунде,
а чумазый встал и глядит, ничего не просит.

Так готовишь себя в свидетели на Его суде,
а потом не спросят.

Вот и сердце вроде во двор пропустить пивка,
а глядишь — замирает, падает, начинает биться,
увидав, как нелюбящая нелюбимой куклу издалека —
а идти нейдёт, и смеётся.

† † †

Идёт душа, качается,
вздыхает на ходу:
«Ох, я сейчас убью и украду,
и возжелаю, — я уже желаю! —
ведь я душа живая.

Я день за днём, от страха чуть дыша,
иду-иду, послушная душа, —
деревенеют ножки, —
и только б не упасть (случайно вправо шаг),
и только б не упасть (случайно влево шаг), —
не сбиться бы с указанной дорожки
от дома до метро,
до дома от метро
сквозь тёмные холодные дворы.

И я едва жива — а досточка качается.
И всё мне не забыть, что досточка кончается, —
и я — я всё равно! — я скоро упаду.

Так пусть уж лучше я убью и украду,
и отравлю колодцы в Пуату,
и Украину уничтожу голодом.

Меня ли испугаешь адом.»

† † †

Д . К .

Нет такой тетради, где все линейки, а одна кривая,
чтобы можно было не только про мёртвое, но и про живое:
про как птичка жрёт, а у ней перо под ребром трепещет,
про как рыбка кровавым ртом сулит, а старик обрящет,
про как мальчика небо плющит, а поезд тащит —
мимо Родины, мимо Родины невесомой,
по кривой от Бишкека и до Херсона —
се, Господня ангела, не кормлена и бессонна,

и приходско-расхожая книга у него вся в крестах, —
он их обводит кружочками, если кто издох.

Саша, Сашенька, не езжай сюда поездами,
оставайся работать в бесланской школе, в кизлярском или каком роддоме,
езди ночевать в Волгодонск, отдыхать в Нальчик, —
словом, держись подальше от всяких опасных точек,
и авось доведёт кривая от крестика до креста, —
будешь себе умиляться на нас с креста:
как живое орёт, а мёртвое всё замахивается, плётка свищет,
мальчик птичку жрёт, ангелы по Бишкеку рыщут,
поезд по двум линеечкам описывает кружочек,
пассажиры писают между строчек,
и, пока старик по вагонам клянчит, старуха плачет, —
Родина рыбку тащит.

Рыбка питтит,
а Родина, знай, облизывается
и аж вся трепещет.

Юрий Милорава

ЛЮДИ И ДУНОВЕНИЯ

† † †

пена биноклярна уродливыми прыжками
немного это похоже на завтраки
показываются первые подносы с кофе
и пенится серебро
и пенятся серебряные подносы

† † †

на повороте
стена деревьев оттиск на дороге переменной
и два следа в защиту обочины гравий блестит
на каменной звонкой крошке и снова кольца —
в кольцах
разбегом колец

† † †

бруски облаков разделённые на отделы досками она теряет
и причёской вокруг лица плетений установлений
теряет она
расписными перегородками

† † †

бездорожье дико
скоморошная глубь
льда шальная мера отвернувшаяся
всё дальше с лубочными неохватными плечами

† † †

бугры урывками вышиты
пятьцы сгибы
рукопожатие в пальцах ткань смятая
пятеро с натянутым выражением лица
непрощенные солдаты
робость
почтительные вышивальщицы остаются у входа

† † †

безоглядность найдёт свои сумерки
сумерки следуют неожиданно — как телеграмма
шагая невесомо по глазам
по фонарным столбам
и рядом поле
колосьев его никак не найти на столбах
в чернильном тумане

† † †

обод каждый
колёса как люди никелевый обнимая и тот другой
навстречу оба заранее
а ночью тамбурины поспевают друг к другу
ропца об ошибках на колее

† † †

в растениях полевых мантий
запутанный меж теней далеко
в осенней короне выход
а порою он рвётся как пряжа

† † †

башня —
всё и вся — едино в ней
и люди и дуновения и флюгеры золотые
так зиккурат един и на вымпелов ленты —
зиккурат-горизонт уступов — за уступом уступ
из шелухи обвал — зиккурат — овекает медленный вихрь

Алексей Прокопьев

МЕТАФИЗИКА ОДЕЖДЫ

† † †

её трясёт при слове *метро*,
ей палец в рот не клади — хитра,
ей прям с утра шепчет нутро:
что же напялить под свитер, а?

«Свитер — он свиток, он свит из света,
Из тонкорунных опрятных свечек.
Встань и накинь на себя, комета, —
Голый пронзительный человечек».

когда её вносят в чумной вагон,
разве японцу не всё равно,
что под пальто у неё? кимоно?
но скоро и солнце выносят вон...

«Солнце тебе и во тьме светило,
Да и при свете тебя хотело.
Встань и накинь на себя, светило, —
Белое бело на голое тело».

и воцаряется непогодь —
слякоть и чавканье прям с утра,
её ловят за руку: *эй, погодь*,
что нацепила под свитер, а?

«Клацают нэцке — целуются кольца.
Кецалькоатля пёрышки в зелень.
Коже змеиной надо б укольца,
Зеркальца — яд чей в глаза нацелен».

вечный колюче-шершавый шарф,
встречный не менее злачный гон,
гонгом вдогон ей звенит Гонконг —
что там под свитером: только нерв?

«Шарф. — Это то, что острее печали:
Шорохи. Фары. Песчаная эфа.
Встань и надень, что грачи кричали, —
Чёрные крестики барельефа».

и озаряется пол-лица,
и охмуряется подлечом,
стелется снегом столица, а
что там под свитером, под лицом?

«А. Только А там ходит трамваем
По снегу нагу, по мелу круга.
Только на А мы всегда уповаем.
Встань и оденься. — Звезда... Подруга».

✚ ✚ ✚

завернувшись в белый флаг,
обернувшись белым флагом,
небо машет, кое-как
приближаясь мелким шагом,

машет вширь — самим собой —
собираясь нежно в складки
(шуры-муры,
ближний бой),
отступая в беспорядке,

шепчет самому себе
языком обмякших шкурок
беличьих,
и на губе —
соль и пот опасных жмуток

✚ ✚ ✚

стонущими сне́га интервенциями
стёклами стакато и секвенциями

стылый свет с утра до ночи пьяница
стопудово что пришёл пиздец ему
(сытым вам ещё больней достанется)

быстрозамороженной продукции
ужин фантастической конструкции
выужен из мусорного бака
парень светский — чёрт-те где шатается
вот уж где абзац! гламур советский
(матерная скатерть — свет из мрака)

музыка его не понимается
акции его не поднимаются
и не падают (заливист мат однако!)
говорит он только по-турецки
в ваших святцах не упоминается

мрак и морок и Макар дурацкий
(пляски смерти если по-простецки)
славятся словцом (пусть вам икается)
сука хуев пёс щенок собака

† † †

Под сухим огнём перекрёстных взглядов
по фойе цветочного магазина
долго человек-невидимка ходит —
с трубкой потухшей.

Зрелище печальное, что тут скажешь...
потому невеселы продавщицы,
словно бы одежды своей стыдятся
порномодели.

Им бы униформу к чертям собачьим,
голыми пройтись перед этим фруктом,
от стыда сгорел чтоб, — одна загвоздка:
вдруг не заметит.

† † †

Хочешь имя? и время? и мужа?
чтобы крылья сложились в кун-фу?

Чтобы, ужас в груди обнаружив,
напружинилась глаз твоих лужа, —
ведь без этого бабочка — тьфу!

Дорожит своим званием москвичка.
И, безумно влюбляясь в неё,
тихо чиркает гневная спичка,
и летит под откос электричка,
и взлетает на воздух жильё.

И встаёт, в ободке из пожара,
не желая питаться людьми, —
человеческое чернотя, —
милой речью, блаженством кошмара, —
и попробуй его отними.

Мотылёк, однокурник, невротик —
и какой-то пиджак-психопат
облетают, — что твой самолётник
отреченьем очерченный ротик.
Или что-то бубнят невпопад.

За отвагу по знойному лугу,
за летучее — тучи — бу-бу,
душат стрёкот и рокот подругу,
исполняя неробкую фугу,
вьюгу слыша у галок в зубу.

✦ ✦ ✦

Полосуя дни и сроки,
розов и нетрезв — на зов
мрака-шороха-сороки —
мчит на вороном *Cherokee*
дед Мороз без тормозов.

Ходит месяц стеклорезом
по морям застывших слёз,
и с сыночком-ирокезом
год бежит наперерез
главарям-головорезам:

блюз на бис — месё Булёз!

А секунды-людоедки
с колуном у самых губ,
завалившись спать к соседке,
язвы каверзные, едки,
метки — метят в складки шуб...

Спят, голубки, в синей сетке
обнимая ледоруб...

Шубки, юбки, плётки, ветки —
вылупляясь из скорлуп.

Ни минутки — без «хруп-хруп».

Речка подо льдом и лес —
всё у них блестит ликбезом.

Вот бы вдарить до-диезом
им поддых, месье Булез!

‡ ‡ ‡

Лифт — полоса отчуждения,
лестница в вышний лес,
тест на способность вождения
транспортных средств;
взвой, вертикальный *Cherokee* — и
взмой в облака:
гурии ждут черноокие —
как земляка.

Вышним всё кажется — камешки...
а светофор —
музыкой фьордов
пока ещё,
краешком гор...

Если рубин — то сутулятся
умный глазастый шофёр,
а изумруд — так по улице,
с музыкой сфер;
Григ на воде — снежным опусом.
Пропуском.
В пробке сиди,
в лифте застрянь. Бог с ним, с отпуском, —
всё впереди.

ДОМ МУЗЫКИ...

Во мрак взлетают галки
(фрак стойкой стайки машет рукавом,
как дирижёр, послушный воле палки)
и, выманив огонь из зажигалки,
на счёт «четыре» поджигают дом —

он вспыхивает,
жалкий
Дом Фиалки.

Мелодия неоновым огнём
за шиворот вползает одиноким
проходим...

Как теперь мы обогнём
угрюмый тусклый огонь желанья,
тёла

её
пожар
слепой?

А так — положим
её на крышу чёрного *Cherokee*
мечтой маньяка.

Дело.
Только мы
её теперь и видим. Только му-
зыка (да зыка не послушавший зэка)
её теперь и слышит.

Соль зимы,
блестим в далёком мыслимом дыму...

Мычащая Земля, как ты близка!

✦ ✦ ✦

Наступая на полы пальто,
лаской рыская в дебрях халата,
спотыкаясь и пятась... в ничто
(в нечто) падая виновато,
всё ты думаешь: коротковата...

шубка ватой висит мешковато,
будто выкроена из карто-
на одежда и жизнь автомата.

Просыпаться — учить языки,
отупеть — съездить в гости к подруге,
рассупониться —
и без подруги
вдруг цветные нашарить мелки
в полушариях сердца и вьюги,
шоры сняв,
распрямив уголки
губ и мыслей,
как — вытянув дуги,
губы трубочкой — в голос,
в гудки пароходные,
в мощные плуги,
в супинатор походки упругий, —

и тогда всё, что жжёт из угла,
обретает язык.
Сапожок
говорит тебе: здравствуй, божок,
я охотничий малый рожок
и твоя ненаглядная мгла, —

и тогда всё кружится опять,
и заклёпок глазастая медь
начинает учить Киреметь,
как смотреть, и идти, и стоять, —

и тогда тебе шапка мала.
Ветер пей, и целуй, и кусай их,
золотые твои помела,
и грызи, закусив удила,
и ликуй, словно суфий в Исаях!

П Е Р Е В Е С Т И Д Ы Х А Н И Е

Проза на грани стиха

Андрей Левкин

ТЕЛОЛОГИЯ

Диспозиция трипа: Киев, Подол, Контрактова площадь, точнее — один из выходов метро под этим названием, в сторону Валов: то есть Верхних и Нижних — здесь такая топография, що по оси шляха бульвар, то есть два ряда деревьев (где — расхожие каштаны, где — что-то нетипичней, а между ними песчаная из гравия дорожка), а по бокам от бульвара, то есть аллеи, — проезжие плоскости, для движений в противоположные стороны. А совсем по бокам вдоль — дома, конечно. Они называются с одной стороны Нижним Валом, с другой — Верхним, не запомнить, какой где. Ветра немного, но пыль перемещается, хотя и низенько, её много: сміття.

Киев — это место, где все ощущают себя телом, то есть — как тело. Это столь же сомнительное утверждение, как если сказать, что в Москве человек состоит из его позиции в социуме и совокупности связей по разным поводам. Или что в Петербурге он взвешен в каком-то трамвайно-автобусном балансе между СПб и Ленинградом, имея в виду стилистическое противоречие между дворцовыми ансамблями и уже обветшавшими конструкциями военно-промышленной промзоны плюс сырыми силикатными кирпичами спальных районов. В Риге он тогда из пустоты, потому что там есть десяток друзей, но их уже видел на прошлой неделе, так что это одиночество, где тело отсутствует среди ветра и многочисленных пустошей, учитывая и море. Разумеется, это журналистский формат описания, имеющий мало общего с действительностью, по причине его среднестатистической логики. Журналистика, да и предупредная, дурница.

Чего бы телу хотелось тут, где у него карт-бланш и полная доминация? Оно бы хотело понять, до какой общественной границы и в какой мере социум ожидает тела как своего участника. Тут, потому что нет оболочки, позволяющей его, тело, не учитывать: нет, скажем, ни творца «Благода», ноль процентов, сметаны той же системы в 15 процентов, хрустящего хлеба «Елизавета» и, допустим, вида из окна. Подобное здесь надо обеспечивать как-то специально, обращая на это внимание, отчего чувствуешь, как тело живёт.

Зачем вообще разные города? Для того, чтобы при многих перемещениях ощущать свой личный инвариант, которым, звичайно, тело является, — и окончательно зафиксировать его, сидя в забегаловке на улице, на Контрактовой площади на Подоле — это, несомненно, версия хаджа и паломничества ко всем св. мистцам по части ощущения равенства (=) себя и тушки. Коже тело раз в жизни обязано себе прийти сюда. Телу тут, от такого его доминирования, файно. Ляжки почувають покой зелёной дошки снизу и сла-

бые, восходящие потоки тепла, глаза смотрят и кое-что себе бачать, член почему-то в полунабухшей фазе, но не из-за телеологических відчуттів, а так, хотя бы даже по причине общей декларируемой витальности этой країни. Набухание хуя бессмысленностью схоже с получением SMS по киевскому номеру о том, что в магазине Madok сбоку от Майдана ещё неделю будет иметься акция по удешевлению недовостребованных штанів. Конечно, каждому тілу регулярно нужен подарунок.

Руки, возможно — за счёт шевелящихся пальцев, ползают по столу: медленно, можно считать, что они глядят эту грязную поверхность — тогда различий между ней и телом станет ещё меньше, отчего пространство ещё более расширится и ещё менее станет совсем чужим. Тело, только тело, всюду тело, одно только тело и ничего кроме тела, и оно должно узнать об этом. Именно поэтому каждому телу следует прибыть сюди. Тут потому что ничего нет, кроме того, что тут. Тело, особисто тело, а отсюда можно пойти туда или ещё куда-то, но змісту и сенсу в том не будет, тому що куда и навіщо?

По цієї причине все перехожие персонажи кроме их тушек есть ещё кто-то: потому что простір и мир повторяются в каждой своей крапці. Каждый из них в данной точке мироздания вселенной представляет ещё и за какую-то другую сущность. Фактично, вся история людства ходит тут как людские тела, а иначе кого бы эта история трогала и касалась? Они не коммуникабельны, если не считать контактом факт их появления здесь.

Чтобы такое понимать, надо чтобы разница температур тела и окружающего была в пользу окружающего, по крайней мере — на поверхности тела, не в промежностях — тогда оно (оно — кто? Оно-Воно) будет охватывать тело снаружи, давая ему ощутить свой, то есть его относительный холод и отдельность, заставляя тело стремиться полно соединяться с тем, что окружает.

Тут всё наяву, а ещё, на щастя, есть и засаленность — являющаяся пафосом тела как такового, и ещё его же, тела, запахи, объясняемые тем, что это пахнут бактерии, живущие на нас, тем самым производя аутентичную манифестацию себя. Сообщая нам message о себе. Поруч с навесом кафе, то есть этой веранды-распивочной-ганделька стоит машина с номером 373-53 КН: жигули голубого, ну голубоватого цвета. Шестёрка, что ли.

Данное место есть вытянутая плоскость в низине, но не это влияет на отождествление человека с его телом, и даже не тела с местностью, но с каким-то весом обстоятельств или даже справ. Все тела, порождённые какими-нибудь отношениями с кем-либо, тут не известны — так кошка не знает своих котят, не узнаёт их при встрече, не почувствует к ним ничего, а то и агрессию. Так и мои колишні тела ушли в нежить, и зачем им возвращаться? Не вспомнить, что они чувствовали, так что будет неловкость при встрече: о чём с ними вспоминать? Данное тело сидит здесь как мастердиск, а копии давно служат людям.

Уточняя диспозицию, следует уточнить, что в округе Контрактной площади (Контрактной площі — всё, что относится к телу, должно, по мере освоения терминов, излагаться по-украински, потому что в телесной отрасли украинский является латынью: он и будет употребляться в моменты пафоса, как уже употреблялся) есть ещё несколько гандельков, то есть забегаловок — там продаются смущённые розовые сардельки и есть

напитки, коньяк «Закарпатский», ужгородского производства. Гандельки и алкоголь не очень важны, это просто совокупность интерьеров: они дощатые, со стойкой, — обычно отгороженной от посетителей, как кассы на железнодорожном вокзале; с игральными автоматами и даже с музыкальным автоматом в одной из них, на Межигірской. Но «на железнодорожном» лучше, чем «на залізничному», то есть — вокзал уже выведет за пределы тела.

Неподалёку имеется также рынок, автостанция, и другие популярные места, дома тут двух-трёхэтажные, так что ширина совокупного в ширину шляха больше высоты домов раза в два. Я тут не очень большое тело среднего возраста с модифицированными зубами, не имеющее — как уже понятно — в данном городе привязанностей и, в общем, его не любящее, совсем не кохая данную точку світу, которая не имеет ничего общего с формами жизни, в которых я привык жить. А тут — просто зарабатывая ситуационные деньги, а сказать об этом надо, потому что мотивации должны быть ясны, а то — ну с якої ж статі какой-то Киев и, тем более, Контрактова площа. Но это место — прекрасно, тут и теперь оно имеет смысл абсолютного мінімуму змісту, который только возможен.

Тут много бомжей, средней степени испорченности — если о состоянии их лиц и одежды: какое-то их гнездо тут. Тут же зупинка маршруток-автобусов — хотя идея куда-то ехать, она странная: отсюда не надо уезжать, здесь же сама стабільна точка на свете. Есть ещё и подземный переход, от рынка — он метрах в трёхстах — к станции метро, которая где-то внизу: сверху её не видно, реальная дыра. В этом длинном коленчатом переходе много разного майна. А на маршрутках написаны не только номера маршрутов, но и пункты назначения — машины, то есть, себя помнят, а ни на ком из людей таких слов или цифр нет. Зато их тела, в основном, равны себе, то есть все они цельны, цельные. Они не так чтобы прекрасны, но отчётливы. Наверное, у каждого у бумажнике лежит фотография лица его тела, 4х5, цветная, кольорова.

Закарпатский коньяк не есть коньяк, это удачная жидкость чувственного свойства. Это такой физиологический раствор, потрібний для урівновесить чоловіка и Подол в пользу его, человека, тела.

То есть тут нет дополнительного культурного сенсу, который бы подразумевался чуть факультативно и тяготел дополнить эти местности сейчас. Конечно, у местных людей есть, несомненно, вариативность своих предпочтений, неуловимых со стороны. К примеру, какова предыдущая и нынешняя судьба этой женской особи в очках, интеллигентной? Будет ли ей сегодня хорошо, и что для этого должно сделать её тело? Есть ли у неё для него в сумочке шоколадка? Или вот це, інше тело с червоними трояндами на туфлях? Или данная демонстративная пани с подбородком к вечеряющим небесам, которая не в курсе, что на её колготках, долларов за 128, сзади преогромная дыра, сразу ниже юбки из чуть ли не Sanahunt'a?

Тут — несомненно, с какой-то обдуманной целью, — всё прикрито сверху — нет никаких дырок в этом каком-то массивном куполе: только тело, тільки тіло. Ему всё равно, где быть, так что лучше прямо здесь. Но здесь, конечно, есть свои майданчики для життя. В том и дело, что, не зная о них, тебе остаётся только тело, а ведь тут — сам ви-дел — есть ділянка питья пива с рыбой, територія употребления сухого печива. Тут працюють навыки экспертизы той же вяленой риби и есть участок самовыражения в диспутах с продавщицами. У них, наконец, тут автостанция и метро. Но всё это перекрыто

для постороннего из-за его одноразовости, хотя бы и регулярной. Не протягиваются ниточки, ему всякий раз снова некуда идти. Тело как раз не участвует, все тела отшиблены, и если даже возникнет похоть, то это было бы зоофилией — раз в нём нет здешней истории и всех их многолетних тут взаимных зв'язків. Возможно, при небольшом числе участвующих жизнь имеет музыкальный, то есть даже ритмический характер с обязательным припевом, ещё более тактовым, тырц-тырц, являясь временем для впитывания щастя. Потому-то Народ и любит Попсу.

Тут должно происходить какое-то столь же ритмическое и сладко истощающее телеса икрометание — промежуточное, потому что, накопив в себе вещи и чувства от них, тело мечет себя в моменте похорон, вкладывая его, богатое жизнью, в нутрь, то есть плоть в полость. Сюда должен приходиться каждый человек обеих-двоих полов на нерест. Что-то из него в тут должно удовлетворённо происходить и высвобождаться. Высвобождение, да, есть встреча с чем-то наречённым, то есть как раз со своим телом. Ползёшь брюхом по брусчатке, ощущаешь его адекватно. Нерестишься не спеша в промежутки между камнями.

На свету же тут, за зелёным забором какой-то дом, который никак не достроят. Раствор выпирает из между кирпичей, в рамках забора стоит киоск, пустой, в него ходят по нужде бомжи, а также лежат там и спят — ну, тепло и крыша, а рядом палисадникazole недостроя, заросший травой, а хотя бы и сорняками. То есть бомжи пытаются срать в стороне, но потом же кто вспомнит, где это было, так и ложатся куда упали; бегают щуры. А теперь мимо проехала машина, а мог бы и грузовик — здесь, між іншим, ездят на дизтопливе.

В подземелье же багато майна, дуже много речей, то есть — вещей. Там даже есть наборы постелей и акварельных красок в тубиках, что уж про взуття, шкарпетки, рушники, деревянные изделия и яблоки, а пахнет там квітами, в основном лилиями, заполнившими своей сладостью все разветвления подземелья. Пол там асфальтовый, но асфальт уже слегка испарился, и сквозь него выпирает углами щебень.

Закарпатский коньяк не вводит в опьянение, но растворяет какие-то лишние перегородки между телом и данным местом — как поза Shavasana, то есть трупа, имеющая в виду полное расслабление всех мышц, лёжа на полу. Тут это можно достичь проще и сохраняя при этом возможность видеть, будто ты метелик: видеть стадо собак, перемежающихся наискосок от автостоянки к дыре в метро, имея в виду дыру в земле, а куда они дальше — не знаю, но тормозящих движение; у них всё тот же защитный здесь цвет сероватого песка с немного искрящимися на закатном солнце вкраплениями.

Тут нет ни хера, с чем соотнести, отчего остаётся быть телом. Дышать, покашливать, учащать дыхание после глотка кавы — процесс его употребления на открытой веранде — фактически на зупинці, посередине между остановкой и территорией бомжей возле недостроенного будинку, — вызывает ощущение. То есть имеется ощущение прихода тёпло-сырой субстанции, адекватной телу в добром смысле слова. Вот, между тем, прошло тело, в точности похожее на Борисова, главного редактора издательства «Амфора». Означает ли это что-либо? Весьма возможно.

Никаких шансов на понимание нет, хотя бы оттого, что не понять, что тут надо понимать. Здесь требуется сидеть и смотреть на всё бараном — чуть опустив, да она и сама — челюсть — опустится, язык чуть выскальзывает, вываливается, касается губы —

глаза немного расфокусировались, но видят, как именно происходит время: и спереди назад и слева направо — куда больше, чем справа налево, имея в виду количество прошедших пешеходов. Но странно: чем бессмысленнее глядишь, тем более выпуклым оказывается всё вокруг и тем, почему-то, меньше ощущаешь себя плотью. Например, совершенно не помнишь о своих внутренностях, но это же противоречие? Де шлунок? Де кров'яний тиск, де млява шкіра, де печінка, де суглоби, де сечовий міхур, де тельбухи, де вік, в конце-то концов?

Ветер почти отсутствует, но какие-то бумажки перекатываются, а за углом продают палёные CD с такими-то кино, их на лотке много, можно шелестеть и выбирать, как некоторую загрузку, которая будет уместна телу — воспринимающему их как приятную ласку, глядя по спине. Копчик начинает чуть помахивать крыльями, этими своими оборками, будто прошла небольшая волна от прошедшего мимо существа с четырьмя чемоданами в четырёх руках. Четыре и четыре — сходится, так что всё в порядке. Три чемодана коричневых, а один зелёный, примерно как військовий зелёный, но не хаки, а транспортный. Внутри чемодана там лежат принадлежности для жизни, деревянные, никелированные, мучные и інші вироби. Но и стекло битых бутылок, между прочим, тоже красиво — на серой, песчаной, палевой земле, осколки, зелёные куски стекла красивее, чем коричневые. Но и коричневое скло тут лучше, чем без него.

Внутри что-то греет изнутри, фактически чьими-то лучами, выходящими через подушечки пальцев, опирающихся на стол зелёного цвета, жирного какой-то гладкой доски, уходя сквозь неё куда-то ещё, вписываясь в местность.

Это сложное дело, вписать себя обратно в тело, когда метелик уже вылетел. Это очень сложно, если изначальная невинность соотнесения с ним утеряна. Наверное, это и подразумевалось под первородным грехом, что же ещё, если не это? Но тут же не упражнения в прикладном богословии, местность не способствует, хотя какая местность этому не способствует?

Тело освобождает от заморочек, больше ничего тут нет, тело, одно только тело и ничего иного. А как ощущает себя человек, не так чтобы считающий себя телом, но не имеющий других идей на цей рахунок? Вот он двигает ногу — это он, человек, поступил в рамках своей компетенции. Он ощущает, что это он весь несколько передвинулся, какие-то связки напрягают его цельную сущность, а сам он присутствует во всём и как бы монолитно идёт. Или, если он ест, он есть и еда становится им, вот это он, бессмертная сущность, рыгает, здесь и теперь. Но как они думают, которой частью? Как это ощущают?

Или вот у него всё идёт, как шло, и вдруг что-то щёлкает, даже с треском: непоправимо — даже не зная что, но — явно непоправимо. Никогда больше не будешь пользоваться этой штукой, как прежде. Всё, там что-то сломалось, — но потом, конечно, привыкнешь. Зато у тела понятные радости — скольжение, поглаживание, то есть осознанное трение, проскальзывание, торможение, шебаршение, наркоз.

Интересен также вопрос опознания телом его счастья, его удовлетворившего, — какой вид это имеет? Когда какая-то зелёная линия превращается в красную? Или что-то попискивает, ускоряя попискивания? Или что-то, что сосало, насосалось, отваливается, удовлетворившись такими и сякими чувствами остального тела и уползает куда-то в его глубину — в те места, где и живут удовлетворённые желания, и там сыро, тепло и гирианда иллюминации, дрібні лампочки.

Между тем тут уже начинает восходить второе солнце — в отличие от первого, по цвету это было каким-то малиновым. Не луна, конечно, — луна тут меньшего размера и, в профиль, чуть эллиптическая. Зеленовато-сероводородная — она висит не очень высоко над Днепром — в той, в общем, стороне, где элеватор. Может и не сероводород, а оцет.

По ночам на Контрактовой происходят расстрелы излишних представлений. Вот человек сдуру себе что-то придумал, у него есть не так чтобы даже план или мечты или предположения про майбутнє, но некоторое протяжение себя, то есть — продление за своё тело. Тогда его выводят ночью на Контрактовую, и их отстреливают, как бы дезинфицируя, а он потом живёт себе, как жилось, и, в принципе, был бы благодарен за событие, если бы об этом знал. Но он ничего не знает, а вот — именно тут. Знали бы — сюда бы приезжали толпы, в место, где поубивали чуть ли не стадо их любимых зайчат, перед расстрелом даже не дав понюхать морковки, морквини. Впрочем, возможно, их выстраивают рядами вдоль Нижних и Верхних валов, пуская вдоль вулиць какой-нибудь горчичный газ. И тут ещё должен быть карьер, куда сваливают все сны, обещания и случайные чувства, — потому-то Подол так бруден днём, что работает ночью, устраняя всё, что отличает человека от тела. Потому-то сюда и тянет, лично понять, как всё хорошо устроено на свете.

Такие рассуждения, это типа выбухи, то есть существа, имеющие телесную, но одноразовую природу, несколько сырую: каждый из них не имеет ни смысла, ни адреса, но является бессмысленной реакцией, почти инстинктивной, в данном случае — автора текста. Они нарушают целостность тела, всякий раз демонстрируя независимость от него, глупую, как всякая демонстрация. Они выходят из их автора и покидают его на какую-то свою свободу. Их не вспомнишь, хотя печаль от того, что они тебя покинули, останется.

Не заниматься же анализом их жизней и их обстоятельств, желаний лиц, стоящих тут на остановке или идущих мимо, или живущих напротив: ну вот какая-то там двухкомнатная квартира, проводка на кухне идёт поверх, она же просто просвечивает сквозь дом, что идёт поверх, что тут поделать. Но они включают свет, электричество пойдёт по этой проводке, осветит лампочку, станет ещё уютнее.

Известно, что Вивальди працював «Времена года» тут, каждое из времён в другом гандельке. Осеннее — именно отсюда, возле остановки, летнее — на Подоле есть свой локальный пивзавод и палатка ближе к рынку, на другой стороне, вот там. Зимний Вивальди был в той точке, что на Межигірской, где музыкальный автомат и стойка за перегородкой из оргстекла. Зацарапанного, немного матового. А где весеннее — не знаю, да он и сам не помнит.

Но вот житло, оно же должно быть? Туда надо идти телу, то есть туда идёт тело, как радіолокаційна станция, всем собой ощущая постоянный приток импульсов, создающих ему информацию куда идти, отчего оно идёт, не нарушая равновесия и ориентируясь. Оно фактически вырастает по делу множества операций, которые производит, — внутри него есть непременно какие-то ещё муравьи, они выбегают из некоторых щелей — видимо, за этими щелями пространства, заполненные муравьями. Они швидко производят необходимые для тела внутримолекулярные дії, отчего тело имеет возможность идти и дойти до дома, понимая под этим место, из которого ему немного не надо будет ухо-

дить. Дом, значит, есть дыра, куда тело войдёт, дойдя до дома с точностью до форс-мажорных обстоятельств, причём они форс-мажорные именно потому, если он туда не дойдёт.

Ergo, по умолчанию есть такое гнездо, паз, в которое(-ый) вставляется код, теперь уже можно сказать, что это SIM-карта: как осознавали себя люди до появления симок? Теперь-то они знают, что у каждого из них есть такая своя приватная штучка. Потому-то вся философия такая замороченная, что раньше не могла найти точных сходств, всё получает наглядность позже. Что-то появляется и, как домой, ложится в своё гнездо: и всё уравнивается. А ведь ещё есть аккумулятор и пинкод, а ещё — зона покрытия и подключение: кто знал раньше об этой анатомии? И всё это равно телу, а также для него, не выводя за пределы его компетенции. Даже на Контрактовой в конце сентября (+ 25, снижающееся солнце, пахнет листвой, остывающим теплом). А чуть поруч, между тем, с прошлого появления тут как тела, построили два высоких будинка, один розово-малиновый, другой — яично-канареечный. Они, наверное, всё время оттуда глядят, если, конечно, не моются в душе.

Но должно происходить какое-то прямое управление — не в смысле внедрения инстинктов, привычек и образования и даже не в варианте частных физиологических стратегий. Всё это не приведёт к возникновению памяти — разве что кроме памяти самого этого места, она останется какими-то колебаниями, как бы плавниками ската или китайскими белёсыми грибами — они как-то колышутся во времени на этой территории. Растягиваются, касаются окрестностей — примерно в трёхстах метрах за пределами близоручкой видимости точки отсчёта, которая — тело. Оно, тело, и колышет плавниками, которых, если о нём не думать, и нет.

Решения в данной точке принимаются путём консенсуса всех членов тела, и они всё время происходят, иначе бы все особи так бы и стояли тут. Повсюду всё время происходит глобальный договорной процесс, хотя, собственно, какой же это консенсус или common sense, когда иначе деться некуда. Даже не закуришь.

Ещё также свисающие элементы. Это важно, всё это по-своему участвует в принятии решений. Или такой продукт — вытянутый, снаружи шершавая шкура, далее идёт слой мякоти, сладкой, по вкусу как вишня, но если чуть глубже, то будет дырка, из которой потечёт жёлтый, жидко-вязкий, жёлто-зеленоватый гной, гнилизна, которой часто пишут письма и употребляют в частной жизни, потому что она должна быть регулярно и на единой основе, которой и является гной и гнилизна; они и склеивают отношения тел.

Что данное размышление добавит к знаниям про тело? Например, факт наличия гнёзд, расположенных не только вдоль хребта, а по всему телу. В гнёзда вставляются такие как бы пульки, похожие на маленькие дирижабли: туповато-выпуклые спереди и более быстро сходящие на нет с другой стороны, круглые в сечении. Они входят в какую-то клемму, матерчатую, то есть телесную. Этакие крошечные сфинктеры, которые и не заметит никто, кроме obsługi, которая шурует в каком-то технологическом помещении внутри мяса.

От же, тело расползается, с этим ничего не поделать: как только оно начинает думать о себе, оно тут же и расширяется, захватывая в себя всё подряд, осуществляя аннексию. Пересекаясь с другими телами, оно проходит их насквозь, все проходят друг

сквозь друга: телесность обнаруживает себя отсутствием её, а ведь хотелось же, чтобы как проще.

Ещё раз, вывод: если ограничить себя телом, то оно начнёт разрастаться. Оно будет увеличивать свой состав и территорию, им занимаемую: это невозможно остановить, и оно оказывается нечёткой слизью, из которой вмняемо только то, что успело затвердеть. Подол, например. Тело расплзается как тесто из квашни, намереваясь накрыть, покрыть собой всё и во все стороны.

Но это, конечно, не тело — телу хочется норы, дыры, куда бы укрыться от всей этой лепнины. Дыра, щель, дырочка, ямка — что угодно, потому что тело это лишь желание такой дыры, места, куда оно может проникнуть, спрятаться и обмякнуть, расслабленными мышцами себя заполнив эту внутренность — всё равно, чего именно.

И всё, о чём можно знать надёжно, — что существует Контрактова площадь, потому что она тут. И это здесь Алайский рынок, откуда видно во все стороны света сразу. Потому что у каждого тела должен случиться свой алайский рынок, который только и есть его тело.

Значит, вот это о чём всё было: всегда *must be next* дядька, который зафиксирует, что опять распалась какая-то связь. Термин «Алайский рынок» придумал в 1942-43 году В.Луговской (*Три дня сижу я на Алайском рынке, на каменной приступочке у двери в какую-то холодную артель. Мне, собственно, здесь ничего не нужно, мне это место так же ненавистно, как всякое другое место в мире... Чужая жизнь — она всегда счастлива, чужая смерть — она всегда случайность. А мне бы только в кепке отсыревшей качаться, прислонившись у стены. И ничего мне, собственно, не надо, лишь видеть, видеть, видеть, видеть, и слышать, слышать, слышать, слышать... Опять приходит лёгкая свобода. Горят копилки в чужестранных окнах.*)

Речь не об искусстве, а о воспроизводстве чувств. Делать нечего: время от времени кто-то должен фиксировать факт отслоения мира — такого, что это отслоение уже заметно, и могут это сделать только дядьки. Они, потому что, не продлевают себя вперёд и назад, они здесь, где есть, ну да — некоторые от этого страдают, не я. Речь лишь об ответственности за традицию, к тому же всё ещё крайне слабо раскрыта тема наличия тела.

А оно тут и видит: вот телевышка, сетчатая, почти проволочная в сумерках, торчит в зазоре между деревом бульвара (весьма высокий тополь) и широким рекламным щитом над зупинкой. Что щит рекламирует — неизвестно, он задействован только с одной, той стороны, а отсюда видна изнанка, крепёж и тыльная сторона: жесь, бляха. Да, а клетка для арбузов, которая между точкой зрения и остановкой, она не зелёного, как в Москве, а тёмно-синего цвета, но кавунов там пока нет. 375-53 КН с полчаса как уехала.

Такие дела: всё это регулярная задача. Другое дело, во что при этом превращается небо. А на нём становятся видны все предыдущие перемещения по нему как солнца, так и луны — это каждому отдаётся пространство, предназначенное именно для него. В нужном месте при правильном поведении небеса расслаиваются, и каждому отдаётся его небо. Конечно, можно предполагать в этих мерцающих бороздках *message* лично тебе, но читать его уже и не обязательно.

Д Ы Ш А Т Ь

СТИХИ

Михаил Айзенберг

НЕ ОДНА ЖИЗНЬ

ВЫСОТКА

Во-первых, наука
для жизни неброской.
Начало, посылка.

Смешная косынка
завязана туго
под шапкой уродской.

Пока что примерка.
Спускается тьма, изнывая,
неясные делает знаки
и, в луже, в газетной бумаге
себя узнавая,
берётся накрапывать мелко.

Темнеет в глазах от детсадовской скуки,
а темень пятниста.
Морозная твёрдость, идущая в руки.
Потрогай руками.
На грубо отёсанный цокольный камень
гляжу я покорно.

Гранитные зёрна
красиво блестят, слюдянисто.

✚ ✚ ✚

В фейерверках и разрывах
необъявленной войны
победители незримых
поединков не видны.

Посторонний смотрит дико:
может, просто сон такой?
Это шапка-невидимка —
соль замешана с мукой.

Там невидимые гости
в победительной муке,
в соляной стоят коросте
у стены, рука в руке.

† † †

Так получается, что дана
не одна жизнь,
не одна, не одна.

Прерывается линия
жизни, связи. Меняет канал.
А потом возвращается к нам,
вся в заоблачном инее.

Кто ж стеклянный такой, деревянный
наклонился над ямой неявной
и клянётся здоровьем,
чтоб не стать посторонним.

Полных два года
пол уходил у меня из-под ног.
— Значит, сынок,
ты отделяешься от хоровода?
Или под честное слово
яма взяла отступного?

Время не меряно, я и не меряю.
Пусть недоверчивую материю
тонкая бритва сечёт.
Что там ещё-то скрыто на время учёта?
Всё на мой счёт, за мой счёт.

Два-полтора пустяка.
Новое время как лучшего лекаря
сводят с молекулами белка.
А несговорчивые молекулы
невелики и едва ли видны.

Страх без причины.
Чёрные метки (смотря со спины)
неразличимы.

† † †

Дорогая, будь добра —
на отдельной запиши бумажке:
наволочка, свитера,
нижние и верхние рубашки.

Скучен этот перечень ничей.
Вещи, пересчитанные дважды
или трижды. Несколько вещей.
Важно то, куда их передашь ты.

Пётр Попов

ПЕРЕПЕРЕГОВОРЫ

† † †

кем бы ты ни был
ты всё уже выболтал

растянул подковку

и рукой дотянувшись до поручня
понимаешь что всё кончено

и проезжаешь свою остановку

† † †

степан не добрался до бреста
не удалось вырваться из контекста:
запой да невеста

то есть он попал в капкан миротворческого процесса
югославия афганистан принцесса диана
разве и этот мир полон обмана

вырубает тэвэ идёт в подвал вскрывает вены
во всём виноваты евреи и нервы

† † †

ты заслуживаешь большего
ужаса например
у тебя плечо гиблое — полимер

так нельзя никогда ни о чём

неумело спешится смерть
за нами гонится какой-то шит на мото с коляской
мне страшно мы страшно спешим

ты всё это заслужил

✚ ✚ ✚

отче твой ничего не весит ему ничего не стоит
как мне пересказать горькую правду
эти перепереговоры даются почти даром
почти рядом вот на этом месте снова бассейн построят

то есть я хотел сказать что каждый храм себе роет
куда ляжет глаза закроет

Александр Месропян

В ПОЛЕ СТЕЛЕТСЯ ПУТИН

† † †

если что-то останется я тебе непременно отдам
все что останется медленно разожму кулак
все что берёг для себя медленно чтоб не спугнуть
выпорхнет не поймаетшь я проверял
все что осталось вот на скажу жри подавись
я уже не хочу

† † †

мы всё говорим о чём-то
то о чём говорим то не о чем то совсем ни о чём
то времени не хватает вечно
то зима
то о чёрной корове уходящей по красноармейской навстречу солнцу
вернётся
а молоком нас уже напоили степные маки
и хлеб конопляный горел чтоб не дать умереть
чтоб не был железом огнём одиночеством

кто б ни был железом огнём одиночеством их до фига
как сорок тысяч братьев
не плачь казак не плачь казак не плачет казак
свернёт самокрутку духмяной травы и танцуя джигу
на крыле ероплана говорит свою гордую песнь

любю братцев любить сорок тысяч но я ж им не сторож
распрягу свою конь молодецкую лягу під вишней
как под яблоней ой-да май лав помоляся аллаху
расхерачу нью-йорк чтобы знали кто в доме хозяин

в поле стелется путин прохладною тихою сапой
кычет жалким саддамом над доном бездомный бин ладен
ой-да ой-да-да ой-да май дарлинг скажи чё те надо
что ж ты выёшься как псих ненормальный
над больною моею головою

обалденные жёлтые мальвы
как собачий полуденный вой
поначалу пугают немного
а потом привыкаешь
но что ж
ты всё ходишь один на дорогу
что ж ты господу спать не даёшь

что ж ты всё говоришь ни о чём то
а хотя ну о чём говорить

о том что времени не хватает вечно ни на что
зима опять будет медленною и тёплой что дым
поднимается вверх и значит я
никогда не уеду из этой деревни
только держи меня крепче не давай мне
клясться на конституции
биться о стены
жрать эту землю
жить долго

✦ ✦ ✦

и слетаются птицы сглатывая слюну
что ли хищные блин во всю своих ширину
размахнутых крыльев а моря здесь не было никогда
одна только пахнет судьбой дождевая вода

окунул бы лицо всей мордой своей туда
открыл бы глаза на дно и пошёл ко дну
посмотреть как совсем и совсем почти навсегда
полегла страна во всю свою ширину

там темно и такие бульбочки изо рта
искря и потрескивая как плохой контакт
выплывают на волю пока говоришь слова

а когда уже слов совсем больше нет почти
там включают свет сосчитавши до десяти
бьют под дых и зачитывают права

Ксения Маренникова

ГОВОРИТ И ПОКАЗЫВАЕТ

✚ ✚ ✚

Раз в два дня

Я хочу видеть как умирает и там стоит
Закрыв глаза, стирает в мобильнике номера
Закуривает, думает: господи, *ты это всё*, но так не бывает
Почему ты меня здесь стоишь

Потому что ты про меня молчишь

✚ ✚ ✚

ребёнок взбирается на колени
кладёт руки на плечи —
неси меня отче
ешь меня изнутри сиропом
я твои руки буду держать там у себя в желчи
буду дышать твоим лёгким
сердце буду держать между ногами
ты меня — обнимать руками
будем ходить по улицам, задирать головы, будем
есть самсу и лаваш, собирать бутылки
чего нет ни у кого, и не будет
боли как будто проткнули в затылке

✚ ✚ ✚

мама говорит — мы тебя отдадим.
ползает по полу за своим хвостом —

горе, которое чего-нибудь сделает с нами.
хорошо когда ты один.
я тебя от себя буду держать руками.
сам себе говорю — я буду тебя мочить.
я тебя изведу всяко разное.
маленький, который любит меня и молчит,
потому что он говорит и показывает.

✦ ✦ ✦

в самой короткой жизни
ты стоишь, вверх ногами, на самом цветном экране
достаёшь до земли руками
подбираешь мелочь, всякую дрянь съёшь в рот
потом устаёшь
на самую долгую жизнь всё равно не наберёшь
в самом дешёвом кафе
заполночь
я трогаю тебя между ног
ко мне, говорю, или к тебе
к тебе, говоришь, от тебя потом будет проще

✦ ✦ ✦

мамы, для которых всё просто
я сама себя слышу лет через сто
отпусти меня, господи, к той, у которой
всё через одно место
что ты держишь меня за волосы, как простую девку
не помочь, ничего
я скопила немного денег
я тебе их подбрасываю, когда отрастают руки
когда ходят ноги, я думаю о тебе
и когда я лежу в воде

когда всё это закончится
ты будешь умнее
сама за себя говорить станешь
будешь говорить, даже когда устанешь
будешь вспоминать обо мне

† † †

когда работаешь третий год на одном месте
когда тебя узнают
пусть даже в казино метелица
(когда у тебя было своё место на рынке
те же ощущения)
вдруг всё меняется
мама возвращается из больницы
у отца день рождения
ты стоишь в очереди за дорогим шприцем
тебе по карману её лечение
и теперь, когда это уже никогда не кончится
почему тебе так трудно сказать, что ты меня любишь

† † †

после того как я умру
после разговоров об этом
(почему так, я потом пойму)
в маленькой жизни всё можно
можно умереть в метро на скамейке
можно успеть обнять тебя в этот момент —
ехать в метро, которого нет

до свидания, закрытая дверь
до свидания, увидимся, когда я скажу

Игорь Караулов

ЗАРАЗА-ПЕСЕНКА

МИГРАНТЫ

Тёплых вещей ждём
и неба сводок.
У неба совсем немного
сведений обо мне.
Жалкий филиал
паспортного стола,
какое убожество
в наши-то времена.

Небо, небо, упорное в нищете!
Фанерный пригород,
убежище для
нелегальных мигрантов
неясного цвета кожи,
не знающих, им куда.

Днём и ночью утлые жгут костры,
последние снимки щёлкает мошкара.
Что за обычай у нищих —
выбрасывать тёплые вещи:
стёганные халаты, бурнусы,
индийские свитера.

ИСХОД

понравился мотив и в горле бытовал
наружу выглянул — а край обетован
достаточно, чтоб выйти из теплушки
и сделать потягушки

и где тот фараон, тем более нарком
здесь долька озера подёрнута ледком
и неподбита пышная солома
так далеко — и дома

зараза-песенка, простуда на губе
приятна будет эта изморозь тебе
а то всё рельсы-рельсы, шпалы-шпалы
и чёрные провалы

НЕ ПО СЕЗОНУ

какой-то человек, служивший на таможне
танцует во дворе и ходит по воде
бирюлькой ветровой, хлопушкой новогодней
на нём его пальто и белый пух везде

глазуют на него и тлеют мимоходом
коричневый старик с посудой в рюкзаке
на леске ползунки и липы хороводом
и девочка, любовь несущая к реке

и самая река, где башенные краны
приколоты к холму смирительным лучом
и святой себастьян промасливает раны
и заливает кровь почтовым сургучом

и гордый внук славян, повешенный на рее
и сын шотландских гор в кокетливом юбце
проходят мимо глаз в прозрачной галерее
ещё бы знать, кого покажут нам в конце

назавтра новый год — не ждать же, в самом деле
что превратится в лёд вся дольняя вода
когда мы так легко, так близко, так у цели
как в этой памяти не будем никогда

ВАСИЛЁК

яркие губы — твоя приманка
и в глазах озорной намёк
я ехал в танке и вышел из танка
и сорвал тебе василёк

ах, немецкий крест пожилого мая
сахар губ твоих, рафинад
обнимаю, бережно прижимаю
подождёт он, твой ленинград

нам кошма не нужна и зонта не надо
пусть с неба течёт вода
полосатые танки из колорадо
не раздавят нас никогда

ДАТСКИЙ ПРИНЦ

наблюдения за собой
наблюдания за собой
дания окатывает с головой
закат её кособок
за кадром её лай собак
пусть себе катится колобок
всё равно остановится на зеро
всё равно
все кого он любил
кого исцелял наложением рук
стали теперь щелочной золой
загрязнением малых рек
всю данию согнали в строку «дано»
никого не пускают в строку «ответ»
между ними колючка
бурлящий лай
сумасшедший свет

Ника Скандиака

ТАКОЕ ЯБЛОКО

† † †

такое яблоко: «я брала»

† † †

...сплошная смерть без размышленья.

?спасибо за смещённый гул за
involute heart (скрученное сердце?)

развёртка-сердце?)
наклон/вмешательство,
мгновенье меня

— и ласточка летит
и насекомых на крыло берёт.

нет
за ней ведь и зверь следовал

ел, что вырастет на протянутой лапе

.

насекомые именно умирали. в смысле, они не рассчитывали на это.

а я, друзья, ещё вежлив: жив.

зверя не видно: это я с потайным в ёлках.

† † †

судит о моём здоровье по дыханию карандаша и не дышит, когда не пишу

† † †

глубина/собственно
формального [расположения/порядка]. упорядочивания.

фразу как не-вх: как сифонофора из воды но только контрастом с
тостером можно воскресить

ты отнял мне рубашку от кости груди и погрузил язык мне в самое сердце
(уитман) — лучше сказано, чем ты не представляешь что ты со мной
делаешь с акцентом. но что приятней услышать? лучше скажу нежному
читателю ты не представляешь что ты со мной делаешь.

сердце, гружённое языком

•

имя же, привитое к столу
прибитое

•

сифонофоры слёз. слов. первых слов.

• (ОРФЕЙ)

а в сотах (странах) моря есть солёный мёд —
солёный мёд огней — сифонофора.
но если кто-то (_ / ?) в банку соберёт,
то это будет словоформа.

а имя чьё к столу прибито тут?
привито? — если имя или тостер
поставить для контраста, все поймут,
когда приедут в гости:

писавший этот мёд ходить не может.

я бы не смогла.

да вот же ходит около стола, идёт вокруг стола,
разматывает имя с ножек.

† † †

или на улицу, где заправляет/ безголосая зима

.

и действительность отталкивает от наконечника стрелы

НЕМНОЖКО ДНЕЙ

боливия, ботва, ботсвана, борщевик:
 разнеженная болтовня — разнеженная тихоходкой, медведкой
 тихоходкой/неподходящей школой/rm/rm-9
 тихоходкой
 уходящей
 непроходящей. не проникая в комнату врага.
 разнежение/я? разнеженность?
 неразмнож[имой]?

акцент первого тона сердца
 жестокостойкий
 сердце зашло / сельдяной король
 цомпетитион ин гивинг уп смокинг
 lakes known to harbor
 пёстрая лента — память?
 unknown creatures
 аттракционы, поддержка
 Only when the panther dies is it substituted completely by the 'pronoun'
 (Everett)

more / examples of this lack (Everett)
 functioning (e.g. developing a language) under constraint
 торжественный / набор / во двор
 двуполое, двуногое без пола

в небе пять
 на телебашне (тебя?)
 that lime or line can't take [rime?]
 thanks for answering *hugs*
 проблемы и ?созидание
 биб-ка имени
 женщина
 проблемы и раздражения
 ?in no particular disease
 lampshell lingula inarticulate brachiopod

что отец одиссея — тюлень;

помощи / памяти / матери // русалка / канала / кавано

обрядов падения [было: нападения]

с найдёнышем воды

systemic contamination

contained? yams, yams.

hurts (and?) yams. [roadside monk]

impressive: сенсорная [афазия], контактно-усталостный [износ]

тяжеловесная женская доля, / — — / —, / — — /

?мерцающее молоко

очередь / выстрел из огнемёта / шквал огня

мерцающее устройство

(flickering device)

внутренняя / дверь

a snicket — непреднамеренная дверь

и воздух встаёт и просит его сосчитать

пролёт в чистоте

обрядов нападения

гордон, «конструкции, или почему не понимаются вещи»

навыки

языки дальних дорог; разлук

laying waste, the eggs of

зародышевые клетки постоянно самовлюбляются ?

он сделал нетерпеливый хвост? хлеб?

шестая тайная любовь. (шепнула? нет, шестая)

loveless/novelists.//loveless loveless.

like a loud dependent

боятся покончить с с обой тем, что вешаются / все / вешаются?

пошевелиться огнём

* где простота / не схватывает / шагов *

rename things / seen

* переименовать [в виденное/вещи в виденные]*

где пустота / не состоит из рассказанных / звуков

очень противно быть 'а' — лучше pencil

✚ ✚ ✚

стакан наполовину гол? наполовину голоден? задан.

стакан наполовину задан.

МИГРАЦИЯ

свет

волопаса

волос и псов

мой ветер вестяк

пустовест

.

ты — говорит мне — ангела возьми с большой дороги

говорит мне

ангела возьми с дороги

возьми

.

ангел

в пальто на сбивчине (стиховом пуху)

получишь от ангела

наводняй-населяй

.

неописанную

твердыню

говорящее потерянное место

•
и реку обитаемой земли
и глотающую реку

•
снятса и прикасаются.
осмыслена и лёгкая: трава:
дом светляка и дьявола.
реки сутка, ильдь и ламь,
сложенная или переосмысленная ими || земля
в селе кобелево районный центр изящности
веселящиеся тучи
перенасыщенная ими
человеческой исправленности

рекопись требует паузу, запах
истлеть
кости рек теребят

укуса, зуда
требует,

— строится на непонимании, —

•
ты ангела себе возьми, говорит, с другой стороны
возьми, говорит, со стороны
ангела себе возьми
ты возьми

от полновечных проблем
отскрестись

•
место — общая возрыданница есть
и дерево всё в заговоре мести
веточка || утопленницы || ветки, ветки || каждая, каждая,

лишнее водящее место
на всех
бог весть

лишняя сизариха
вихрь

уходящая
свирель II слепая
от свирепости
вепрь
весть

.

свивающиеся выси

.

ты — говорит — мне света возьми с дороги

.

пыли возьми, воли
милости возьми, колесо возьми

.

неописанную твердыню
возьми

.

я смотрела на вещи, и в них проступали киты
смотрела на вещи и жертвовала ими

а в сердце что растёт?
солнце в сердце растёт.
а в сердце что растёт?
солнце в сердце растёт. озеро в сердце растёт.
я смотрела на вещи
и в них проступали киты. и киты и деревья

ты мне никто с дороги

.

придержи своих мёртвых II в колотушке

.

.

они совсем
не как
в траве

.

получишь убеди
от ангела

.

.

.

.

.

для светляка и льва

.

.

жизнь в эвакуации с неходячим отцом возьми с дороги
дом возьми с дороги
землю возьми с дороги
каштанов поволжья
нейрологию надгробного слова возьми с дороги
флейту возьми с дороги
распутицу возьми с дороги
способность обобщать возьми с дороги
утомление возьми с дороги
для светляка и льва
уведомление возьми с дороги

ты по бедро в дороге и дорога, вон брод, колокольню-утопленницу
возьми с дороги

ближних возьми с дороги
холодных

ладно

•

говорящее натёртое место
ещё говорить
о чём

неописуемую
талдычину

возьми

рекопись требует
глаза

•

выразимое прошло
то, что осталось — и есть
вечность
без звонких
кость

•

ангел
так в пальто и спал

Н А О Д И Н В Д О Х

Миниатюры

Марина Хаген

ХАЙКУ

✦ ✦ ✦

идти по сонному городу и
слушать, как двигают мебель
в небесах

✦ ✦ ✦

от стаи
отбился байкер
с помятым крылом

✦ ✦ ✦

зимний парк
дети шнуруют
лесные тропинки

✦ ✦ ✦

звонок
без вёсел гребёт телефон
к краю стола

✦ ✦ ✦

утренний снег
поскрипывает под моими боками
кровать

† † †

в небо
выпустил стрелы
молодой лук

† † †

новый ребёнок
старые дети качают коляску

† † †

суббота
дольше спит кот
на моём животе

Александр Корамыслов

ТАНКЕТКИ

† † †

ласки
в куньих норках

† † †

товар
деньги ветер

† † †

написал
выруби

† † †

звёзды
зажигают

† † †

завтра
скажут поэт

† † †

Тот Кого
за тридцать

† † †

между ног
ангела

тоже есть
крылышки

† † †

Арион
не тонет

О Т К У Д А П О В Е Я Л О

Русская поэтическая регионалистика

НИЖНИЙ НОВГОРОД

Игорь Чурдалёв

ОГНИ

Пока ещё плывёт в густой ночи
огонь живой,
и плавников лучи
колышутся, упруги и колючи.
Упущенной свободой пахнет сеть,
и горько недобычливой висеть
на вёслах, извлечённых из уключин.
Как берега пустынный и темны!
Огонь плывёт,
над ним лишь зрак луны,
в котором отразился мёртвый Авель.

Ловец сполна отбыл надежды срок,
мочой залил рыбацкий костерок
и безнадежный промысел оставил.
И жить ушёл.
Стоградье перед ним:
прищурясь на фасады попригожей,
он выбрал дом, назвал его родным
и щёлкнул выключателем в прихожей.

Тотчас упал
на всё идущий свет,
готовый быть интимным, блёклым, тёмным,
трусить везде, где есть электросеть,
вослед за господином обрётённым,
сообщать его вещам товарный блеск,
чуть сумерки, да хоть и спозаранку
умея дать чуть видимый рефлекс,
но и сверкнуть, чтоб обыграть огранку.
Всё на свету тоскою учтено:
лоснились в лучах, блестящ и сексапилен...

Что ж пробки вырубаешь и в окно
вперяешься, бессмысленный, как филин?

Пока ещё плывёт в густой ночи
огонь живой, а знаешь, так молчи,
не добавляй искателям соблазна.
Не мало их и так легло костями,
ведь берега пустынно и темны,
и Авель мёртвый в небе не напрасно.

Не верил ты пугающей луне
и лодку гнал наперерез волне,
как будто настигая понемногу
огонь живой,
рассыпчатый, как смех
над жаждой постиженья вся и всех,
плывущий до сих пор,
и слава Богу.

ПЕЙЗАЖ С ПУТНИКОМ

Над абрисом означена луна,
хотя до сумерек не близко —
речь о лете, —
на фоне августа, чья зелень столь темна,
что неуместно говорить о цвете.

А всё же синь джинсовки так бледна,
так безнадёжна продранность карманов
фигуры — что продуманно бедна
на фоне пышности,
царицы дальних планов.
Там всполох над курчавою горой,
томящейся, куртинами качая...

Туда он и уходит, мой герой,
забытый всеми, автора включая.
Не более, чем штрих, чем антураж,
не прояснивший, встретившись со мною,
зачем он жил — и помечал пейзаж
белёсой и сутулою спиною.
Зачем на фоне дерзко проступал,
когда рука творца над ним нависла:
один мазок — и он бы в миг пропал.
Но без него пейзаж лишился смысла.

Кто вслед смотрел, тому ли не понять.
Кто из виду терял, успев привыкнуть, —
тот чувствует, что поздно догонять
и не достанет голоса окликнуть.

Андрей Агеев

† † †

«Алиса! — кричал кто-то под окном. — Алиса!»
И снова через минуту: «Алиса, Алиса, Алиса!..»
Глянул — мужик под тополем, шатаясь, ходит вокруг, взывая.
Разве машина пронесётся вдруг, заглушая, —
И снова: «Алиса! Ну, иди ко мне, ну же, Алиса!..»
Я смотрел с балкона, сидя на табурете,
В листву тополиную, на уровне этажа четвёртого заметил рыжую кошку —
«А, блин, — подумал, — ну как же, и за них мы в ответе»,
Долил ещё красненького немножко..
«Мужик, ещё раз крикнешь, убью и тебя, и эту суку», —
Услышал на пару пролётов ниже,
А мужик сел на землю, закрыл лицо и, похоже, заплакал.
«Мужик, спокуха. — То уже я. — Погоди минуту», —
Спустился, залез, достал, и вот — слопала колбасу и его пальцы лижет..
«Выпьем?» — спрашивает. «А то!» Потом из казахских вроде бы маков
Курнули, поддали. Кошка спала, свернувшись..
«В следующий раз, — от двери уже обернувшись, —
Убей эту суку, на хуй».
В квартире уже, стянув портки и рубаху,
Долил ещё. Был футбол, вроде бы наши — немцы,
Умылся, заметив, что второй уже месяц, сменить бы всё ж полотенце,
Смотрел в экран — что-то бегало, мельтешило,
Как будто взвесь, иль восстал шестирукий Шива..
И кто-то рыжий пальцы лизал, и кто-то просил рихму.. —
К двенадцати отпустило, лёг спать, на улице было тихо..

† † †

Летело тело по космосу, без звезды летело.
Грызла белка орешки, изумруд вдребезги.
Вышел из дому Серёга, а бочки нету.
Ни забора нет, ни дороги, тьма одна, темнотыща.
Летела белка в орешке, звёзды вдребезги,
Изумрудная крошка под ногами хрустела,

Шёл Серёга год и ещё неделю,
 Блестела справа вода, и слева вода блистала.
 Орешки пустые все, а то гнилушки.
 Язык стал чёрен, глаза белесы.
 Шагало тело, ползло, летело.
 Крутила белочка колесо, канкан танцевала,
 Дуби-дуби-ду — пела.

† † †

поднимался в кремль с Маяковки,
 медленно шаг за шагом, без роздыха, без остановки,
 поднялся и упал напротив огня вечного,
 подле тебеццкой берёзки,
 истекая, испаряясь в небо голубое, беспечное,
 над цветами, головами туристов, где кружились яркие блёстки..
 и ничего рядом, ни палатки или киоска,
 Волга, далёкий берег, баржи, тонюсенький остров,
 и негде, и нечего, шаром покати, абсолютно!
 поднялся, пошёл на звук то ли скрипочки, то ли лютни,
 оказалось, касса филармонии гадцкой открываецца
 не раньше одиннадцати,
 раз в жизни захочешь вот так принцем-то
 побыть, пригласить на бал принцеску,
 а на двери большими буквами, убедительно, веско:
 касса работает с 11 до 18, суббота, воскресенье — выходные.
 это что же, блин, деецца, а, родные?
 это ж как среди рабочего дня мне досюдова выйти?
 остаётся только плюнуть, либо сесть да выти
 на флаг гордо реющий, трехцветной российский..
 плюнул три раза, и что ж.. отправился в путь свой неблизкий..
 бомжик патлы расчёсывал у витрины зеркальной «Уюта»,
 только пальцы скрюченные вновь и вновь в седых застревают, а
 рядом девушка собачку свою, кокера, пытаясь загнать в лендровер,
 то кричит, то посвистывает, а пёс за номером номер
 откалывает — то вокруг пронесётся, то сядет на задние лапы,
 тявкнет и — под машину, и затихнет там тихой сапой..
 а другого, чёрного, беспородного, ворона раздирает на части,
 машина сбила его, может быть, такой же вот ровер,
 и, кроме ворон, никто не проявляет в судьбе его никакого участия.
 нет, вот из окна столовой смотрит кто-то в белом халате,
 должно быть, повар,
 а из вытяжки пахнет у них так, что сразу тошно,
 вези меня, тринадцатый номер, отсюда — туда, где, возможно,

я выпью чая зелёного и начну забывать, и всё к чертям позабуду.
и повёз троллейбус, и довёз меня и прочего разного люда
полный салон,
мой поклон.
теперь можно скрипт написать, да заняться правкой кривого кода..
а в Порт-О-Пренсе, на тёплом песке сидя, Нэт, старый колдун,
вторую закуривает в ожидании белого теплохода..

✦ ✦ ✦

вчера была молния,
гром дошёл сегодня,
под утро, полчетвёртого,
загремел, застучал по заспанным батареям,
металлическим привкусом сон прорезал.
вскочил испуганно, включил свет — никого,
а кругом — гремело, небо тянуло к земле, стены ходуном ходили.
упал и лежал, затаясь, до проблесков сероватого в окнах,
как раз к шести где-то и тишина, мёртвая, наступила.
и весь день сегодня видел раненых и тронутых катаклизмом —
мужика под лавкою на остановке,
кавказца, по офису мечущегося с возгласами: «э, как жэ.. мы жэ..»,
щенка у ворот, встать пытающегося, с перебитой правой лапою,
маршрутку на мосту покорёженную, номер 164,
девушку с букетом роз, бредущую медленно, с фингалом
под левым глазом..
хотя все вокруг утверждают уверенно, мол, никакого грома и вовсе
не было.

✦ ✦ ✦

«выкапывая картошку, муж повредил спину,
в больнице теперь, а урожай привезти некому,
так как поле за двести километров отсюда,
e-mail написала в Америку сыну,
тот сюда позвонил Рафику Назарбекову,
в два дорожке получилось. но нет, не причуда
глупая — на земле коль не добро, так сорняк родится,
и разве что ж можно так с ней, такой-то доверчивой?
как смотреть потом на неё, она же всё чувствует,
и как идёшь ты по ней, и какая на дорожку спустилась птица,
и тем паче — огурчик какой получился, перчик,
картошечка.. а как ковыль начинает буйствовать,
к дому твоему прилетает одинокая перепелица,

бьётся в окно.. и ни образáми уже, ни свечками
не отпугнуть её..» слушал и думал: «и хуй бы с ним,
только можно б было дойти до ларька и, купив, напиться.»

† † †

на первом этаже — собаки, на втором — бомжи,
на третьем — подростки закусывают.
серебряная женщина, хрустальная, срывается с крыши — вжжжжжик! —
летит! парит!.. зависает над контейнером мусорным,
ловко щёлкая пальцами, извлекает из него пустые бутылки —
мужик с дочкой, старуха, свадьба замёрзшая — замершие
наблюдают, как достаёт она из-под высосанной мною горилки
(жаль, нет пока web-камер в жж)
тёплую ещё тару —
нюхает, переворачивает
и меееедленннну оттуда в горло застывающее капля течёт..
глотает и — зажмурившись, серебристым выдыхает паром.. —

вот так обычно оставляю бутылку и убегаю, не оборачиваясь
к окну своему, напротив контейнера,
чтобы снова и снова поглощать её!
да разве может другое-то быть щастье?!
для промотавшегося пионера..

Сергей Кынчев

ОБЕЩАНИЕ

Прошла неделя,
Он явно отстал,
Но думал недолго —
Красиво сыграл,
Написал:
Я выполнил своё обещание,
О, девушка моей мечты,
Мой двигатель внутреннего сгорания...
На этом кончилось её терпенье,
И кончилось всё,
Лишь спустя много лет
Учёные-таки разглядели
В городской системе заземления
Маленькую ископаемую птичку
С хорошо сохранившимся опереньем.

ЗВЁЗДНЫЙ МЕХ

Ели участников,
Ели молча
И желаний не загадывали
Тёмной ночью.
Звёзды на небе здесь самые яркие.
Люди в краях этих самые добрые.
Испокон веков эти люди закапывали
Лучше всех.
Потому здесь такие красивые яблони,
И на лицах мужчин звёздный в сумерках мех.

ПОСТЕПЕННАЯ

За год пребывания где-то ни там,
Ни здесь
Ни дня не сомневался —
Она постепенная.
Нам
Достаточно врачам подписку дать,
Вернуть долги,
В карман
Положить две самые любимые безделушки.
И можно смело утверждать —
Нет ничего важнее в этом мире,
Чем в сандалиии моей любимой
Разноцветные ракушки.

ПРИШЛА К ПУШКИНУ

А она пришла к Пушкину...
Надо же...
Вот ведь...
Такая бермудская,
Такая треугольная
Смысловая вертикаль...
Храни Господь, поэт, твои стальные лопасти...
И только морской офицер,
Приехавший к родителям в Пермь,
Не стал вдаваться в подробности.

† † †

Олимпиада!!!
Трепещите, флаги,
В сельских пунктах!
Прибавьте радио,
Сегодня открытым письмом будет передан
Международный главный бриз случится
Всем включать всё!!!
Да!!!
Ура!!!
А где же ёжики, Марина?
Ведь кто-то же должен за кадром шуршать.

† † †

С фонарями,
Одетые, как носятся мухи
Болотные
В час ночной,
Идём.
В остальном —
Снег и снег,
Механизмы ночные
Музыку ноября совсем не простую
Под нос себе тихо нахрапы-
Ваяют
Фигуры высшего пилотажа...
Думаю —
Лось с ролью демона справится вряд ли...
И всё-таки —
Принятая программа реформирования
Является наименее радикальной из предложенных,
Кроме того,
Каждый шаг её
Будет подвергнут самому тщательному анализу.

† † †

Дед был подготовлен
И, смерти вещанье
Разделив на пять частей,

Мечтал —
А может, важнее увидеть другое?
Вот включу верблюдов запертых!..
Два или три?..
Так, покидая свой, радио выключив,
Тыквенный

Старенький

Маленький

Дом

И уничтожив все параллельные записи,
Разноволосый мыслитель с коробочкой,
Пустой,
Но расписанной звёздами,
Совершил величайшее закрытие.

КРАСНАЯ ОДЕЖДА И ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ ДЕМОНЫ

На деньги, овощи и парашюты
Не влияет Лунный Календарь.
И люди в вагонах молоко в бидонах
Возят как-то по-особенному
Лишь в моём воображении.
Так думал я.
Но третьего дня,
Купив одежду новую красную,
Заметил:
Действительно —
Количество предполагаемых демонов в моём поле зрения
Значительно поубавилось.

МЛАДШИЙ

Был третьим по счёту —
Ему повезло,
Ведь в лучшем случае
Можно лишь спать
И видеть во сне,
Как в полдень июльский
Мухи, стрекозы,
На поле красивый
Кукурузник
Приземлился.

Дмитрий Зернов**СЕКСТИНА I**

Ты почему-то стал ещё сильнеей
Теряться в этих глупых пустяках,
В раненьях ножевых от слов — больней
Лишь след укуса на укушенных руках, —
В бумажных фразах «будь со мной нежней»,
Которые нашёл в моих стихах.

Которые украл в моих стихах
И сделал их от этого сильнеей,
И сделал их от этого нежней,
Запутавшись в забавных пустяках —
Они теперь в твоих дрожат руках.
Пустяк, конечно. Правда, так — больней.

Ты не читай! От этого больней!
Живёт за каждой рифмой ложь в стихах.
Бумажным шариком в твоих руках
Свернусь. Сожми меня рукой сильнеей!
Забудем же об этих пустяках.
Не расправляй меня — поправь нежней.

Поправь немножко ниже, где нежней.
Вот так не больно? Хочешь, чтоб больней?
Помешан ты на сладких пустяках.
Об этом, блядь, не принято в стихах —
Люблю тебя. Люби меня сильнеей!
До крови. До укусов на руках.

До капелек солёных на руках.
До рука... Ну-ка, тише и нежней...
До не... Ещё немного и больней...
До края боли, а потом — сильнеей...
...А помнишь, я писал уже в стихах
Об этом и другом, но... пустяках.

Десятки раз об этих пустяках
Ногтями на твоих писал руках,
И выдохом твой вдох считал в стихах —
И ямбы в ямочки ложились всё нежней.
Не больше боли было нам больней.
Давай поспорим: кто из нас сильнеей...

СЕКСТИНА VII

Наверное, он больше не придёт.
Не скажет (в точку!): Надо сдать посуду.
Иди-иди, сегодня твой черёд.
Что за свинарник ты развёл повсюду?
Надел футболку задом наперёд.
Иди, а то любить тебя не буду.

А я мычать в ответ чего-то буду
(Конечно, если только он придёт):
Какая разница, где у неё перёд, —
Не в этой же идти сдавать посуду!
В ней дырочки натыканы повсюду —
Идти на тряпки ей пришёл черёд.

А там и мой, глядишь, придёт черёд
(Конечно, если я и дальше буду) —
Уже сейчас болит и ломит всюду.
А Тень рождения ещё один придёт?
Меня сдадут, как грязную посуду.
И смерть наденет задом наперёд.

И буду я смотреть как бы вперёд
(Конечно, если это мой черёд) —
На полную ещё вином посуду,
Как покупать в чибке её я буду,
Как эта мысль мне в голову придёт,
Как хорошо и как свежо повсюду.

И я как будто здесь, но я повсюду
(Конечно, если умер наперёд).
И благолепие такое, бля, придёт —
На свой манер, на только мой черёд —
Что всех и вся тогда любить я буду.
Блядь буду, вымою ещё посуду!

И вот в чибок я чистую посуду
Несу: и зайчики, и зайчики повсюду,
И я авоською ловить их буду,
И от меня они бегут вперёд,
И я бегу за ними в свой черёд.
(Конечно, если только он придёт.)

А он возьмёт и больше не придёт.
И деньги кончатся — я сдам посуду.

И до огрызков свой дойдёт черёд,
И до объедков, что лежат повсюду.
И будет чисто — знаю наперёд.
И я, наверное, жить вечно буду.

Евгения Риц

† † †

Она всё время дышит и молчит,
Как будто пишет и молчать не хочет.
И позвоночник, зябкий, как графит,
У ней в душе так яростно стрекочет,
Как будто по-турецки говорит.

И, стряхивая крошки на подол
И капли розовые с отзвуком фаянса,
Она умеет так себя бояться,
Как будто это дождь в неё ворвался
И там внутри намеренно пошёл.

† † †

Разные люди из железа, из камня
Искали Женю, её уголки и норы.
Ну и куда мне,
Когда пошли такие разговоры?
Вот уже звонят, обрывают провод,
Вот уже звенят, точно колокол,
Дёргают себя за язык.
Шестидесятая школа,
Дальше — дорога в город
И город, поставленный к ней впритык,
Но не успевший войти в привычку,
Вырасти скобкой, дужкой промеж ключиц.
Я ищу отмычку,
Они ищут птичку.
Слышишь — она вылетает. Видишь — она кричит.

† † †

Город как город. Большой город.
Такой, как Горький, только больше,

А так — ну Москва и Москва.
 И нет никакого там духа у неё, ни праха,
 Только улиц неглаженная рубаха,
 Перекрученные рукава.
 Люди как люди. Как мы, городские люди.
 Да и с чего бы им быть другими,
 Какие могут быть полюса,
 Когда у всех нас от копчика до грудины
 Проходит одна и та же — средняя — полоса...
 А всё, что я там делала,
 Пожалуй что оказалось лишним,
 И не было ни любви, ни смысла в небыстрой моей езде —
 По вертикали ездят только кабины лифтов,
 А они одинаковые везде.

✦ ✦ ✦

И говорит на семи языках,
 А мне не понять никак.
 Вот если бы видеть лицо, рукав
 Или хоть пуговицу пальто,
 Я бы всё поняла, а то —
 Как же, не приобняв?

Пресная соль под ногами и с потолка —
 Рано в этом году,
 Я бы всё поняла,
 Если бы так не ду-
 Мала — медленнее глотка.

Вот он идёт за моей спиной,
 Но как обернусь, если нет спины?
 «Ты погоди, — мне кричит, — постой,
 Больно-
 То не спеши...»

Пешая радость без рук без ног,
 Вроде всегда длинней —
 Липкая лента,
 Съестной комок
 С трещинками слюней.

Он говорит на семи языках,
 А мне не понять и двух.
 Носится город его над водой —
 Значит, и город — дух?

Егор Кирсанов

† † †

а в театре который выгорел
иногда живут бездомные бродяги
стукаются друг о дружку
деревянными носами
как последние из рода маори
в своей небывалой пустоте

и оплывает голос лорелеи
с прокопчённой высокой галереи

† † †

и тот огонь что горит во мне
это не я
это кто-то другой
ходит во мне с фонарём
ищет во мне человека

навстречу попадают беженцы и солдаты
показывают в разные стороны
говорят:
«чѐ ты здесь делаешь
здесь давно никто не живѐт»
прикуривают от фонаря
идут дальше

и тот кто ищет во мне человека
тоже продолжает идти

† † †

иных уж нет они живут спиной
слезой затылочной и пулей под ногтями
они немые они стоят за мной
шепчась правосторонними руками

и мы поѐм их голосом Твоим
что ночь пройдёт что память не вернѐтся
и выйдет кровь отечеством чужим
и ляжет лев и виноград проснѐтся

† † †

больные ломкие ответы
 в мешке приносишь по теченью
 в переговорной будке
 короткие гудки
 и простор для воображения
 мария мёртвая мария
 мне губы синие твои
 тебе же календарь перекидной
 чтоб обрывать меня по счастью
 по кусочку

† † †

салман о салман
 склеивающий небо слюной
 вползающий в пустые костяные стихи
 погибающий на древесном посту
 мы топчем тебя башмаками
 и жуём твою кислоту
 и ангел о шести ногах
 отпирает тебе дверь
 в бесконечный муравейник

† † †

ты не первый
 что пропал в этих водах
 мальчик с коленками и облаками
 август
 расчёсанная чешуя каникул
 а может
 мальчика-то и не было

может
 просто попалась хорошая книжка
 и ты стал многоточием
 сороконожкой
 путаешь свои лапки
 как слова
 сидишь на месте
 читаешь об африке

и может
кто-то дышит тебе в макушку
подсказывает
как приготовить языком и губами
самое вкусное блюдо
маленькие прозрачные внутренности хоря
ядовитая рыбка
которой нельзя отравиться

✚ ✚ ✚

графу до лихтенштейна рукой подать
сел в карету и проехал две-три улицы
там его королевство его море и небеса
датский ящичек
сплошные пластилиновые чудеса
помнишь как жрал баланду
и ноги раздувались как паруса

граф обязательно приедет
он нас всех рассудит
этому пять лет
этому восемь девять десять
нина искренно встанет потянется и пойдёт
поезд тебя коленками перейдёт
в глаза заглянет
за руку вот так возьмёт
скажет люблю
будь мои фогелем
перьями покроется и запоёт

✚ ✚ ✚

бьорк идёт по переходу
плавает разговаривает само собой
она не ездит на пароходе

это как в кино
это как в метро
её ослепшие глаза разматываются сладкой лентой

мальчик и папа стоят у моря
вроде бы обещаны всемирные гастроли

в северном клубе
на липкой сцене
бумажки бигуди
цветные кудельки

давка на входе
некоторое количество звёзд на небе

Мария Глушкова

ПСВ П.

рядом с этим домом растёт ещё один дом
и ещё один дом —
мы ходим вокруг в сапогах —
мы высаживаем цветы в поникшую землю —
пришли холода —
но что нам с того — ведь мы в сапогах —
вот и ходим кругом.
а мальчик упал с качелей губу разбил
но он не плачет — мальчик — он ни гу-гу —
сидит на поникшей земле —
пришли холода —
как тогда —
когда ждали жару (пургу) —
теперь мы высаживаем цветы в сапогах
на остальное у нас не хватает сил.
и окна ярко горят в этом доме и в доме рядом горят
человек подстриженный ходит в окнах сердце стучит
он подходит к окнам смотрит на нас как на всё подряд
как на землю поникшую
как на мальчика
как на цветы
трогает себя там где сердце.
потом молчит.

ПОЛОВОДЬЕ

я говорю тебе не ходи по воде сворачивай не ходи
кипячу чайник кипячусь сворачивай кричу сворачивай — наугад.
я не вижу тебя я не знаю есть ли ты есть ли где —
сзади меня впереди —
друг ли ты мне дорог ли мне друг ли брат.

не ходи говорю туда
не ходи по мокрой воде.

там за лесами горы — в лесах живут
красавицы спящие —
во сне поворачиваются на живот
хлеб жуют
смотрят сны про тебя — идущего по воде —
морщат рот
ищут тебя глазами закрытыми — где ты где.
кипячу чайник кипячусь кричу громче вёсел громче ветра
кричу громче всех

вот он вот.
кручу на пальчике нитку так веретено
вертят принцессы в сказках и на бобах —
какая буква выпадет какое имя тебе дано —
живущему у них в снах —
у меня на губах.
нитка кончается — вот оно вот оно.

на букву такую нет никаких имён.
кипячу чайник форточку печатаваю — разглядываю карниз —
вода течёт отовсюду, со всех четырёх сторон —
в глаза, вдоль ладоней моих, на живот и — по бёдрам — вниз.

Анастасия Зеленова

† † †

Незвана-непрошена
прикатилась горошина.
Не то чтобы страшная,
но странно окрашенная.
Размером — с клуб,
а формой не куб.
Хозяйственный люд — вокруг похаживает,
бока ея шшупат, поглаживает.
Астроном ухмыляется, хитрит:
скрывает, что это ценный метеорит.

КОРОВОЖАДНОСТЬ

в переходе подземном,
в темноте чёрно-бурой

кой-то в каске и с буром
 пробирался в берлогу.
 нёс в запазухе эхо,
 прохладительных пару,
 нёс подтяжки для рогов и чужую совсем.
 упиралась чужая, доставала до нёба,
 хохотала над кем-то

надоил молока

‡ ‡ ‡

в солнечный день тапиром чепрачным лягу в лесу
 крикну своим — пусть ивы и тополя листья и яблок несут
 очень люблю кукурузу, но скромн я:
 за кукурузою сам побреду в ночные поля

(ОТПУСКУ)

однажды это проснётся каждого.
 киночь.
 чёрная, белая.
 немая.
 вроде бы подыхабрь.
 ага, умираль-коротенек.
 и между ними — прочерк
 почерком-не-знаком им.
 ледяной, как дирижабль
 английский

ДАЛЬНИМ ВЕТРОМ

ПЕРЕВОДЫ

Джулианна Бэггott

Из книги ЭТА СТРАНА МАТЕРЕЙ

КУХНИ: 1959

В год, когда Никсон стоял в Москве на стенде,
перед образцовой кухней Мэйсис, и тыкал пальцем

в широкую грудь Хрущёва, мама впервые потеряла ребёнка.
Русские толпились у огороженной кухни:

так вот как живут в Америке.

Шерстяные пиджаки пахли пригоревшей едой,

дверцы серванта открыты — смотрите, как много места,
рядом лежит раскрытая упаковка губок для мытья посуды.

Хрущёв в разговоре с Никсоном вворачивает крепкое словцо,
говорит, *мы вам покажем кузькину мать*, Элиот Эрвитт переводит,

сочиняет английские конструкции на ходу, я потом прочитаю об этом в книге:
двое озверевших мужчин на кухне, такой тесной, такой идеально чистой, и это

та же самая кухня, где готовила моя мама, можно увидеть её как бы из-за спины
Эрвитта, если сесть за стол, уже накрытый для завтрака

в тесной квартире, на Фернвуд-стрит, в Портсмуте,
в военном городке, где, убирая кровать,

скатывают матрас — потому что клопы.
Но здесь, в общем, даже уютно. Фаянсовая раковина,

новый холодильник, плита, за которую надо выплачивать
семьдесят пять долларов в месяц. Отец через год уволится в запас,

русские вот-вот возьмут последний рубеж,
атомная бомба в любой момент может упасть с небес,

все дома на Фернвуд-стрит сплавятся в стеклянное озеро,
но сейчас у мамы одышка, лицо блее бумаги.

Кровотечение началось внезапно, быстро прошло,
ребёнок был так мал, что она не успела увидеть

того, что вообразила: ручки, ножки, собственное крохотное лицо, —
и вот, через несколько дней, она, шаркая, подходит к холодной плите.

Та дышит на ладан, одна спираль
перегрелась — и всё поломалось.

Мама выключает плиту, вынимает спираль,
распутывает. Ладно, у неё есть мясной рулет:

принёс сосед, он работает в лавке, два квартала отсюда.
Через пару недель она увидит предвыборный плакат

в продуктовом: Никсон и Хрущёв орут друг на друга.
Она проголосует за Никсона, надеясь, что, может,

тот настоит на своём и спасёт этим её, мужа и те
несколько клеток, которые однажды всё-таки станут ребёнком.

Но она уже сомневается, думает, нет, ни на что
нельзя положиться, ни на собственное тело,

ни даже на Америку. Она включает плиту,
смотрит на медленно краснеющую спираль,

чувствует запах: что-то очень маленькое
горит.

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА: МОИ РОДИТЕЛИ ТОЛЬКО ЧТО ПОЖЕНИЛИСЬ

На случай, если русские нажмут красную кнопку,
родители договорились встретиться у магазина, на углу,

там, где Первое шоссе, дорога на Калперер,
пересекается с Третьим. Папа работал в центре,

Белый Дом был виден из окна его офиса. Он служил
в патентном бюро, охлаждал пыл изобретателей

пылесосов: промышленных потолочных —
для хлопкопрядильных фабрик,

гигантских уличных или обычных вроде того,
что был у матери. Они оба знали,

что в центре всегда пробки, он не успеет. Папа взял
с неё слово, что она будет ждать полчаса, а потом

отправится на запад. Переехав в Арлингтон, они условились никогда
не выключать радио, ни на минуту, — потому что счёт шёл на минуты.

Она должна была взять с собой трофейный немецкий Люгер,
привезённый дедом с войны, фамильные драгоценности,

жестяную банку с деньгами из отцовского комода.
У них всегда был залит полный бак, запас воды в багажнике, карты.

Я тогда была только сгустком у неё в утробе, единственным,
что она могла принести в жертву — во искупление. Много лет

спустя мама призналась мне, что и не собиралась никуда уезжать,
так и ждала бы его там, на углу, возле магазина, пока небеса

не свернулись бы свитком, не обернулись багряным пеплом.

Перевёл с английского Станислав Львовский

Андрей Бондар

Из книги ПРИМИТИВНЫЕ ФОРМЫ СОБСТВЕННОСТИ

ПОКАЗАТЬ КЛАСС ПОКАЗАТЬ КЛАСС

уже несколько лет меня преследует один навязчивый сон
 допускаю, что тот, кто монтирует человеческие сны
 хочет мне сообщить что-то очень важное
 подать какой-то знак
 а может, о чём-то предупредить, но
 вероятнее всего
 это просто какой-то мой потаённый страх
 один из многих моих потаённых страхов

хотя ничего страшного в этом сне на самом деле нет

а сон такой:

у меня умирает кто-то из близких
 (никогда не могу запомнить кто именно
 но это наверняка не играет роли)
 и надо его везти в гробу на кладбище
 а кладбище совсем недалеко от моего дома
 (в реальной жизни это кладбище и вправду в нескольких
 сотнях метров от моего дома)
 и потому я решаю сэкономить на похоронном автобусе
 выбирая самый выгодный способ передвижения — троллейбусом
 мы несём гроб почему-то вдвоём он тяжёлый
 из тёсаной дубовой доски

мы заносим открытый гроб в троллейбус
 где много пассажиров которые почему-то не удивляются
 во сне я удивляюсь почему они не удивляются нашему гробу
 почему не шарахаются а стараются помочь
 они даже помогают поддерживать гроб
 чтобы из него ничего не выпало

чтобы ничего не выпало из него
даже кондуктор в зелёной телогрейке
не заставляет нас брать билет
мы хоть и с багажом а всё ж одну остановку
лишь одну остановку
а одна бабка с беззубым ртом
одобрительно посмеивается и кричит:
«а ну хлопцы покажите нам класс!
покажите нам класс!»

я часто вижу этот сон
я помню эти добрые людские лица
это трогательное людское участие
которого так не хватает в реальной жизни
где так мало добра и понимания
где никто даже не пытается
никого понять
не говоря уже о том чтобы
попросить кого-то показать класс показать класс

в реальной жизни я никогда не ездил дальше своей остановки

троллейбус под номером 23 курсирует от лукьяновского базара до
действующего кладбища берковцы
минуя недействующее военное лукьяновское кладбище
минуя огромное по сути дела несуществующее кладбище бабий яр
самое плодородное в мире кладбище бабий яр!

ситуация и в самом деле уникальна
этот троллейбус под номером 23 который
курсирует через три кладбища
можно было бы занести
в книгу рекордов гиннеса сформулировав этот
сомнительный рекорд так:
«первый в мире троллейбусный маршрут
который проезжает на своём пути мимо трёх кладбищ» или
как-нибудь иначе как-нибудь ещё глупее
как они любят

подчас мне сдаётся что эти люди в троллейбусе
на самом деле
никакие не люди в обычном понимании этого слова
подчас мне сдаётся что это добрые троллейбусные ангелы
которые сопровождают нас в наших коротких перемещениях
на одну остановку

когда можно не покупать билет
когда можно спокойно проехать несколько сотен метров

выйти на обетованной остановке
и показать класс показать класс

СВЯТОЙ НИКОЛАЙ № 628

он посадил меня на худшее место
заветное плацкартное боковое нижнее место последнего купе
рядом с туалетом
что предвещало по крайней мере нескучную поездку
«места указывает проводник» — и с этим ничего не поделаешь
(отчество не выбирают сын за отца не отвечает
места указывает проводник —
три незыблемые истины ясные тут каждому)

он выдал грязную постель но не дал ни чаю ни одеяла
на что в плацкартном вагоне одеяло?
здесь ездят такие кому одеяло не нужно
и чай тоже
чай подают в купейном
кофе же — для буржуев из СВ

он запирал туалет за 10 минут до каждой
малюсенькой станции
а заперев напевал «червону руту»
я хорошо это слышал будучи ближе всех

он был без бороды хоть она идеально бы подошла
к его выцветшей голубой рубашке с какою-то
крайне непонятною символикою —
сплетённые в экстазе молотки? разводные ключи?
два молота в вечном ожидании серпа?

он мог бы быть генералом железнодорожных войск
между хмельницким и козятиным приказным тоном
попросил его не будить
«я тоже человек, мне тоже поспать полагается», —
сказал сей сын буковинского края
да и кто бы посмел его разбудить
между хмельницким и козятиным?

он ощущал себя хозяином положения на все сто
он мастерски манипулировал судьбами 54 пассажиров

я подумал что возможно было бы неплохо
если бы президентом украины стал железнодорожник
по крайней мере это надёжно бы гарантировало перемещение
из пункта А в пункт Б

хотя бы на 15 часов оказаться у власти
хотя бы 15 часов побыть лидером нестойкой социальной группы
из перекупщиков командировочных студентов
цыган гуцулов румын (их почему-то у нас до сих пор называют
молдаванами) беременных девчат и вечно путешествующих бабусь
в цветастых платках (куда они всё время едут?
кто их ждёт? кому предназначены их гостинцы
из отвратных китайских сумок?)

он разбудил всех нас за сорок минут до санитарной зоны
чтобы 54 представителя нестойкой социальной группы
могли по-быстрому справиться свои элементарные человеческие
потребности
перед въездом в Киев
то есть каждому на это дело отводилось примерно по 40 секунд

он мог бы переодеться в костюм санитара
и засекал перед туалетом персональное время каждого пассажира
чего только не случается под Рождество!

ко мне же он нашёл особый подход

«хлопче, — сказал он полушёпотом, — хлопче, вставай,
Святой Николай уже положил тебе под подушку подарки»

так по приколу типа сказал
даже не предполагая что эти слова я запомню
до конца жизни

JOGGING

я долго не мог собраться с мыслями
получив мейл из берлина от одного моего приятеля олафа
в мейле кроме неперемных атрибутов которые
как правило сводятся к ритуальным вопросам
о здоровье и творческих планах
(как будто можно что-то в этом творчестве спланировать)
как бы между прочим чисто по-немецки без надрыва но
с чувством глубокого трагизма буквально в нескольких фразах
было сказано примерно вот что:

«со вчерашнего дня избегаю встреч с моим соседом
мы с ним живём рядом уже двадцать лет он мой ровесник
и каждое утро
мы вместе бегаем с ним в парке неподалёку
он всегда мне
казался немного странным когда случился взрыв на черновыльскай азс
он начал обклеивать свои стены старыми газетами чтоб не дай
Боже в его квартиру не проникла радиация а вчера на лестничной
клетке я встретил его жену которая сказала что у него рак крови
в последней стадии что это не лечится и что это конец
и я боюсь теперь смотреть ему в глаза а знаешь такой
человек симпатичный так приятно с ним было бегать по утрам»

мне сначала захотелось как-то успокоить олафа
утешить сказав «не переживай это судьба в конце концов
найдёшь себе другого соседа для утренних пробежек а если
не найдёшь соседа то заведи себе ирландского сеттера
знаешь как они любят бегать? это же намного лучше чем
с человеком да и собаки не болеют раком» но

даже не знаю почему я не стал этого делать
внезапно всё это показалось мне чистой литературщиной
я подумал что это могла бы быть хорошая сюжетная
затравка

для романа кундеры

который любит искусно описывать человеческие трагедии а тут
все ингредиенты
готовы — берлин незадолго до объединения странный сосед двадцать лет
совместных пробежек газеты на стенах как летопись судьбоносных
исторических событий

что изменили облик европы болезнь рак и видите
он не знает как ему теперь смотреть в глаза

я отписал что-то совсем нейтральное
что-то типа «держись в конце концов ты ему уже ничем не поможешь а тебе
ещё жить и жить не думай про плохое не думай
про рак»

а потом мне пришла в голову уже совсем какая-то ересь
я подумал

что я уже десять лет живу на расстоянии неполной сотни
километров от чернобыля живу и хожу этими гранитно-мраморными
улицами получаю отборные порции всяческого радиационного
излучения я близорукий не так давно у меня нашли гепатит
правда на информационном уровне гепатит у меня приглушённый

гастрит который время от времени проявляется у меня уже 15 лет не
сходят бородавки хоть они мне и не мешают но не сходят
как у всех чернобыльских детей у меня проблемы со щитовидкой
иногда у меня колет сердце и всё это в неполные тридцать лет
но я точно знаю что не заболею раком

я просто уверен что точно не заболею раком

я буду жить долго ой как долго я буду жить
я не буду покупать газет бегать по утрам читать кундеру
не буду ходить по городу с дозиметром не пойду на медосмотр
я не подам декларации не выйду из партии
не вступлю в партию не сдам анализы не убью не украду

я не покину отчизну я залезу глубоко-глубоко в маленькую свою
отчизну

и засну

РОССИИ С ЛЮБОВЬЮ

даже не знаю почему люди так любят
желать другим зла вот взять например меня
я до сих пор не могу себе самому объяснить
почему я болел за уэльс а не за россию в отборочных матчах
чемпионата европы
что мне этот уэльс? неужто они когда показывали
интересный футбол? другое дело россия
они хоть и не показывали интересный футбол
но для меня в жизни россия много значит
даже больше чем я себе могу представить
уж что-что а россия вызывает у меня массу разных ассоциаций
которые перечислять тут не имеет смысла
а уэльс ассоциируется только с чарльзом принцем уэльским
кардиффом и регби

я мог бы спокойно прожить без уэльса
а без россии я своей жизни просто не представляю
даже не знаю как я смог бы прожить без россии
хорошо что она есть на свете эта россия — временами думаю я
россию всегда помнишь
с этой россией никогда не знаешь
это тебе не германия с которой всегда знаешь
а это тебе россия с которой никогда не знаешь
ведь если начнёшь знать то это уже не россия

когда-то давно-давно ещё в детстве
я любил играть с братом в города
ограничиваясь некой отдельной страной
когда называешь какой-нибудь сыктывкар а он говорит
например «рязань» и дальше не знаешь что сказать
просто не знаешь что сказать

а с другой стороны там есть редкостные города на «ы» и «й»
йошкар-ола ыныкчанский ытык-кюэль
их не так много но они есть и в случае каких-нибудь чебоксар
или набережных челнов можно дважды отбиться
но только дважды потому что у россии тоже есть свои границы
хоть иногда и кажется что она безгранична

часто эти игры заканчивались слезами
когда павло (так зовут моего брата)
прибегал к недозволенным приёмам
и дважды на мой «выборг» или «таганрог»
он отвечал: «гусь хрустальный» или «гусь железный»
и тогда я или плакал или просил разрешения (я же младший)
воспользоваться йоханнесбургом но
сами знаете чем заканчивается этот йоханнесбург
после йоханнесбурга снова был какой-нибудь
«гусь хрустальный» или «гусь железный»
полный провал позор и слёзы

я не любил проигрывать старшему брату
хоть и очень любил его (и сейчас очень люблю)
может потому не любил что вообще не люблю проигрывать

сейчас мой брат живёт с семьёй в россии
иногда я ему очень завидую
потому что ему всегда этой россии вдосталь
а мне её никогда не вдосталь
хотя с другой стороны ещё неизвестно
как лучше

ТОЛЬКО НЕ ОТТАЛКИВАЙ МЕНЯ

у меня за стеной живёт современный белорусский скульптор
он каждый день выпивает полбутылки горилки
при этом не выглядя алкоголиком
андрий — его зовут так же как и меня андрием —
очень высокодуховная личность без шуток

какие уж тут шутки если доводится выпивать по полбутылки горилки
каждый день

и не быть при этом алкоголиком
какие уж тут шутки?

он очень рано ложится и очень рано просыпается потому
наше общение ограничивается тремя вечерними часами
но этого вполне хватает чтобы
открыть друг другу душу
а почему мы должны стыдиться своих душ?
что ж мы должны друг другу открывать
как не наши души?

любые другие разговоры с ним превращаются в профанацию
иногда мне кажется что на его фоне я выгляжу
неизлечимо бездуховным
я просто чемпион мира по бездуховности
на его фоне

он простой совсем простой в быту
намного проще чем я
чем кто-либо из моих знакомых
он идёт поутру в мастерскую оставляя за собой
запах простой яичницы на простом сале
мне радостно просыпаться и чують этот простой запах
современного белорусского скульптора андрия

он даже остроумен каким-то потусторонним остроумием
«бери в руки бош и иди ебошь» — шутит он и сам смеётся своей шутке
он работает намного больше чем я — с восьми до пяти
а потом приходит домой и пьёт
и удивляется почему я не пью и начинает открывать мне
свою душу
а потом ложится спать
вот так просто берёт и ложится спать с открытой душой

каждую ночь меня пугают его сонные крики
думаю это кричит его открытая душа
которая во сне преодолевает сопротивление материала
заливает воск в формы тонирует бронзу наводит патину

иногда я начинаю фантазировать
что это мой муж а я его жена
мы спим в разных комнатах потому что
он боится напугать меня своей открытой душой

по вечерам я жду когда он придёт из своей мастерской
уставший и откупорит свою бутылку горилки
а я накормлю его чем-нибудь вкусненьким
например картофельным пюре с молоком и маслом

и мы заварим себе горячего чаю
и он снова начнёт открывать мне свою душу
ругать современное искусство и извиняться что он меня всем этим
мучает
а мне всегда хочется его успокоить и я начинаю
его успокаивать повторяя ну что ты такое говоришь
даже не думай даже не думай
прижмись ко мне не отталкивай только не отталкивай меня

Перевела с украинского Ольга Зондберг

А Т М О С Ф Е Р Н Ы Й Ф Р О Н Т

СТАТЬИ

Дмитрий Кузьмин

ВМЕСТО МАНИФЕСТА

Начало нового проекта требует декларации о намерениях. Намерения, однако, у меня прежние: из той же позиции, из которой сделан и будет делаться дальше этот журнал, формировались ежегодные альманахи «Вавилон», одноимённая Интернет-антология современной русской поэзии и многие другие литературные проекты, к которым я был причастен в разное время, — вплоть до книжной серии «Воздух», задуманной как приложение к этому журналу, но открытой, так уж случилось, полугодом раньше, в сентябре 2005 года. Эта позиция никогда не была секретом, и многое в ней казалось и кажется мне самоочевидным. Формулировать её доводилось мне, главным образом, в ходе литературной полемики (в последний раз — буквально два месяца назад в журнале «Критическая масса»), которая благодаря решительной настроенности оппонентов на обличительный лад неизменно принимала весьма разгорячённый характер. И потому, быть может, не лишне будет проговорить всё то же самое в более отстранённом ключе, с академическим обобщённо-личным «мы».

КАК МЫ ПОНИМАЕМ ПОЭЗИЮ

Как познавательную деятельность, производство смыслов. Права на существование заслуживают стихи, предлагающие читателю некоторое новое знание и понимание о мире вокруг человека и о мире внутри человека. Эти стихи — сообщение; как в любом сообщении, смысл в стихах закодирован: первичным кодом языка и вторичными кодами — литературным (жанровыми нормами, определённым построением образов etc.) и собственно стиховым (широко понимаемым ритмом, заставляющим слова значить и сочетаться значениями по-особому, не совсем так, как в прозе). Чтобы прочесть сообщение, извлечь из него смысл — нужно совершить работу по декодированию, требующую определённых усилий, известных навыков, но прежде всего — установки на понимание, презумпции: смысл в этом сообщении есть, я хочу его узнать. Без этой презумпции — необычайно легко и вчитать в текст произвольный набор смыслов, и отмахнуться от него вовсе как от бессмыслицы. Первое забавно, второе удобно, но в обоих случаях смысл сообщения остаётся получателю недоступен. Лёгкость или трудность декодирования сами по себе не плюс и не минус: код — не самоцель, а средство передать смысл, его материальная оболочка.

Сообщение идёт от адресанта к адресату, от автора к читателю. Но и автор — не всякий, кто раскрывает рот, и читатель — не всякий, кто перелистывает страницы. Автор — тот, кому есть что сказать: найденный, выработанный им новый смысл прибавляется к уже накопленному человеческой культурой и становится достоянием всех живущих, а не только той горстки, которая здесь и сейчас открыла его книжку. Читатель — тот, кто хочет стать на один или несколько смыслов богаче: собрат поэта по интеллектуальному и эмоциональному поиску, по творческой работе.

Бывает и другое: читатель сознательно или бессознательно выставляет запрос на тексты с такими-то и такими-то заранее известными свойствами, автор сознательно или бессознательно производит продукт с этими свойствами, варьируя их в рамках дозволенного. Так функционирующее искусство — по сути своей не искусство уже, а особая разновидность сферы обслуживания. Так, не стыдясь, работает массовая литература (в которой, правда, для поэзии места почти не находится), так же — напротив, стыдясь и опираясь, — работает литература инерционная, попусту присягающая классическим образцам. Но всё классическое и совершенное уже не первый век рождается как дерзость и вызов, идёт вразрез с инерцией восприятия, а классическим становится уже потом — в силу необыкновенной важности и обширности произведённого нового смысла. Верность классическим образцам — не в их воспроизведении и варьировании, а в способности уклониться от них, расподобиться, сказать своё. Только это мы понимаем под поэзией — искусство как сфера обслуживания мне неинтересно, даже если обслуживают виртуозно, а клиентура принадлежит к социально привилегированным слоям (будь то прежняя интеллигенция или новый высший свет). Равным образом неинтересна нам на глазах набирающая вес благодаря Интернету (собственно, не вообще Интернету как медийной среде, а исключительно сайтам со свободной публикацией, реализовавшим утопию свободы автора от издателя) неиерархическая форма бытования поэзии — примат творчества как процесса над произведением как результатом, превращение текста в повод для коммуникации внутри бесконечно дробящихся и взаимоперетекающих референтных групп, его растворение в клубящихся речевых облаках. Оба пути — абсолютизация продукта и абсолютизация процесса — вынимают из поэзии message, лишают её онтологической необходимости.

КАК МЫ ПОНИМАЕМ СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПОЭЗИИ

Как состояние многоязычия. Ствол русской поэзии на протяжении XX века интенсивно ветвился, и в итоге разброс художественных стратегий оказался чрезвычайно велик. Представители разных ветвей зачастую отказывают друг другу в творческой и культурной состоятельности. Некоторые ветви, надо признать, выглядят иссохшими — может быть, и бесповоротно. Но на общей пышности кроны это сказывается незначительно: последние полвека в русской поэзии — эпоха исключительного богатства и разнообразия.

Мы не считаем, что та или иная ветвь, та или иная тенденция в современной поэзии вправе претендовать на главенствующее положение. Где-то работает больше авторов, где-то меньше, и читательский интерес где-то шире, а где-то уже, но решающего значения это не имеет. Важно лишь приращение смысла, возникающее там и здесь. Всё уже написанное — область освоенного, светлое поле культурного сознания; и если новый

автор своим творчеством выводит в это светлое поле некоторый фрагмент окружающего сумрака, производит понимание из непонимания, — то куда важнее самый этот факт, чем то, на каком фланге, в какой части литературного спектра это произошло.

Насколько велик этот фрагмент, этот личный вклад автора в общее движение поэзии — зачастую можно спорить. Однако для нас основной водораздел проходит не между теми, чей вклад велик, и теми, чей вклад мал, а между теми, кто такой вклад внёс, и теми, кто этого сделать не сумел. Вряд ли сегодня кто-нибудь поставит Сергея Нельдихена или Павла Радимова на одну ступень с Мандельштамом. Но как бы грандиозен ни был мандельштамовский гений — заменить Нельдихена и Радимова он не может: о том, о чём можно узнать у одного из этих авторов, не сообщает ни один из титанов Серебряного века. Поэзия, состоящая только из титанов, — палитра, в которой есть лишь основные цвета, но нет оттенков. Именно сегодня, когда спектр уже почти невозможно охватить взглядом от края до края, экологическое мышление, позволяющее широкий набор разноплановых явлений осмыслить как систему (вместо того чтоб расставлять их по ранжиру, сводя всё многообразие красок к стандарту школьного набора красок), становится особенно необходимым.

КАК МЫ ПОНИМАЕМ ЖУРНАЛ ПОЭЗИИ

Казалось бы, ситуация художественного многоязычия должна вести к появлению изданий «с направлением», по числу основных тенденций в современной поэзии. О том, что такое развитие событий было бы естественным и продуктивным, писали в обозримом прошлом в своих статьях Григорий Дашевский и Алексей Верницкий. На деле, однако, ничего подобного не происходит: слишком мал финансовый и организационный ресурс, на который можно было бы опереться. С другой стороны, существующая издательская и публикационная практика оставляет впечатление, что эстетические и культурные расхождения между школами и направлениями поневоле отступают на второй план перед лицом массивированного наступления текстов инерционных, не сообщающих ничего нового и важного, а просто выкроенных по известным заранее, многожды использованным образцам.

Поэтому мы выбрали тот тип издания, который связан с наибольшими сложностями, — надпартийный, претендующий на охват всей широты спектра, — и приложим все усилия для того, чтобы (как это уже случалось с новейшими российскими проектами в области поэзии) после начальных шагов проект не начал крениться в сторону той или иной тенденции, набирая необязательные тексты из одной части спектра и одновременно отсеивая сущностно важные краски другой. При прочих равных более рискованные художественные практики, более проблематичные творческие решения будут иметь в данном издании приоритет: нас прежде всего интересуют прорывы на переднем крае, а не обозно-гарнизонное обустройство областей, бывших передним краем поэзии в прошлом веке в позапрошлую кампанию.

Творческая индивидуальность художника, его личная стратегия гораздо важнее для нас, чем некое «качество текста», понятое как самодостаточная ценность. Это не позволение писать небрежно: просто не может быть универсальных критериев качества текста, предлежащих как данность любому тексту. Каждый художественный язык форми-

рует свои критерии успешности высказывания — предписать любому автору вне зависимости от избранного им языка мы можем только универсалии самой поэзии: производство нового смысла, содержательность формы, телеологическую целостность текста. Поэтому мы публикуем не отдельные стихотворения, каждое из которых само по себе соответствует какому-то набору мерок и лекал, а группы произведений — полноправные творческие представительства автора.

Наш адресат — читатель, готовый (об этом речь уже шла) осваивать новое, а не довольствоваться заранее известным. Человек сторонний по отношению к литературе — таким читателем быть может. Человек причастный к литературе сам — таким читателем быть обязан. Поэтому мы не скрываем, что в высокой степени наш журнал адресован самим поэтам. Нам хотелось бы видеть товарищей по цеху открытыми к восприятию художественного высказывания, сделанного на другом языке и с других позиций, способными выстраивать свою эстетическую позицию не на отрицании чужой, а на выработке собственных конструктивных идей. Нам хотелось бы разделить с коллегами понимание современной поэзии как общего строящегося дома, где у каждого профессионала — своё дело, и стекольщику не резон бранить паркетчика за недостаток прозрачности и вертикальности. Тем, кто придёт в этот дом после нас, всякий вложенный в него труд не должен показаться лишним.

ВЕНТИЛЯТОР

ОПРОСЫ

ДЕСЯТЬ ЛЕТ БЕЗ БРОДСКОГО

В январе 2006 года исполнилось 10 лет со дня смерти Иосифа Бродского. Редакция журнала «Воздух» предложила поэтам разных поколений и художественных ориентаций ответить на три вопроса о Бродском.

1. Бродский — открыватель и закрыватель. Чего, на Ваш взгляд, больше в наследии Нобелевского лауреата — намеченных возможностей или подведённых итогов? Видите ли Вы след Бродского в той части сегодняшней поэзии, которая Вам так или иначе близка?

2. Бродский в контексте. Какие из взаимосвязей поэзии Бродского с другими русскими поэтами 1960-90-х, его ровесниками и младшими современниками, кажутся Вам наиболее интересными?

3. 10 лет без Бродского. Литературный пейзаж изменился. Произошла ли переоценка ценностей? Прочитали ли Вы Бродского по-другому, поняли ли о нём что-то новое?

Валерий Шубинский

1. И то, и другое. И ни то, ни другое.

По отношению к русскому модернизму или неомодернизму Бродский не мог быть завершителем, потому что нечего было завершать. Тот круг истории русской поэзии, который мы доживаем, только начинался. Инструментарий Серебряного Века (даже не инструментарий, не эстетика, а система представлений о цели творчества и о сущности поэтического текста) — это было что-то вроде римской статуи, отрытой на огороде в XIII веке. Бродский первым (или вторым, после Красовицкого, но более последовательно) продемонстрировал возможность органичного и живого, с учётом исторической жизни языка, освоения и переосмысления этого наследия. В этом смысле его поэзия была началом, а не завершением.

Но потом он создал собственный стиль, парадоксально соединивший индивидуализм оптики и метафизическое отчуждение с эпическими амбициями советской поэзии, которые он-то один и осуществил. Именно по отношению к советской поэзии Бродский — гениальный завершитель.

При этом с точки зрения непосредственного стилистического влияния поэзия Бродского — вещь в себе. Он слишком инструментален, чтобы породить новую живую традицию — только тьму эпигонов. В будущем он может влиять на отдельных авторов, как сейчас на кого-то влият Маяковский, но основное развитие поэзии пойдёт (и пошло уже) по несколько иному руслу.

2. Меня очень интересовала пара (в каком-то смысле антагонистическая) Бродский—Аронзон. При том, что сам Бродский и поэты его круга Аронзона явно недооценивали. По масштабам дара естественно сравнивать с Бродским Елену Шварц, но и она — антагонист, а не союзник. Или союзник лишь в самом общем смысле: на уровне экзистенциальной сущности искусства.

3. Бродский и десять лет назад был для меня уже частью истории, тем более, что его стихи последних лет в лучшем случае лишь воспроизводили прежние находки (что и нормально — никакая сокровищница не может быть неисчерпаемой). Я рад, что не встречался с ним лично: сохранилась чистота образа. Изменилось лишь то, что ему стали меньше подражать (в моду вошло что-то другое), и шарманка эпигонов не мешает любить его стихи. Может быть, я стал более благожелательно относиться именно к самым поздним вещам Бродского: даже они, несмотря на отсутствие откровений, хороши по-своему... как, извините за красоту, затихающие рулады усталого, но всё ещё крепкого певческого голоса. (Сам постарел, наверное...)

Алексей Цветков

1. В каком-то смысле этот вопрос ставит меня в тупик. Как мне кажется, Бродский был поэт с собственной повесткой дня, некий эквивалент Лютера в русской поэзии: сам прибил на дверях, сам и ответил. Вот только время прошло, и ответы оказались не обязательно на те же вопросы, которые были заданы.

В любом случае, поэзия Бродского — очень замкнутое пространство, туда трудно заглянуть по-свойски и что-нибудь с собой унести. Не разбирая подробно, я бы остановился на двух её свойствах. Во-первых, это черта, которую в своё время подметил Лимонov, обозвавший Бродского «поэтом-бухгалтером». Я бы снял этот выпад и назвал бы по-нейтральнее: ему была свойственна некая особая «перечислительная поэтика», нанизывание реалий и действий, оттесняющих фигуру автора в нишу иронического наблюдателя. Это сложилось не сразу и в конечном счёте породило некоторые из лучших его вещей, но очень сузило палитру, которая в конце, на мой взгляд, просто высохла. Кто теперь может испить из этого ручья?

Во-вторых, уже не о форме, а о содержании. Бродский выбрал себе очень эффектную позу грустного наблюдателя за двумя угасающими империями с некоего холма, позу действительно очень величественную, римскую в квадрате, но она мгновенно лишилась смысла, когда одна из империй рухнула. Тупик, в конечном счёте, оказался двойной, и когда он в него попал, все запасные ходы оказались далеко позади.

Думаю, что при всём масштабе дарования Бродского след остался не очень большой. Скорее огромный и величественный камень, который игнорировать невозможно, потому что он лежит поперёк русла. Надо либо обойти, либо разбить пикник в тени. С собой не увезти.

2. На этот вопрос я уже отчасти ответил выше. Место Бродского в современной поэзии — не только как мастера своего ремесла, но и как культурного явления, и я бы отнёс его Нобелевскую премию именно к широкой области культуры — она не вредит, не-

смотря на свою комичность, если не относиться к ней чересчур серьёзно, а жить очень помогает. И она, конечно же, очень повлияла на его репутацию в России, утроила эффект. Сейчас происходит заметная переоценка, охлаждение к Бродскому, но это вполне естественно, отлёт маятника в противоположную сторону. Так было и с Пушкиным, когда ему Писарев вскрытие учинил. Маятник вернётся на своё место.

Мне, конечно, проще всего говорить о моих собственных отношениях с Бродским, и надо признаться, что впечатление от его лучших книг, когда они впервые попали мне в руки («Конец прекрасной эпохи» и «Часть речи»), было ошеломляющим. Беда в том, что они распалили ожидание, а после них хоть и были ещё написаны замечательные вещи, но уже спорадически, такого сгустка не было уже никогда. И кроме того, вот эта запертость Бродского, о которой я уже говорил, делает его не очень полезным эталоном для собственного поэтического мужания, в отличие, скажем, от Мандельштама или Заболоцкого, у которых сколько ни утащи — всегда остаётся ещё что-то. Сказать, что он не так богат, как они? Это звучит слишком негативно, я не имею этого в виду. Но он никогда не бил через край.

3. Я, конечно же, опять вырвался вперёд и отчасти ответил на этот вопрос выше. Но можно и добавить. Да, пейзаж изменился, и дело тут далеко не ограничивается нынешним падением курса акций Бродского — временным, как я уверен, хотя не знаю, повторится ли прежняя высшая точка.

Переоценка ценностей в российской культуре произошла в том смысле, что упало в цене практически всё. Это было предсказуемо, хотя предсказывать раньше было некому из-за поляризации общества в советскую эпоху. А сейчас предсказывать будущее этой культуры ещё труднее, потому что будущее самой России остаётся под вопросом, если не становится на позицию Бенкендорфа, восторжествовавшую в некоторых небольших умах. Исходя из общих исторических наблюдений можно полагать, что культура вернётся в какое-то более стабильное положение, какие-то ценности встанут на места прежних.

Что будет значить тогда Бродский — потому что ведь сейчас один из самых невыгодных моментов для его оценки? Я думаю, что он останется примерно в том же месте, где был десять лет назад, с необходимыми поправками. Место это очень узкое, и если изъять из него Бродского, преимущество культуры оборвётся, Пушкину и Мандельштаму грозит судьба Вергилия или Катутла в современной Италии: красиво, но это не мы. Пушкин — это наше всё. Бродский — то, что, единожды утратив, мы рискуем всё потерять.

А вот что касается меня лично, то я не прочитал Бродского по-новому и, видимо, уже не прочитаю. Мой личный маршрут пролегает совсем в другую сторону, точек соприкосновения у нас всё меньше. Бродский скорее сузился для меня — до воспоминания о двух замечательных книгах.

Дмитрий Веденяпин

1. Мне кажется чрезвычайно сомнительным представление о том, что художник может явиться «закрывателем-итожителем». Разумеется, Бродский (как и сто лет тому

назад «почётный итожитель» Блок) — открыватель. Бродский — вполне по Мандельштаму — изменил нечто в самом составе русской поэзии, показав, что русский стих может быть не только «страстным», «нежным», «гибким», «жалостливым» и пр., но и метафизически-умным, серьёзным и высоким (то есть, дотягивающимся до невероятно значительных вещей, почти никогда не являвшихся объектами интереса русских — не говоря уж советских — поэтов). Бродский, если можно так сказать, начал работать на мировом уровне: на его рабочем столе были все необходимые приборы и реактивы, какие только могут быть в лучших лабораториях. Никакой доморощенности!..

«След Бродского» я вижу во всей сегодняшней поэзии, о которой можно всерьёз говорить как о поэзии.

2. Бродский — как и положено поэту — был человеком впечатлительным. Я уверен, что в молодости на него влияли, вернее сказать, оказывали впечатление все талантливые и даже просто яркие поэты-современники. Все. После отъезда реальным «контекстом» для Бродского стала англо-американская поэзия. Думаю, что в его эмигрантский период воздействие Бродского на русских поэтов (и в России и за её пределами) было огромным, воздействие ровесников и младших современников на Бродского — ничтожным. Говорить о взаимосвязях тут, по-моему, не приходится.

3. Примерно до 2000-го года я, честно говоря, не слишком любил стихи Бродского. В лучшем случае «отдавал им должное». Сегодня я их и ценю, и люблю. Многими восхищаюсь. В какой степени это связано с изменением литературного пейзажа, а в какой — с моими внутренними изменениями, мне сказать трудно. Так или иначе, в последние пять-шесть лет я читаю Бродского по-другому. На мой нынешний взгляд, это поэт потрясающей онтологической честности. Образ поэта «давящего» и стремящегося к месту и не к месту казаться «сильным» совершенно вытеснился у меня образом художника и человека бесконечно обаятельного, внимательного и умеющего чувствовать стыд за себя, за мир, за слова, за всё...

Татьяна Щербина

1. Бродский — закрыватель. Он подвёл итог «прекрасной эпохи» классического мира. От Рима до США и до крушения советской экспериментальной империи. Его стихи — проживание конца, начало даже не брезжит в них. Статус западной поэзии изменился в середине 70-х, в России — 10 лет назад. Поэзия была вместилищем «главного», того, чего ищут в священных книгах, но те написаны давно, а поэзия была неким глобальным мониторингом внутреннего мира. Рене Шар — последний французский поэт, дальше поэзия стала чем-то вроде клубов по интересам, один разводит аквариумных рыбок, другой коллекционирует монеты. Бродский стал последним русским поэтом, который «больше, чем поэт», и в самом деле — больше: библейский пророк, философ, визионер, пловец, рассекающий земные и неземные сферы. Как и его предшественники, он превращал в речь смутные ощущения. Возможно, таковых больше не осталось. Сегодняшний поэт не расширяет, не уточняет и не продлевает речь, а наоборот, сокращает до утилитарной. В этом смысле любой современный поэт — пользователь.

2. Связь с «окружением Бродского» осталась для исследователей. Многие подражали и подражают интонации, стилю письма Бродского, но это нельзя назвать продолжением. По энергии высказывания ближе всего Андрей Родионов, хотя его обзор гораздо более локален, он обозревает состояние окраинного обломка, почти бомжа, барахтающегося после кораблекрушения в ледяной воде. У Бродского корабль ещё плыл, и на нём все, от Старшего Плиния до Барышникова, ещё были исполнены достоинства, памяти и помыслов.

3. Бродский — проповедник. Многих смущал симбиоз лирики и «менторства». Но он говорил о не видимом изнутри процессе, который уже объективировался, — об «антропологическом оползне» XX века, об истаивании системы ценностей, топлива, без которого происходит «остановка в пустыне», о примате множества над единственностью («но ангелы — не комары, и их не хватит на всех»). Бродский — лирический поэт, написавший целый эпос. Поэты, подобные Бродскому, ныне невозможны, поскольку глобально новая ситуация не сложилась, мы живём на излёте прежней, наблюдая, как из кладки сыплются камушки. Так что всякий современный поэт — заведомо камернее Бродского. Не появилось ни одного, который «откупорил» бы будущее, хотя бы предвидел свет в конце тоннеля. Пока будущее скрыто стеной занавеса, «пронзительной» лирики тоже быть не может. Есть сканирование окружающей среды, опись имущества. Если судить по текстам современной литературы — она создаётся в чистилище, где рассказываются истории и подводятся итог тысячелетий. Высказывания сегодня лучше помещаются в прозрачные сосуды, будь то роман или исследование, а поэзия стала как бы подголоском, песенкой. По крайней мере, на фоне Бродского.

Сергей Завьялов

1. Если говорить на эту тему с точки зрения истории литературы или, точнее, вычленения в ней литературных поколений и «веков», то Бродский — не открыватель (открыватели были изрядно постарше: от Ксении Некрасовой и Сатуновского до Сапгира и Бурича) и не закрыватель (такowymi мне видятся фигуры от Драгомощенко и Рубинштейна до Скидана и Хамдама Закирова включительно), а нечто посередине.

Если же говорить с точки зрения поэтики, то Бродский — абсолютный и беспросветный финал. И как раз в этой не дающей никакой надежды окончательности мне видится его величие. Приходит в голову параллель с поздним Шостаковичем: *такому автору так писать ещё можно, и не просто можно — слёзы из глаз, пусть во многом от причин, лежащих вне искусства.* Вероятно, это и называется масштабом личности. Но любой другой в такой роли будет выглядеть жалким шутком, симулирующим экстаз халтурщиком. Это по поводу следа.

2. Честно говоря, мне интереснее взаимосвязи поэзии Бродского с его старшими, а не младшими современниками, прежде всего с Соснорой и Аронзоном. Для вменяемых младших актуально лишь отталкивание, а такой разговор будет несколько простоват или пустоват.

Продуктивнее же, на мой взгляд, выстраивание мирового контекста. И вот здесь я вижу *проблему*: почему не Айги, не Козовой, не Соснора (поэты, ставшие известными на

Западе примерно одновременно), а именно Бродский был принят в предельно узкий круг мировых мэтров (на 1987 год в живых были всего два поэта-нобелиата: Элитис и Милош). Мне кажется (хотя я до конца в этом и не уверен), что Бродского поддержал консервативный (и эстетически и мировоззренчески) литературный истеблишмент (вроде Одена, который, будучи 1907 года рождения, писал так, как писали вообще-то рождённые, в лучшем случае, в 1877). Косвенным подтверждением этому является отсутствие в послевоенное время Нобелевских премий у поэтов Франции (за единственным исключением Сен-Жон Перса), страны, наиболее чувствительной к новому.

Убеждён, что Иосифу Александровичу было малоинтересно, что делают другие. И уж если для кого-то он и делал исключение, так это для того же международного истеблишмента: участников поэтических фестивалей, говоря гнусным языком болельщиков, «высшей лиги». Сознаю, что это тяжкий упрёк, но иначе невозможно понять ни его рифмованных английских стихов, ни отсутствия хотя бы намёка на рассказ живущим за железным занавесом соотечественникам о том, какие проблемы решают стихотворцы — их современники по ту сторону Линии Керзона.

3. По моему чувству времени, со смертью Бродского, Сапгира и Кривулина закончился так называемый Бронзовый век русской поэзии и началась совершенно новая литературная эпоха, где какой-либо интерес представляют лишь авторы постсоветской формации. Впрочем, мне они глубоко чужды.

Последний вопрос представляется самым интересным: да, чрезвычайно важно то, что Бродского я могу теперь читать совершенно по-другому. Он для меня сделался тем автором, который — наверное, как Некрасов в XIX веке, — заставляет солидаризироваться с собой скорее в постановке, чем в разрешении проблем. И постольку, поскольку поставленные поэтом проблемы оказались для меня насущными, сравнить с ним в русской поэзии некого.

Наталья Горбаневская

1. Забавные определения — «открыватель» и/или «закрываетель». Пожалуй, особенно забавно, что в похожих же терминах идёт спор вокруг Пушкина. «Бывают странные, — но, добавлю от себя, может быть, не случайные, — сближения». Можно говорить о том, что Пушкин «закрыл» литературу XVIII века и/или «открыл» — XIX-го. Но главное, по-моему, что Пушкин «открыл» и «закрыл» себя, поэта, прозаика, драматурга единственного в своём роде. То же с поэтом Бродским (проза его, часто замечательная, всё-таки единственной в своём роде мне не кажется, его драматургические опыты — пожалуй, тоже): он «открыл» и «закрыл» себя — так же, как Пушкин, не оставив наследников, а из тех, кто пытается следовать его поэтике — как было и с пушкинской, — получаются чистые эпигоны, ничем поэзию Бродского не напоминающие несмотря на щедрые анжамбеманы. Сложность Бродского так же невозможно имитировать, как «простоту» Пушкина.

К Бродскому можно применить слова Аверинцева о Пушкине: «мгновенная исключительность». Или сказать словами самого Пушкина: «беззаконная комета». Но она же и совершенно «законная».

Что же касается «следа», то он, конечно, есть, но не выслеживаемый простыми детективными интертекстуальными методами. Просто все мы, включая и его ровесников, писавших с ним одновременно, давно уже пишем «после Бродского», прочитав его и перечитывая.

2. Связи с современниками, важные для его формирования, — это прежде всего связи с несколько старшими ровесниками и учёба у них, как это молодости и свойственно. Особенно, на мой взгляд, знакомство с поэзией Станислава Красовицкого второй половины 50-х. Сам Бродский, щедрый в перечнях «учителей» — кого-кого там только нет (по поводу чего Уфлянд написал замечательный пародический рассказик), имени Красовицкого никогда не называл, пока я в одном интервью после Нобелевской премии почти выжала это из него. Позволю себе привести отрывок из интервью («Русская мысль» №3700, 1987, 20 ноября):

— *Иосиф, я хочу, чтобы ты уточнил некоторые вещи, появившиеся в печати. Так, где-то было написано, что ты назвал своими учителями Рейна, Уфлянда и Кушнера. Последнее меня удивило.*

— Кушнера я не называл. Я тут ни при чём. К Саше я хорошо отношусь, но это чья-то ошибка.

— *Зато — прости, если я вмешиваюсь в твоё творческое самосознание, — мне кажется, что ты не назвал ещё одного своего учителя из круга наших, или уж, точнее, моих, ровесников. Поэта, который, можно сказать, играл роль учителя для всего нашего поколения, — Станислава Красовицкого.*

— Да, безусловно. Я и сам не понимаю, почему я его ни разу не упомянул. Может быть... Да нет, просто не знаю, почему.

— *Может быть, это из-за того, что он сам себя зачеркнул как поэта и этим вычеркнул себя из нашего сознания, из нашей памяти. Но ведь верно же, что он сыграл для многих из нас и в том числе для тебя очень важную роль?*

— Безусловно.

(И всё равно он и после этого Красовицкого ни разу не назвал. Загадка? Может быть, просто потому, что у него он, в отличие от прочих «учителей», действительно учился?)

Только потом, после круга ровесников, появляются действительно старшие учителя — великие поэты, на которых русская поэзия была так щедра в оба минувших века.

Что же до взаимосвязей зрелой поэзии Бродского с «другими русскими поэтами 1960-90-х, его ровесниками и младшими современниками», то затрудняюсь ответить. Тут опять-таки его «взаимосвязи» развивались в столь большом поэтическом пространстве: большом и в ширину — поэты, пишущие на других языках, и в глубину — поэты былых времён, — что упомянутые в вопросе взаимосвязи становятся малым частным случаем. Могу только сказать (знаю это и по опыту работы в «Континенте», и так), что он был открыт к поэзии младших современников (достаточно посмотреть все пред- или послесловия, которые он написал к многочисленным сборникам стихов), интересовался. Но это всё скорее как читатель — правда, читатель-поэт, как оценщик — не сказала бы даже: как литературный критик. Опять-таки «следов» этих взаимосвязей в его поэзии я не вижу — и не уверена, что они есть.

3. На самом деле переоценка Бродского (не у меня!) начиналась дважды: один раз после Нобелевской премии, второй — после смерти. Очень многим хотелось оспорить занятое им по праву положение «первого поэта» — и Нобелем, и смертью как бы дважды окончательно узаконенное. Но я не согласна, что «литературный пейзаж» так уж изменился, хотя и появилось множество новых — молодых, не очень молодых и совсем юных — интересных поэтов. Этот пейзаж — холмистая равнина: «первого поэта» нету, и не знаю, скоро ли появится такой, о котором это можно будет сказать: вспомним, сколько лет прошло от Пушкина до Блока (хотя за эти годы и были поэты экстра-класса). Потом «первых поэтов» стало несколько. «Нас четверо» — сказала Ахматова (хотя в эту четвёрку каждый подставит одно-другое имя, а одно-другое уберёт, а для меня, например, — в отличие от Бродского, расширявшего этот список до десяти, — так и вовсе только двое). Ахматова и Бродский жили одновременно, но после смерти Ахматовой Бродский остался «первым поэтом» один. Так сознавало большинство из нас, стихотворцев-современников Бродского, в том числе и те, кого потом победила вульгарная зависть.

Прочитала ли я Бродского «по-другому»? Пожалуй, нет. Его стихи сопутствуют мне вот уже 46 лет, притом я же их не просто читала: в самиздате перепечатывала, переписывала (первую эмигрантскую публикацию в «Вестнике РСХД» целиком переписала в письме в лагерь Гарику Суперфину — и дошло!); в континентские времена читала полученные стихи — со времени создания «Континента» Иосиф всегда печатался только у нас, так что все его стихи, входившие в новые книги, я читала одной из первых, — потом читала корректуру. То есть у меня всегда было «внимательное чтение».

Но мой многолетний навык чтения его стихов на самом деле и значит, что знакомое стихотворение каждый раз читаешь как-то «по-другому». Особенно яркий пример: лишь в конце 80-х — начале 90-х ко мне пробились сначала «Горбунов и Горчаков», а потом и «Школьная антология», которые меня раньше чем-то отталкивали. Может быть, помогло знание его более поздних стихов, которые я любила с первого чтения, «все подряд», без исключений. И которые тоже каждый раз читаю «по-другому». Но это частности моего читательского восприятия, а не какие-то генеральные открытия, которыми стоило бы поделиться.

Александр Скидан

1. Бродский и зачинатель (великого синтеза) и завершитель. Но больше завершитель. Нереализованной (оборванной) осталась линия середины 60-х: «Пришёл сон из семи сёл», «Деревья в моём окне, в деревянном окне». По-настоящему народные, пронзительные стихи, мои любимые. Несбывшееся обещание. А другие мои любимые — эмигрантские страшные «Темза в Челси», «Часть речи», «Венецианские строфы», «Римские элегии». Это абсолютные шедевры. Их главная тема — вовсе не ностальгия, а богооставленность, даже, я бы сказал, безблагодатность мира, в котором непонятно как, но всё же остаётся место для милости. Своего рода атеистическое христианство. Это то, что делает их такими современными, до судороги («Наклонись, я шепну Тебе на ухо что-то: я // благодарен за всё; за куринный хрящик // и за стрекот ножниц, уже кроющих // мне пустоту, раз она — Твоя»). Нечеловеческая оптика. (И, кстати, полемическая инверсия маяковского «ножика» из «Облака в штанах».) В этом смысле Бродский — противоположность

Мандельштама, при том, что в XX веке это два самых главных (русских) поэта «мировой культуры». Синтеза, о котором я говорил вначале. Бродский соединил англоязычную просодию (Оден) с русским акцентным стихом (Маяковский, Слуцкий). Гремучая смесь. Вместе с англоязычной просодией пришла аристократическая брезгливость (пафос частной жизни, частности, частичности), её интонационные и метафизические последствия оказались убийственными для доминировавшей на протяжении более 200 лет романтической русской модели стихосложения. Он её фактически разрушил изнутри, доведя до невыносимого блеска («только то и держится на гвозде, что не делится без остатка на два»: какая математика!). Последние его вещи держатся на этой жуткой инерции агонии. Но, может быть, самое удивительное и самое важное: Бродский — последний любовный лирик в традиционном (романтическом) понимании, может быть, самый последний. После него любовная лирика ушла из русской поэзии.

2. Лучшее в современной Бродскому русской поэзии — то, что сознательно отталкивалось от него (в противительном смысле): Кривулин, Шварц. Или не отталкивалось, а просто двигалось независимо в других языковых мирах: Ерёмин, Соснора, Айги, Драгомощенко, Сатуновский, Вс. Некрасов. А позднее те, кто обращался к далёким, даже враждебным Бродскому традициям: к Кузмину, Хлебникову, Вагинову, позднему Мандельштаму, обэриутам. Или, как Шамшад Абдуллаев и Сергей Завьялов, к иноязычным, но предельно антиромантическим образцам. Если же говорить о совсем последнем периоде, то почему-то мне кажется, что Бродский сильнее прослушивается в нашей женской поэзии, которая вообще, безотносительно Бродского, становится передовой поэзии, её режущей кромкой (возможно, потому, что женщины себе больше могут позволить, они смелее мужчин; или на них не так давит груз традиции, всё же эта традиция сформирована почти исключительно мужчинами? а может, потому что они изначально находятся в слабой позиции, обусловленной нашей шовинистской культурой, самой шовинистской культурой в Европе, и эта слабость революционизирует их бессознательное? интересный вопрос...).

3. Да, сейчас Бродский читается другими глазами, нежели в середине 80-х, когда я его для себя открыл. Тогда было опьянение, эйфория: ого, оказывается, можно говорить обо всём! Зачаровывало изгойство, ирония, индивидуалистический вызов любым формам коллективной власти, асоциальность. Как будто Лермонтов встал из гроба! В середине 90-х это уже было анахронизмом, потому что буржуазными индивидуалистами, презирающими «совок», стали поголовно все. А многие так и ловко переняли барственную манеру писать «через губу». Контраст исчез. В день смерти Бродского я взял томик его стихов с собой в котельную на дежурство. И, признаться, остался ни холоден, ни горяч. Сейчас Бродский снова становится актуальной фигурой, отчасти по причинам, о которых я уже упомянул в первом пункте, отчасти потому, что политический контекст к тому подталкивает. Он безукоризненно остался невозвращенцем. Тут возможны гнусные спекуляции на его символическом капитале, перенос фронды с брежневским режимом на сегодняшнюю ситуацию в духе неолиберальной риторики. Это будет позором. В одном интервью Бродский рассказал историю, которая запала мне в память. Он ехал, кажется, в электричке, напротив него сидел мужик, из простых, деревенских. Дело было ещё в России. И вот, говорит Бродский, пока я ехал, я вдруг понял, что у нас, «людей культуры»,

есть как бы второй язык и вторая жизнь. А у этого бедняка — одна жизнь и одно косноязычие. И ему никогда не выразить своего горя. Он умрёт в неизвестности, пойдёт на удобрение рода. Мы господа, счастливчики по сравнению с ним, у нас есть имена. Что-то вроде этого, очень толстовская мысль, которая меня тогда сильно торкнула. Но только сейчас я понимаю всю её неотменимость.

Александр Бараш

1. Поскольку Бродский, по складу личности, поэт Империи, а этой империей был Советский Союз, — Бродский оказался последним великим советским поэтом. Если под словом «советский» иметь в виду не декларации и не другие внешние атрибуты, а эпоху (и если определение «поэт» поддержано масштабами дарования).

Сегодня ни имперскость, ни образ национального поэта (в нашем случае, советской нации), ни «советскость» — в том смысле, который обозначен выше, — не находят под собой почвы. Попытки их реанимирования относятся не к литературе, а чаще всего — к сферам, ей враждебным.

Похоже, Бродский сейчас в большей степени историко-культурное явление, чем живой «фермент», влияющий на новую поэзию.

А когда-то — для нескольких поколений это была «Фигура Отца». Для моего поколения (подростки семидесятых годов) — и вообще «наше всё» из поэтов-современников. А если учитывать, по известной мудрости, что родители — главная травма для любого человека, то очень уместно в своё время, в начале восьмидесятых, было массовое воздействие «московского концептуализма», типа отрезвляющее влияние «улицы».

То, что важно сейчас, след чего присутствует в современных текстах, и что важно, на мой взгляд, для будущего (не как социокультурная эффектность «На смерть Жукова» или масскультурная «Писем римскому другу», которые сохраняются, скорее всего, как памятники своей эпохе), — важны тексты Бродского от лица частного, частного человека, такие, как «Памяти отца...» или «Дорогая, я вышел сегодня...». Речь частного человека, только человека, человека вообще. Но — находящегося во всечеловеческом контексте.

Существен опыт его последних стихов. Они уже в меньшей степени связаны с советским миром и сознанием, эти стихотворения написаны русско-американским поэтом советского происхождения.

2. Наиболее значимо отсутствие. Я сторонник идеи, что обрыв возникшей в пятидесятые годы линии Красовицкого, Черткова, поэтов их круга — это одно из главных событий русской поэзии последнего полувека, имевшее и имеющее серьёзные последствия. Примерно так же, как если бы — в начале двадцатого века — футуристическая линия оборвалась на середине десятых годов (перестали бы писать и присутствовать в литературной жизни наиболее значительные поэты, начинавшие с футуризма).

У Бродского в 60-е годы есть «пунктир» близкого к эстетике круга Красовицкого и Черткова поэтического движения: по отношению к красоте и интонации, по типу метафор. Самое яркое из стихотворений такого склада — «Рождественский романс». Неожиданность, расплывчатость от резкого смещения — и ошеломляющая точность, «И льётся

мёд огней вечерних...». Что касается ровесников и младших современников, то главным достижением следовало бы, вероятно, считать ненаходимость взаимосвязей с Нобелевским лауреатом... но то, что не имеет связей с Бродским, соответственно и вне рамок данного разговора. В любом случае, каких-либо версий прямого развития в последние годы одной из «линий» Бродского, такого развития, которое сохраняло бы принципиальные связи с предшественником и в то же время стало бы самостоятельным масштабным явлением, — я назвать не могу.

3. Чуть ли не главной его художественной миссией было культуртрегерство (обдумать на досуге связь между культуртрегерством и образом национального поэта в России). В идеологическом плане — «опыт борьбы с удушьем». В психологическом смысле — пример внутренней свободы. Вот последнее — остаётся живой, интересной и вдохновляющей вещью. Это движение высвобождения — из всех бэкграундов, родового, социального, «кругового», даже языкового — универсально и проявляется в каждом его тексте и витке биографии. И со временем только очищается в своей драгоценности.

Александр Уланов

1-3. В поэзии Бродский в гораздо большей степени — именно подведение итогов. Традиции, рассматривающей поэзию как повествование, тяготеющей к однозначности и точности, связанной с биографией и самовыражением. Опирающейся более на форму стиха (метр, рифму, строфу), чем на движение читающего в пробелах между словами, в «брюссельском кружеве», о котором говорил Мандельштам (Бродский — один из очень многих авторов, воспринявших его этическую позицию, но не его поэтику, действительно радикально изменившую русскую поэзию). После Бродского огромное количество принадлежащих к этой традиции авторов, по сей день заполняющих поэтические разделы журналов, выглядят всё более бледными копиями.

Достижения Бродского (и, возможно, причина того, что он смог стать живым автором в умирающей традиции) — не в области собственно поэзии. Это — его опыт индивидуализации, личной ответственности, свободы (который гораздо шире, чем противостояние конкретному тоталитарному режиму). Отказ от однозначных ответов (например, исследование параллельных миров, в одном из которых можно регулярно писать стихи на Рождество, а в другом утверждать, что монотеизм синонимичен тоталитарности). Ироническое отношение к себе. Открытость иноязычным литературам (не только англо-американской). Всего этого в России по-прежнему очень не хватает.

Не интереснее ли эссе Бродского? Они часто представляются более концентрированными и многозначными (то есть более поэтичными с точки зрения другой традиции), чем его стихи. (В этом же направлении двигалась поэзия Бродского после паузы 1988-1992 годов; и можно с сожалением говорить о намеченных и нереализованных возможностях применительно к самому Бродскому.)

В России с Бродским произошло, видимо, то, против чего он предостерегал («Как это ни странно, во всякую эпоху почему-то всегда существует только один великий поэт. Происходит это, я полагаю, от чудовищной лености общества, от нежелания иметь дело с двумя, тремя — а то и больше, как, например, в первой четверти нынешнего

столетия, — великими поэтами. Иными словами, обществу присуща тенденция к самообкрадыванию, к добровольной духовной кастрации»). И виноват в этом не Бродский.

Арсений Ровинский

1. Кажется, что поэт, вне зависимости от его масштабов, не может быть «закрыва-телем» чего-либо. Невозможно считать, например, Фета закрывателем темы роз, соло-вьёв и ланит. Приходится повторять, что поэт только инструмент языка и времени, и если какие-то темы, формы или ходы становятся в поэзии закрытыми, то виной тому только время, но никак не поэты, пусть даже такие значительные, как Бродский.

Другое дело, что у Бродского ничему невозможно научиться, кроме «величия за-мысла», — одного этого, кстати, вполне достаточно. Само же движение, поток любого стихотворения Бродского неподражаем и не может служить основой для построения каких-либо последующих поэтик — но это не означает, на мой взгляд, что Бродский что-либо сознательно или бессознательно «закрыл».

Что касается той части современной поэзии, которая мне близка, то она невооб-разима без Бродского, вне его тени, его интонаций. Это особенно очевидно, если гово-рить о поэтах, формально далёких от Бродского, о Медведеве, например, или Сергее Ти-мофееве.

2. В случае с Бродским для меня важны противопоставления, а не переключки. «Представь себе, что было бы, если бы Нобеля дали им» относилось, кажется, не только к Вознесенскому и Евтушенко, но — подсознательно — ко всем современникам. Не в смысле «олимпизма», о котором писал Гандлевский, не в смысле соперничества, но в силу абсолютной независимости, делавшей невозможным нахождение в одном русле с кем бы то ни было.

3. Моё отношение к Бродскому не менялось со времени первого прочтения, то есть лет с 12ти, наверное. Тогда эти стихи казались откровением и волшебством. Открывая его книги сейчас, я испытываю те же чувства. То, что мы любим, когда нам 17 или 27, с возрастом невозможно полюбить ещё сильнее, и если чего-то и стало больше с течением времени, то только чувства благодарности.

Вадим Месяц

1. Замашек Колумба или Аттилы не заметил: идея «частного существования» по-казалась мне открытием. В «коллективном хозяйстве» конца 80-х — начала 90-х так ни-кто не представлялся, образ «дурака с мороза» работал, но такая интеллигентно состав-ленная заява казалась экзистенциальным переворотом. Меня эта позиция (поза? часть речи?) задела даже больше, чем уникальная бродская поэтика, которую иногда связы-вают с британской (американской), — чтобы принизить его самостоятельность, что ли? Мы бормотали вслед его мантрам, потому что дети, потому что были влюблены, и об Одене никто не слышал, и об Олсоне. В Нобелевской лекции Бродский говорит о «дик-

тате языка» (и так сказал бы любой пишущий), хотя честнее было бы говорить о «диктате автора», — за такой вот пример «авторитаризма» я ему и признателен. Почему лирическое стихотворение должно быть в 25 строк? Почему мелодика? Почему фонетика? Кто сказал, что на рифме основная смысловая нагрузка? Почему «на Васильевский остров», когда есть острова в океане? Почему друзья и учителя, в конце концов? Почему и зачем всё? Это продолжение «частного существования», которое работает только при масштабе персоны и больше чем «частный случай». Закрыл он для нас на некоторое время «холодность, рассудительность, величавость и даже великость», подарив «ново-советских» Рыжего, Верникова, Емелина... Заставил вспомнить о сердечности, теплоте, простоте, народности даже, забытым благодаря его поэтическому стоицизму и постмодернистскому ёрничеству соседей по цеху. Поэт (к тому же великий) должен отвечать на вызовы времени. Сейчас время другое — как бы он реагировал на происходящее? Он был отзывчивым собеседником — вот, умер, жди теперь встречи... Он декларировал (не озвучивал) такую уайлддовскую любовь к искусству (шутку): мол, природа должна искусству подражать, а не наоборот. Не так, как у обычных людей. Он искусству доверял слишком, считал, что хороший литературный вкус уведит читателя от любого зла. Это звучало забавно в стране беглецов и «детей природы», где считается до сих пор недостойным иметь министерство культуры. С другой стороны, говорил, что «написание стихов делает жизнь интересней, не более того». И всё-таки, несмотря на надуманный этот идеализм, напомнил об античности, клановости и кастовости, о поэзии социальной несправедливости (юмор). Потому что формы её принципиально элитарные и недемократические, и очень далеки от «языка народа», который очень даже противоречиво влияет на развитие словесности. Был «заражён нормальным классицизмом», «патриотизмом» (кто-то так говорил) вместо патриотизма, что приятно для подражания. В какой-то момент существования русской литературы нужно было вспомнить о Риме имперском, сейчас — о Риме первоначальном. У нескольких вечных городов и богов существовали (и существуют) тайные имена, которые нельзя произносить вслух. Но «узнать» и сберечь-то их надо.

2. Про плеяду публике известно. Я бы хотел напомнить о Владимире Гандельсмане, у которого прямые отсылки вроде «Тихого пальто». Его трагический атеизм доводит линию Бродского до совершенства: «без гитары и слезы», но с полной достоверностью переживания. Я об интонации — сейчас мало кто может зарыдать настолько внятно. Бродский был бы рад, точно. Поиск смысла жизни «без каббалы, без космоса» — лишь для объяснения собственной судьбы. Подвиг, по существу. Я бы не осмелился. На пустом месте, без всякого оккультистского или, наоборот, позитивистского дурмана. И техникой такой никто не владеет сейчас, и страстью. Я просто недавно читал «Обратную лодку», и он мне понравился как-то по-новому. Есть ещё несколько глубоких поэтов, но сейчас говорить о них — только запутывать. У меня есть очевидное любопытство (извините за низкий слог) к людям из Питера. Я устроен по-другому (настоятельно по-другому) — ну, там Сибирь, Евразия, — но я понимаю, что «питерский текст» состоялся, а мой «сибирский» только брезжит. Бродскому, кстати, спасибо, что он и об этом успел подумать, заметить. Учитель в поэзии — это который предлагает тактики поведения (или его отрицания) своим поведением. Скажем, я не умею «себя поставить», что умеют делать многие пережившие унижения, но я этого и не могу себе позволить. Пойми сам, чего из-

бегать, что приобретать, — тоже очень полезно. У поэтов европейского склада не может быть учителей. Странный обмен «эстафетными палочками», скоростное кривопожатие руки. В физике, которая не совсем поэзия, всё проще, жёстче и серьезнее. Нацисты разрушили немецкую науку, философию — ну и попробуй восстанови. Поэты же растут, как трава, — про разрушение генофонда я бы не говорил. Есть разрушение духа (его потребительские цивилизации в первую очередь и разрушают), но Россию эта проблема пока миновала (мне так кажется). Итальяны от рождения хорошо поют, славяны хорошо фантазируют.... Мне интереснее наша литература — до сих пор больше возможностей для манёвра.

3. Да, после завершения холодной войны пейзаж изменился, эмоциональный градус стихотворчества понизился. Это обидно — неужели для написания чего-то живого нам необходимо преодолевать трудности? Сказалось межвременье, всеобщая дезориентация. Появились новые женские имена: не только об очаге и уюте, это радует. Некоторое количество лирических мужчин, опять-таки относящихся скорее к «частному существованию» и безразличному «комсомольскому собранию», чем к возрождению или созданию традиции. 10 лет — небольшой срок для Бога. Не знаю, к чему приведёт «вскипание ярости благородной» (вялотекущей, но, к счастью моему, ощутимой), но самоидентификация России необходима, российской поэзии тоже. «Масштабность начинаний» возможна только во времена сильных эмоций: салонные склоки непродуктивны. Молодёжь на наследие Бродского плюёт, но лучше от этого не пишет. Отторжение его творчества происходит не только по вине небескорыстных популяризаторов, но и как отторжение всего западного, что не очень умно, но объяснимо. Задали вопросы — взволновался: 10 лет? Так быстро пролетели? Перечитал — и вдохновился. У коллег тоже скоро появится такая потребность.

P.S. Была такая прибалтийская наука — соционика. Бродский по их понятиям — маршал Жуков, я — Гексли (по их терминам «бесконфликтное партнёрство»). Не помню, кто мне об этом сообщил (наверняка жулик), но похоже на правду.

Яна Токарева

1. Примерно поровну. Я знаю примерно столько же людей, прекративших писать свои стихи, прочитав стихи Бродского, сколько и начавших. (Лично я пыталась бросить после Мандельштама, а Бродский наоборот вывел меня из ступора).

2. Интереснее всего взаимосвязь с Лосевым (хотя он вроде как старший). С Щербаковым. С Денисом Новиковым. С Дельфиновым. В общем, с теми людьми, которые не боятся братья за те же темы с другой (менее серьёзной) стороны.

3. Недавно, расчищая место для новых поэтических книжек, волевым решением переставила четырёхтомник Бродского с полки «актуальная поэзия» на другую, первую попавшуюся. Сейчас посмотрела, в какую компанию он в результате попал: словари, учебники английского, учебник гармонии и икейский комодик с инструментами.

Мария Степанова

1-3. Есть определённый, очень чётко себя обозначающий тип письма, который я бы назвала *замкнутым*, имея в виду примерно вот что: абсолютную узнаваемость речевой походки; несколько неподвижных идей, кочующих за автором от текста к тексту, от книги к книге; «страсть к разрывам»: смене поэтики или перемещению её на новые территории — в погоне за некой точкой *над*, в которой возможно было бы наложить *очерк поэтического мира* на карту мира тварного, да так, чтобы контуры и масштабы полностью совпали. Соответственно — экстенсивность, центробежность, тяготение к тотальности и — в силу последнего — полную непригодность к использованию любым способом, кроме предписанного автором. Строго говоря, это описание можно с большей или меньшей лёгкостью применить почти к любой *выраженной* поэтике, к любой из крупных фигур русского модернизма. Их работа, такая щедрая в отношении к *входящему* — просто-читателю, готовому честно существовать по предложенным ему правилам, — оказывается до крайности *client-unfriendly* при попытках корыстного вмешательства *извне*. Делать с этим, как выясняется, нечего: грамотно использовать логические ходы, обусловленные чужой органикой, не удаётся; языковые складки вне естественной среды деформируются до полной неузнаваемости. Ни выпить, ни поцеловать.

Кажется, использовать/развивать можно только то, что намечено смутно или неточно. Большие поэтические практики отмечает недвусмысленность: сказано ровно то (и так), что следовало сказать; пространства для разночтений не остаётся (для толкований — да!). Место для постскриптума не предусмотрено.

Всё это относится и к наследию Бродского. Всякое литературное сегодня — живая изнанка застывающей, твердеющей на глазах истории литературы; и если на лицевой стороне — итоговое собрание сочинений и мемориальная доска с барельефом, то на обороте — огромная владина тех же очертаний — то ли воронка, оставленная взрывом, то ли помпейский гипс с зиянием на месте когда-то живого тела. Присутствие Бродского в текущей словесности оформлено именно как зияние, и то, что десять лет не изменили масштабов этой пустоты, говорит о многом.

Что до перекрёстных влияний — если считать, как я, что самодостаточная поэтика либо не нуждается в диалоге, либо *сама* избирает предмет для сердца своего, и уж вовсе не способна снабдить окружающих домашними рецептами и заготовками, — интереснее всего нервные узлы. Смысловыми оказываются здесь зоны расхождений, точки оттолковения, логика несогласий и неприятий. Поэтому в известной книге интервью, собранных Валентиной Полухиной, именно ответы Кривулина, Шварц, Седаковой, Парщикова, каждый по-своему, остаются в сфере актуального, не отходя, как иные, в область чистой мемуаристики.

Полина Барскова

1-3. По служебной надобности мне позавчера пришлось проехать мимо колледжа, где Бродский преподавал, — Маунт Холиоук, на границе между Массачусетсом и Коннектикутом. Вечер был пустой и нарядный, краснокирпичные корпуса кампуса в серых на-

шлёпках снега понравились мне. В остальном впечатление — здания промелькнули в окне секунд за пять — было более сильным, чем я рассчитывала, а значит, вполне болезненным. Чего и следовало ожидать: за десять лет, в течение которых я самоотверженно НЕ читала Бродского, старалась даже имени не упоминать, ничего не изменилось. Фантомное отчаяние, вызванное его исчезновением, категорически не смягчилось: ногу давным-давно отрезало вроде бы, а всё жалко.

За истёкшие десять лет в русской поэзии много чего случилось, кроме невозможного — равновеликой, равноутешительной, равнораздражающей фигуры не появилось. Из тех, кто пытался назначить себя наследником по принципу родства и близкого знакомства, — из персонажей свиты все оказались вдруг персонажами фарса. Пародиями. Кстати, ещё Тынянов говорил в статье о пародии: «Нет продолжения прямой линии, есть скорее отправление, отталкивание от известной точки — борьба. Такова была именно молчаливая борьба почти всей русской литературы XIX века с Пушкиным, обход его, при явном преклонении перед ним». Вот именно, нашлись среди поколения Бродского, или чуть младше, совершенно завораживающие голоса, явно скорее отталкивающиеся, чем подпевающие. Возможно, в момент ухода Бродского резонанс этих голосов стал мощнее как раз потому, что мы стали нервно прислушиваться — а кто там есть ещё. Был ещё. Покойники: многословный, чрезмерный Кривулин и ехидный ангел Хвостенко. Но вот и живые — в географической близости от прошлой жизни Бродского обитают Лосев и Гандельсман. Лосев профессорствует, аккуратничает, старый красавец Гандельсман как раз наоборот. Стихи обоих находятся в каком-то кэрролловско-зеркальном отношении к Бродскому, как бы вдруг похоже, но на самом деле категорически нет, а похоже только на наше ощущение («мы» — это те, кто подобные ощущения когда-либо испытывал, странная группа), воспоминание об ощущении стихов Бродского. Оба — поэты сильнейшие, острейшие, смешнейшие, ну и что?

Последний вопрос относится к самой косточке, к центру того, что случилось с русской литературной ситуацией за последние десять лет. Она вот что: полуторагодовая Фрося любит задумчиво постоять в моих башмаках 41-го размера, но бегать в них ей неудобно. Фрося из башмаков вылезает и начинает увлекательно и опасно передвигаться босиком. Старые башмаки, котурны, термины новой литературе не подходят: система, в которой присутствие поэтического гиганта служило зонтом, компасом, наркотиком, оправданием, утешением, оружием, вибратором, — ушла. Поэзия больше не наносит травму и не излечивает от неё. Она стала — красивая, хорошая, умная вещь. В лучшем случае, конечно.

Но всё же и в этих стянувшихся рамках видны последствия того, что Бродский был. В той области поэзии, куда я лично захожу, как-то очевидно, что поэт — это прежде всего существо, поражённое чтением. Диапазон широк: от маски человека, блюющего литературой (может ли быть маска восставшего желудка?), — случай Шиша Брянского, — до ледяного снобизма малиновой подсохшей пеночки, корочки — случай, скажем, Олега Юрьева. Или вот Миша Гронас, он лежит в сапогах на диване вечером и читает *Анну Каренину* и улыбается, потому, что это так приятно и странно и страшно и небесмысленно, или читает нам с Катей Капович перевод Дю Белле, Катя очень радуется и курит опять. Я подозреваю, что, кроме учёных поэтов, брезгливых поэтов, слишком много курящих поэтов, бывают и преуспевают на свете и другие всякие. Но это уже другая статья.

Рондо: как профессору американского колледжа, Бродскому пришлось развить в себе нетривиальное качество: толковость в чтении. Именно этим меня поразила перечитанная наизусть и наугад и только по поводу! статья *Примечание к комментарию*: как дельно, как полезно, как точно и спокойно. Гениальные стихи может писать всякий гений, а вот объяснять механизмы-организмы таких стихов, причём не заслоняя собою объект толкования, мало кто умел и любил из наших великих. Ну Пушкин, Набоков, Бродский. Самые бережные читатели.

А его стихи перечитывать я пока всё же не могу: я не Чорб.

СОСТАВ ВОЗДУХА

Хроника поэтического книгоиздания в аннотациях и цитатах

Данила Давыдов

Лето 2005 — февраль 2006

Ариергард: Альманах.

М.: Воймега, 2005. — 208 с.

Сборник, подготовленный кругом авторов, близким к поэтической группе «Алчность», сформирован по принципу утверждения жизненности модернистской традиции — в пике постмодернистской. Условно говоря, объединённых под этой обложкой поэтов можно считать умеренно-традиционалистским флангом, настаивающим на приватной стороне своего поэтического существования. Среди прочих, в сборнике — квазишаманские стихи Виталины Тхоржевской, лирические медитации Влада Колчина, постмигьковская ирония Евгения Лесина. Центральными материалами альманаха следует признать большую подборку яркого представителя харьковского андеграунда Юрия Литвинова и не опубликованные прежде стихи Георгия Недгара (1944–1989), недооценённого московского поэта-мистика.

*Тучки золотой обрез / вспыхнул и погас:
/ мгла из мглы глядит на нас / миллионом
глаз <...>* (Ю. Литвинов)

Наталья Астафьева, Владимир Британишский. Двуглас: Двужычное издание.

М.: Прогресс-Плеяда, 2005. — 416 с.

Совместное избранное известных поэтов и переводчиков польской поэзии. Зарисовки быта и рефлексии над судьбами поколения перемежаются у Астафьевой и

Британишского поэтическими размышлениями о сути языка, свободный стих бесконфликтно соседствует с силлабо-тоникой. Русский текст стихотворений сопровождается переводами на польский (среди переводчиков — Виктор Ворошильский и Адам Поморский).

*<...> Во всём теперь ищю непреходящего,
/ стабильного, такого, чтоб навечно. /
Неважно, что произошёл от ящера, / а
ящер — от бессмысленного нечто <...>* (В. Британишский)

Анастасия Афанасьева. Бедные белые люди: Книга стихов.

М.: АРГО-РИСК; Тверь: Kolonna Publications, 2005. — 72 с. — («Поколение», вып. 8).

Дебютный сборник молодого харьковского поэта. В своём поколении Афанасьева — один из авторов, максимально открытых диалогу с ближайшими предшественниками, среди которых — и Станислав Львовский, и Вера Павлова, и Александр Анашевич. Эффект «недовершенности» авторского «я», его отраженности от чужих авторских манер уравновешивается калейдоскопичностью, многоголосностью афанасьевских стихотворений.

*<...> Однажды пять моих миров устроили
флэшмоб / флэшмоб это единственное
что теперь объединяет / и когда это
произошло / один человек вошёл во все пять /*

двумя пальцами вошёл / до сих пор в каждой из моих жизней зияет дыра / в форме его руки <...>

Тамара Буковская. ВХ: Стихотворения. СПб.: Собрание АКТуальных текстов, 2006. — 64 с.

Петербургский поэт, филолог, художник-инсталлятор редактирует «АКТ» — издание в духе «нового самиздата». Такого рода неканоническая литературная деятельность отражается и собственно в поэтике Буковской: наследуя традициям исторического авангарда, поэт отказывается от его «негативной этики», пафоса переустройства и т. д. Стихи Буковской — своего рода маньеризм авангарда.

из чего следует / что не следует / ни за кем следовать / что-то наследовать / и идти след в след / не след не след

Евгений Бунимович. Ежедневник.

М.: ОГИ, 2005. — 288 с. — («Твёрдый переплёт»).

В соответствии с концепцией серии, Бунимович представлен в этой книге не только как поэт, но и как публицист, педагог, политик: разножанровые прозаические тексты (эссе, статьи и даже депутатские запросы) занимают две трети книжного объёма. В стихотворном разделе собраны поэтические тексты Бунимовича разных лет. Полистилистика (роднящая Бунимовича с Ниной Искренко, Владимиром Строчковым, Александром Левиным) сочетается здесь с гражданским лирическим началом, а иронический взгляд — со стоической позицией.

<...> немного ужаса полна отверзшаяся бездна / ночной зефир струит прямой эфир / жизнь возвращается к нулю / и завтра будет поздно / товарищ некрофил <...>

Дмитрий Бушуев. Стихи.

М.: Листопад Продакшн, 2005. — 492 с.

Собрание стихотворений ивановского поэта, в разные моменты жившего в Великобритании и Скандинавии, — часть двухтомника (во втором томе представлена проза Бушуева). Значительная часть стихотворений Бушуева — нарочито манерная чувственная лирика, парадоксально включающая в себя мотивы православия и гомосексуальности; однако встречаются и достаточно радикальные эксперименты, как, например опыт «чистого каталогизаторства» в пространном тексте «Герои русской прозы», становящемся своего рода пародийной энциклопедией отечественной литературной классики.

Подари мне, Швеция / (только чтоб от сердца!), / василька с ромашкою / поднебесный флаг. / Разрешите, Швеция, / Вашим льдом согреться! / В северной Венеции / русский жил чудак...

Татьяна Виноградова. Уходим в миф.

М. — СПб.: Летний сад, 2005. — 96 с.

Четвёртая книга московского поэта. В стихах Виноградовой преобладают мифологические мотивы, причём поэт не выстраивает целостной авторской системы мифопредставлений, а перебирает и комбинирует элементы различных исторически сложившихся систем.

<...> И — сквозь плиты тяжкие — / хрусталь травы, / которой не касаясь, так — / из забвения скользя в небытие, / череда теней проходит / зеркальный этот путь / под шёпот капели, / под тихий шум и шелест дождевой <...>

Иван Волков. Алиби: Три книги.

М.: Листопад Продакшн, 2005. — 136 с.

По сути дела, избранное костромского поэта. Лирический герой Волкова — «срединный», «обыкновенный» человек, близкий чеховским персонажам. «Несломанность», целостность его внутреннего мира вступает в противоречие с внешним,

«разорванным» мироустройством; баланс между ними образует лирический сюжет волковских стихотворений. Постапостмистическая просодия соседствует с тонкими, едва уловимыми языковыми сдвигами.

<...> Когда одни и те же ночи / Нанизаны на лай собак, / Всё безнадежно — но не очень, / Всё очень страшно — но не так.

Владлен Гаврильчик. Геройское.
СПб.: Красный матрос, 2005. — 20 с.

Классик ленинградского примитивизма представляет в митьковском издательстве соцартистскую поэму, сопровождаемую иллюстрациями Ольги Флоренской. Очередная разработка мифа о Чапаеве — уступающая в изысканности, например, Михаилу Сухотину (цикл «Великаны»), но обладающая квазифольклорной мощью.

<...> Хули! Вёдрами герои / Хлещут водку на Руси. / И закусывать при этом / Ты герою не проси <...>

Мария Галина. Неземля.

М.: Журнал поэзии «Арион», 2005. — 104 с.

«Московская одесситка», Мария Галина известна не только как поэт, но и как прозаик-фантаст и критик. Два предыдущих поэтических сборника Галиной давно стали библиографическими редкостями. Новая книга включает лучшие стихотворения последнего десятилетия. В стихах очевидны следы южнорусской школы: украинско-еврейский (а то и собственно автохтонный одесский) колорит, роскошество деталей, изоцрэнная, выверенная стилизация фольклорной напевности, глубокий объём фактуры. Украинская неobarочность накладывает явный отпечаток на стихотворения Галиной: совмещение интеллектуального и природного (флора и фауна густо «населяет» эти тексты, и даже антропоморфные персонажи приобретают какие-то

природные черты: то ли хтонические, то ли присущие обыкновенно атмосферным явлениям, а не людям), фантастического и предметного (мир в стихотворениях Галиной смещён, искажён, но не в той степени, впрочем, чтобы быть сумрачно-гротескным: у поэта для этого много меланхолической, негромкой самоиронии).

<...> У тебя такие нежные гланды, говорит он, я схожу с ума... / Она молчит, поскольку знает сама, — / у неё красивая печень, которой на пользу сухое вино / (впрочем, сама она предпочитает коньяк), и крепкие мышцы ног, / её почки распускаются, как цветы, / её мальпигиевы клубочки / чисты <...>

Татьяна Данильянц. Венецианское.

Шупашкар <(Чебоксары)>: free poetry, 2005. — 30 с.

Первая книга одного из наиболее ярких современных авторов минималистического верлибра. Книга представляет собой целостный проект, в котором изображение (рисунки Игоря Улангина) соседствует с поэтическим текстом. Этим достигается эффект «двойного изображения»: визуальная основа миниатюр — фиксация мимолётных наблюдений в экзотическом пространстве — соплагается с визуальными объектами как таковыми.

Кот, крадучись, / слился с каменной / пёстрой стенкой. / У самого Адриатического моря.

Надя Делаланд. Эрос, танатос, логос...

М.: ОГИ, 2005. — 224 с. — («Проект ОГИ»).

Новая книга ростовско-московского поэта. Нарочитая изломанность стиха, экспрессия, сконцентрированная в пространстве небольших по объёму текстов.

Видать, у кого-то на небе цистит, / а может, он пиво весь август хлестал / и

лопнул, и лупит теперь по листам, / стекает по крышам и в трубы свистит <...>

Леонид Дрознер, Игорь Сатановский. Чернильный нож: Роман.

Нью-Йорк: Кожа Пресс, 2005. — 84 с.

Совместный сборник двух живущих в Америке поэтов, названный «романом», видимо, из соображений деконструкции жанровых обозначений. Тексты обоих авторов чередуются: в результате близость их поэтик становится очевидной. Представлены тексты абсурдистско-иронического толка (в духе «облегчённого» обэриутства); обращают на себя внимание опыты с заумным письмом.

белочка смотрит в бинокль / нищий орешек грызёт / пьёт старичок из бутылки / кошечка лижет котят / вот оно счастье земное / можно погладить его / в синих разводах как шёрстка / в точечках словно цветок (Л. Дрознер)

Всеволод Емелин. Роптания: Стихотворения.

М.: Ракета, 2005. — 104 с. — («Осум-Без»).

Новый сборник одного из ведущих представителей группы «Осумасшедшие безумцы». Нарочито неполиткорректные сатиры и рефлексии лирического героя-резонёра. Отдельного внимания заслуживает «Римейк» знаменитого стихотворения «Я входил вместо дикого зверя в клетку»: романтической фигуре одинокого творца противопоставляется его нарочито сниженный, маргинализированный образец (реакция на данное стихотворение Бродского становится доброй традицией: ср. стихотворение Валерия Нугатова «если бы я был великим поэтом...»).

<...> Забивался в чужие подъезды на ночь, / До тех пор пока не поставили коды. / И не знаю уж как там Иосиф Алексаныч, / А я точно не пил только сухую воду <...>

Михаил Ерёмин. Стихотворения. Кн. 3. СПб.: Пушкинский фонд, 2005. — 56 с.

Третья книга в своеобразном «собрании сочинений» одного из самых значительных поэтов ленинградского андеграунда. В книге представлено несколько стихотворений шестидесятых-восьмидесятых годов, однако в основном — стихи 2002-2005 гг. Восходя на протяжении десятилетий в своём письме ко всё большей и большей герметичности, зашифрованности поэтического послания, в новейших текстах Ерёмин неожиданно переходит к кажущейся «прозрачности», не менее герметичной. Отдельные стихотворения Ерёмина последних лет — своего рода ключ к его поэтике, ненавязчивый автокомментарий.

Ботаники, генетики, поэты / Распознают, изобретают, превозносят / Как прелести, так и шипы, / А между тем в самой себе растёт / Поверхность медоносной кроны, / Которой цвет и запах, вкус и шелест / Читает хором алчущий / Рабочий рой.

Знаки отличия: Поэтическая антология.

М.: Независимая литературная премия «Дебют»; Международный фонд «Поколение», 2005. — 224 с.

Очередной сборник молодых поэтов: лауреатов, шорт- и лонг-листеров премии «Дебют», а также просто интересных поэтов младшего поколения. В книге — тридцать шесть авторов, среди которых и уже довольно заметные (Алла Горбунова, Михаил Котов, Ксения Маренникова, Татьяна Мосеева, Пётр Попов), и публикующиеся впервые. Представленные поэты могут быть объединены только поколенческими рамками: тексты Сергея Огурцова и Владимира Лукичёва, лежащие в русле европейской и американской университетской поэзии, соседствуют с нарочитым инфантилизмом Анны Логвиновой и Андрея Гри-

шаева, иронизм Кирилла Галкина — с протестной поэзией Евгения Сидорова и Тараса Трофимова. Книга снабжена предисловиями Данилы Давыдова и Марианны Гейде.

в такую метель тебя зовут / Незабываемое / то что когда-то было / Невыразимым / не могло иметь имени но я ведь всё помню / пойми и ты <...> (С. Огурцов)

Вячеслав Вс. Иванов. Стихи разных лет. М.: ОАО Издательство «Радуга», 2005. — 256 с.

Избранные стихи известного отечественного учёного-гуманитария, лишь в последнее время публично выступившего в качестве поэта. На фоне «общедиссидентской» лирики (как гражданской, так и «тихой») в духе Наума Коржавина или Владимира Корнилова выделяются жёсткие, лаконичные верлибры конца шестидесяти годов.

Приговорённые — в газовой камере века. / Скоро должна захлопнуться заслонка, / Опуститься навсегда. / Успеть надыхаться, выговориться, прокричать, / Потом задохнуться.

Елена Игнатова. Стихотворения разных лет.

Иерусалим, 2005. — 160 с.

Сборник избранных стихотворений живущего в Израиле поэта. Один из основных мотивов Игнатовой — наложение культурных и исторических фактов на обыденную действительность, их сопоставление и противопоставление.

<...> О, бредни о Бабеле и Бодлере, / О, девушки в бабушкиных перчатках, / дворянской складки, железной хватки, / с коими мне ни в чём не тягаться, / я не забыла о прежнем братстве <...>

Елена Исаева. Хорошо и просто: Избранные стихотворения.

СПб.: Пушкинский фонд, 2005. — 58 с.

Новый сборник московского поэта составляют стихи, объединённые сквозным мотивом настойчивой гендерной самоидентификации. Лирическая героиня Исаевой подчёркивает свою «женскость», демонстрирует именно это качество как самоопределяющее. Возникает некоторая аналогия с методом Веры Павловой (так, например, обе поэтессы периодически вступают в диалог-спор с лирической героиней Ахматовой), которая, впрочем, гораздо более радикальна и идеологически, и просодически.

С тобою утром распрощавшись, / Тиха, как мудрая змея, / Своих сограждан одичавших / Улыбкой раздражаю я <...>

Сергей Казнов. Остров, полный звуков: Книга стихов.

Саранск, 2005. — 80 с.

Посмертная книга умершего в двадцать семь лет саранского поэта. Лучшие тексты Казнова близки традиции «Московского времени» в её лирико-ироническом изводе (Сопровский, Кенжеев).

Когда я лягу на скамью / и стану подыхать, / то эту песенку мою / тебе не услышать <...>

Катя Капович. Весёлый дисциплинарий. Предисл. В.Гандельсмана и Л.Костюкова.

М.: Новое литературное обозрение, 2005. — 136 с. — («Поэзия русской диаспоры»).

Сборник живущего в США поэта. Традиционность просодии (может быть, даже своего рода утрированная «напевность», ориентированность на городской или «блатной» романс) сочетается в стихах Капович с филигранной звукописью, лексическим и предельным разнообразием текстового наполнения, жёсткой экспрессией.

<...> На третьем разгружают товарняк, /

товарищ спит на драной мешковине, / душа его повисла на соплях, / но ангел его душу не покинет <...>

Бахыт Кенжеев. Названия нет: Книга стихотворений.

Алматы: Искандер, 2005. — 60 с.

В стихах Кенжеева последнего времени преобладают сверхдлинные строки. В новой книге поэта эта тенденция окончательно побеждает. «Протяжённое поэтическое дыхание» позднего Кенжеева интересно сравнить с, например, эволюцией Николая Кононова от сверхдлинных к сверхкоротким строкам (у Кенжеева срабатывает установка на максимально суггестивное письмо, у Кононова — на деконструкцию собственной риторики).

Хладной водки пригубив, изрёк симпатичный критик, что я — культурный турист. / Чистая правда, милый мыслитель. Объявляешь десять без козырей? Вист <...>

Наталья Кузьмина. Nymphalidae: Стихотворения.

М.: «РИК Русанова», 2005. — 92 с. — (Серия Центра поэтической книги).

Иронические и лирические верлибры (близкие к традиции Владимира Бурича) соседствуют в книге московского поэта с формальными опытами (палиндромы, графические стихи и т. д). Сборник составлен как коллекция мимолётных, не претендующих на многое поэтических жестов, на что указывает название книги: нимфалиды — семейство непродолжительно живущих дневных бабочек, «разнообразных по окраске, форме крыльев и повадкам».

карточные города / вырастают на рассвете // к вечеру на их руинах / раскладывают пасьянсы

Александр Кушнер. Избранное.

М.: Время, 2005. — 720 с. — («Поэтическая библиотека»).

В книгу вошли стихи из пятнадцати

сборников знаменитого петербургского поэта, а также подборка критических и эссеистических высказываний о нём. Характерный для Кушнера пафос «сохранения культуры» в новых стихах поэта приобретает форму противостояния неклассическим типам подхода к культуре.

<...> Огорчай меня, постмодернист, / Но подумай, рассевшись во мраке: / Согласились бы Моцарт и Лист / Упразднить музыкальные знаки? <...>

Евгений Лесин. Русские вопли.

М.: Ракета, 2005. — 112 с. — («ОсумБез»).

Ироническая поэзия ответственного редактора книжного обозрения «Ex libris НГ». Тексты, среди которых и миниатюры, и иностранные циклы, лежат в диапазоне от меланхолического гротеска в традиции Олега Григорьева до пародийных сатир, наполненных инвективной и обценной лексикой. Вторая книга автора.

Играли в шахматы и шашки. / Разбили головы и чашки.

Инна Лиснянская. Эхо.

М.: Время, 2005. — 648 с. — («Поэтическая библиотека»).

Собрание стихотворений из десяти книг, написанных с 1948-го по 2004-й год. Инна Лиснянская — не только пример творческого долголетия, но и уникальный пример поэта, в поздней лирике достигающего необычайного лирического накала (особенно ярко это проявляется в книге «Без тебя», посвящённой памяти поэта Семёна Липкина, мужа Лиснянской). Неканоничность «образа возраста» у Лиснянской становится одним из наиболее удивительных примеров трансформации поэтической оптики в новейшей поэзии.

<...> А время прёт своим безумным ходом, / Дыша давно прокисшим кислородом / И на деревьях делая насечки. / Конеч-

*но же, не без его участия / Разделена я
ровно на две части: / Одна — в гробу, дру-
гая — на крыльчке.*

Ирина Максимова. Баблгамы обратно: Стихотворения и прозаические миниатюры.

Б.м; б. г. — 60 с.

Первый сборник молодого калининградского поэта. Распространённая в практике младшего поэтического поколения установка на «новую искренность» утрачивает в текстах Максимовой эпатажные черты. «Детская оптика» Максимовой здесь — не столько тип дискурса (как, например, у Дины Гатиной), сколько особенность рефлексии субъекта письма.

*покажи мне / что у тебя / в ладони //
раскрой / пальцы // только тепло / больше /
ничего нет*

Кирилл Медведев. Тексты, изданные без ведома автора.

Сост. Г.Морев.

М.: Новое литературное обозрение, 2005. — 232 с. — («Премия Андрея Белого»).

Книга шорт-листера премии Андрея Белого за 2002 г. Кирилла Медведева выходит в соответствии с авторским манифестом, где, в частности, декларируется: «<...> Мои тексты <...> могут быть опубликованы, в России или за рубежом, на любом языке, ТОЛЬКО В ВИДЕ ОТДЕЛЬНОЙ КНИГИ, составленной и оформленной по полному произволу издателя, выпущенной ПИРАТСКИМ ОБРАЗОМ, то есть БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ АВТОРА, БЕЗ КАКИХ-ЛИБО КОНТАКТОВ И ДОГОВОРЁННОСТЕЙ С НИМ, что должно быть указано и в выходных данных <...>». Фигура Медведева — одна из самых знаковых для поэзии 1990-2000-х. Работая в области «прямого высказывания», поэт доводит эту идеологию до логического завершения: поэзией становится и опыт изживания неврозов, и всякое внетекстовое

позиционирование автора. Стихи Медведева, восходящие генетически к некоторым лианозовцам (в первую очередь, Ян Сатуновский) и Чарльзу Буковски, оказываются примером одновременного торжества и конца поэтической риторики.

*прабабушка сварила себе лапшу, поела
её, / потом пошла к себе в комнату / и
умерла; / когда её обнаружили примерно
через час, / то лапша, соответственно, ещё
не остыла; / это была / моя двоюродная
прабабушка.*

Елизавета Мнацаканова. Arcadia: Избранные работы 1972-2002.

М.: Издательство Р.Элинина, 2006. — 200 с.

Сборник поэтических и эссеистических текстов разных лет одной из наиболее значительных, можно сказать, легендарных фигур отечественного поставангарда. Парадоксальная неэпатажность радикальной художественной работы Мнацакановой, принципиальная её глубинность, может быть, увы, оставляют фигуру поэта в тени некоторых современников, в том числе и младших. Поэзия Мнацакановой — поток, порой линейный, порой нет, некий саморазвивающийся волновой процесс. Безусловно, устное исполнение должно наделять эти квазимузыкальные ряды дополнительным измерением, как смыслообразующим, так и порождающим новое чувственное понимание. Но эти стихи — вовсе не только и не столько партитура (Мнацаканова профессиональный музыкант, учитывающий открытия музыкального минимализма XX века), сколько самоценная художественная работа. Важным аспектом мнацакановских циклов-вариаций оказывается их визуальная составляющая, выделяющая как к экспериментальным авторским способом нотной записи, так и к визуальной поэзии. Расположение букв и слов на листе не случайно, оно ориентировано

по оси страницы — симметрично либо нет. Если сложить потенциальный звук, заложенный в текстах Мнацакановой, с их актуальным графическим членением, образуется уникальное многомерное произведение, одновременно читаемое — слышимое — наблюдаемое.

*<...> так пою над тобою тобою-травой
так пою / припадаю / той траве молодой
траве зельной зелёной земной / вечной /
поклоном земным припадаю / вечным / так
пою надгробно / пою... <...>*

Константин Мозгалов. Избранное.

М.: Фонд Сергея Дубова, 2005. — 160 с.

Посмертное издание ивановского поэта, практически при жизни не издававшегося. Мозгалов (1956–2001) был автором самиздатских поэтических сборников, наиболее яркие из которых концептуально выстроены и требуют цельной публикации (так, «Pro forma» — своеобразное соревнование с брюсовскими «Опытами», каталог всевозможных твёрдых форм, ритмических моделей; «64 — комментарий» — цикл текстов, связанных с шахматами и как бы «наложенных» на клетки шахматной доски, — и т. д.). Издатели «Избранного» — очевидно, вынужденно, за недостатком места, — пошли по другому пути, в результате чего творческий облик покойного поэта, представленного по большей части «философской лирикой», несколько размывается.

*<...> Пускай каноны строги, / мне весело,
зане / в хоромах и остроге / один я не //
бываю: волочитя, / грызя цветной ланд-
рин, / за мною мысль-волчица — / не я
один...*

Юнна Мориц. По закону — привет почталюну.

М.: Время, 2005. — 576 с.

Большая книга новых стихотворений известного поэта. В кругу ровесников

Юнна Мориц занимает достаточно обособленное положение: её тексты практически не затронуты характерной для официального шестидесятничества в целом вульгаризацией гражданского художественного высказывания. С другой стороны, будучи просодически более ориентированной на классическую традицию, нежели, к примеру, Евтушенко или Вознесенский, Мориц порой весьма смело вступает в область прозаизации стиха (область, в которой работал целый ряд значительных фигур середины века — от лианозовцев до Слуцкого). Стихи Мориц в новой книге сопровождаются её же графикой.

*Действительны ваши билеты в кино, / А
вы — недействительны, / пора бы почув-
ствовать это давно, / Но вы — нечувстви-
тельны <...>*

Перелом ангела. По следам XII Российского фестиваля верлибра: Сборник стихотворений.

Сост. Д. Кузьмин.

М.: АРГО-РИСК; Тверь: Kolonna Publications, 2005. — 152 с.

Традиционное издание по итогам фестиваля свободного стиха (на этот раз, в 2005-м, проходившего в Санкт-Петербурге). Сборник демонстрирует многообразие современного отечественного верлибра — от сложнейших конструкций Аркадия Драгомощенко до миниатюр Александра Макарова-Кроткова, от лёгкой иронии Ефима Беренштейна до лирико-философских медитаций Александра Скидана, — и его неисчерпаемые потенциальные возможности.

*ты же всё видел / да но / ночь ещё / или
уже (Валерий Земских)*

Виктор Перельман. ПридуманНные питцы: ПоЕма-орнитарий.

М.: Изд-во КОМТ, 2005. — 128 с.

Книга-проект: каталог несуществующих

щих птиц в стихах и картинках автора. Тексты Перельмана находятся на скрещении традиций английского нонсенса (не случайно Перельман занимается также поэзией для детей) и лианозовского примитивизма (особенно близок автору, кажется, Игорь Холин эпохи цикла «Космическое»).

*Птица-ёж, / птица-нож / и
птица-сама-на-себя-не-похож. / Редко
взлетают. / Обычно сидят в уголке, /
держат друг друга в руке / и что-то там
замышляют.*

Андрей Полонский. Иерусалим — Тибет, далее везде.

Севастополь — М.: Товарищество Знак; ИД «Юность», 2005. — 118 с.

Книга московского поэта объединяет как жёстко структурированные циклы, так и отдельные стихи последних лет, довольно произвольно собранные в разделы. Поэтическому письму Полонского присуща абсолютная формальная свобода, позволяющая существовать и в традиционном регулярном стихе, и в верлибре, и в «новой регулярности» рэпа. Полонский — поэт-историк, философ, однако он не медитирует над судьбами народов и сменой эпох, но «проживает» их в самом развитии поэтической мысли.

*календарь пристрастен к датам / госу-
дарь грозит солдатам / шибче жарь — пой-
дёт потеха / только мёртвым — не до смеха
/ господа имеют право / как всегда надёж-
ней пиво / под рыданья волкодава / миро-
зданье спит красиво*

Игорь Померанцев. Те, кто держали нас за руку, умерли: Избранные стихи.

Предисл. С. Львовского.

М.: Новое литературное обозрение, 2005. — 192 с. — («Поэзия русской диаспоры»).

Живущий последние годы в Праге поэт и корреспондент радио «Свобода» Поме-

ранцев — признанный классик отечественного свободного стиха. В новом его сборнике представлены стихи разных лет. Сочетание тонкого психологизма и напряжённого созерцания, ярко репрезентированной в тексте телесности и ненаигранного интеллектуализма оказывается чрезвычайно актуальным в свете новейших поисков «новой искренности», «прямого высказывания»,

*На шоссе под Иерапетрой / на фоне Ли-
вийского моря / я видел поцелуй года: /
велосипедист на лету / поцеловал в плечо /
велосипедистку.*

Поэты русского рока: Земфира Рамазанова, Маргарита Пушкина, Светлана Сурганова и др.

СПб.: Азбука-классика, 2005. — 624 с.

Очередная книга в многотомной антологии отечественной рок-поэзии посвящена феномену «женского рока», особенно заметному в последнее десятилетие. Рок-произведение: песня, альбом, концерт — это, в первую очередь, произведение синтетическое, композиция, все составляющие части которой неразрывны; они взаимодействуют, взаимовлияют. Ритм и даже метр стиха в роке в значительной степени деформированы мелодическим музыкальным рядом. Чтение рок-текстов именно в качестве «просто стихов» не всегда приводит к желанному эстетическому эффекту. Припев, столь значимый в песне, выполняющий ту же роль задержки внимания, что и рифма, выглядит ненужным довеском к самому же себе, напечатанному несколько выше. Разрушенный синтаксис, совершенно не мешающий в песне, кажется вопиюще непрофессиональным с поэтической точки зрения. Это же можно сказать и о неяршливости рифмовки, частой примитивности образного строя. Впрочем, данный том содержит не только откровенные «текстовки», но и целый ряд подборок, зна-

чимых именно с литературной точки зрения. Это тексты и вполне инкорпорированной в литпроцесс Ольги Арефьевой, и профессионального литератора — филолога и переводчика — Анны «Умки» Герасимовой, и интертекстуально значимых для молодой поэзии Земифиров Рамазановой и Светланы Сургановой, а также инновационные опыты Рады Анчевской, Натальи Бондаревой и Светланы Чапуриной.

<...> Это лучшая песня о любви / Это лучшая песня о печали / Он зажёт офигенные огни / А она потушила их нечаянно (С. Чапурина)

Андрей Родионов. Портрет с натуры.

Екатеринбург: Ультра.Культура, 2005. — 224 с.

Новый сборник поэта является, по сути дела, избранным, включая в себя и старые «хиты», и довольно свежие тексты. Родионовская стратегия, нацеленная на демонстрацию эстетического превосходства текста исполняемого над текстом написанным-напечатанным, нарушает привычную и устоявшуюся установку, принятую в поэтических кругах и устроенную ровно обратно.

Тем не менее книга Родионова — не партитура, а вполне самоценный продукт. Родионов, апеллируя к смысловому ореолу таких типов творчества, как «акынство», примитив, — всё же поэт готовых структур, стихотворений — во вполне конвенциональном для новоевропейской культуры смысле. Миф о стихотворце-самоучке, «простом пацане» из рабочих кварталов активно, кстати, формировался имиджевыми стратегиями самого поэта на предыдущем этапе его работы, но теперь уступает место более «спокойным» формам авторепрезентации. Лирический герой Родионова — вовсе не клише, переходящее из текста в текст. Облик, и образ мыслей, и темперамент, и биографический миф — меняются от стихотворения к стихотворению, не

слишком жёстко, но заметно. Это не манифестация наивного «я», но моноспектакль, где поэт говорит за весьма разных героев. Балладность, сюжетность, многоголосие многих стихов Родионова не дают поэту «провалиться в себя», утратить субъект-объектную связь.

Говорила мама вежливым голосом: / Играй, пожалуйста, на виолончели / тогда за это бонусом / пойдёшь во двор на качели, // и что это за фигура / в углу за диваном скорчилась, / игра была долгой и трудной / и до сих пор не окончилась.

Анастасия Романова. Варварские земли Севастополь — М.: Товарищество Знак; ИД «Юность», 2005. — 126 с.

Сборник молодого московского поэта стержнем своим имеет маленькую поэму «Веткохруст», по обе стороны которой располагаются стихи меньшего объёма. Поэзия Романовой — своего рода «приключения языка»: изощрённая игра с созвучиями, абсолютное сращение синтагм, казалось бы, невозможных рядом, но, тем не менее, соединившихся в единое целое.

Идёт светлая ночь с четырёх сторон, / вточь воронья вспыхнула седина, / и не прочь бы вздремнуть под хрипы ворон, / но луна прочно стала супротив окна, / раскумарит, метелью, в ушах свиристель, / буде, значит, долго в глазах стоять, / всхлипнет пёс, как дитя, брык ко мне на постель, / и давай на неё, собака, камлать <...>

Аркадий Славоросов. Опиум. Севастополь — М.: Товарищество Знак; ИД «Юность», 2005. — 84 с.

Автор, безвременно умерший в этом году, — легендарная личность московского андеграунда последних тридцати лет. В хипповой системе он был известен как Гуру. От него остались роман «Рок-н-ролл» и повесть «Аттракционы», опубликованные в своё время в альманахе «Твёрдый знак»,

— и корпус стихотворений, лучшие из которых собраны в настоящем сборнике. Завораживающая «как бы простота», небоязнь пафоса, абсолютное отсутствие тормозов сочетаются в этих стихах с подлинной поэтической культурой, что отличает Славорова от многих иных генетически субкультурных авторов.

<...> И лопнет сырости осенней / Пузырь. Пророчеству внимли! — / И снова будет вознесенье / Над притяжением земли, / И клирос грянет «Аллилуйя!» / И прянет сердце в высоту... / И я умру от поцелуя / На Поцелуевом мосту.

Солнечное сплетение: Современная калининградская поэзия. 750-летию Калининграда и 60-летию Калининградской области посвящается

Сост. И. Белов, С. Михайлов.

Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. — 244 с.

Своеобразная антология калининградской поэзии, выпущенная к отпразднованному недавно юбилею города. Самый обширный — восемь имён — раздел в сборнике посвящён как раз Калининградской писательской организации, но всерьёз из него можно воспринять лишь Надежду Исаеву с её прозрачной, но не банальной лирикой. «Ревнителю бренности» — группа, в которой выделяется несколько фигур: Игорь Белов с текстами, исполненными суггестии и при этом довольно агрессивными; Андрей Тозик, чьи скупые метафизически ориентированные стихи чем-то схожи с его же графикой, известной ценителям по журналу «Черновик»; Алекс Гарридо, у которой вполне пассаеистическая, казалось бы, лирическая исповедальность получает некий новый смысл благодаря густой метафорике и синтаксическим экспериментам. Несколько истеричные тексты Антона Люциева подкупают тщательной языковой работой. К сожалению, не самой

удачной из возможных оказалась подборка Сергея Михайлова (лучшего, на мой взгляд, поэта в современном Калининграде): здесь почти нет работ постконцептуалистского и поставангардного характера, а это — сильная сторона михайловского творчества. Группа «РЦЫ» — они же и активисты сайта «Полутона» — представляет поэтов более «левого» толка. Ирина Максимова работает в манере, близкой к «поствавилонским» адептам «новой искренности»; другой молодой поэт, Евгений Паламарчук, близок скорее к конкретистской традиции. Более умерен Павел Настин, у которого конкретистский верлибр соседствует с лирическими миниатюрами в духе Владимира Бурича или Арво Метса. Раздел поэтов «вне групп» содержит три имени. Симпатичные безыскусные верлибры Натальи Антоновой, тонкая ассоциативная лирика Дмитрия Пономарёва, медитативно-психоделические опыты Фрэнка Лайона. Плюс — стихи умершего четыре года назад поэта Дмитрия Ужгина: несколько неряшливые (что придаёт им особый шарм), совмещающие словесный гул в духе ранних Алейникова и Губанова с элементами рок-н-рольного пафоса.

прошёл дождь / намок одуванчик / каждое новое / ржавое пятно / на железе / наша маленькая / победа (П. Настин)

Мария Степанова. Физиология и малая история: Книга стихотворений.

М: ФНИ «Прагматика культуры», 2005. — 88 с.

Новая книга одной из центральных фигур русской молодой поэзии. Мария Степанова, как немногие, владеет множеством стиховых манер (смена которых может напомнить многочисленные периоды в творчестве Пикассо, а в поэзии — разнообразие книг Саггира). Но эти различные методы не делают авторское «Я» протеичным, текучим, — напротив, обрисовывают

его с нечастой в новейшей поэзии чёткостью. Степанова работает со строгими жанровыми структурами (баллада, ода, сатира), при этом вовсе не будучи «традиционалисткой» в общепринятом смысле слова: жёсткость макроструктуры сопровождается многочисленными языковыми и смысловыми диффузиями на микроуровне.

<...> В пионерлагерях, в синих трусах июля, / То упираясь, то поднимая флаг, / Первое я, насупленное, как пуля, / Делает первый шаг. / И, хмурая пейзаж, как мнут в кулаке бумагу, / Почти небесами гляжу на него. И лягу, / Как та шаровая молния, на поля — / В один оборот руля.

Сто двадцать поэтов русскоязычного Израиля.

Тель-Авив — М.: Издательское содружество А.Богатых и Э.РАкитской, 2005. — 392 с.

Нерепрезентативная антология, в которой преобладают стихотворцы-любители, зато нет подборок Михаила Генделева, Михаила Гробмана, Гали-Даны Зингер и многих других. Из значительных фигур представлены Александр Бараш, Илья Бокштейн, Феликс Кривин. Из малоизвестных имён стоило бы отметить лаконичные и жёсткие верлибры Татьяны Очеретян.

дорогу / счастливым приметам — / глашатаям утра / спешащим на помощь / в полночь / всем / кто прощается / с детством / или с надеждой (Т. Очеретян)

Сергей Стратановский. На реке непрозрачной: Книга новых стихотворений.

СПб.: Пушкинский фонд, 2005. — 64 с.

Сборник одного из классиков ленинградской неподцензурной литературы. Мизантропическое мировидение, характерное для стихов Стратановского в целом, в последние годы дополняется бескомпромиссным гражданским пафосом, а сами

тексты стремятся к краткости и жёсткой формульности. Особенно стоит отметить тексты, критические по отношению к современному радикальному искусству (будь то концептуалисты или Авдей Тёр-Оганьян с его акцией, в ходе которой разнообразными способами осквернялись иконы).

Филемон и Бавкида в своей развалюхе скрипучей, / На землице горючей, напротив коттеджа роскошного, / Грома ждут убогого — своей ликвидации плановой, / Чтоб пейзажа не застили.

Сергей Ташевский. Пыль. Соль.

Севастополь — М.: Товарищество Знак; ИД «Юность», 2005. — 68 с.

Сборник одного из ведущих авторов группы «Периферия». Диапазон методов письма у Ташевского простирается от рэповых композиций до неожиданных изводов жёсткой психологической баллады («Шестьдесят восемь»).

<...> Не сомневаюсь, ты видел сотни подобных парочек, / Подходящих старым русским домам, как корове «бе»: / Вроде ржавый ухват у стены — и подставка для курительных палочек / Из магазинчика «Путь к себе». // Разумеется, никакого мяса, никакого сыра, / Никаких наркотиков и вина, рыбы, сахара, кофе, чая... / Правда, с ними живёт подружка (кажется, Ира) — / Немного курит и пьёт, но постепенно тоже дичает <...>

Марина Тёмкина. Canto immigranto: Избранные стихи 1987-2004 гг.

Сост. Д. Кузьмин; Предисл. Д.А. Пригова.

М.: Новое литературное обозрение, 2005. — 104 с. — («Поэзия русской диаспоры»).

Сборник одного из ведущих русскоязычных поэтов, живущих в Америке, сформировал чётко узнаваемый авторский стиль и совершенно эксклюзивный метод.

Кажущаяся неожиданность, — предисловие к настоящему изборнику написал Пригов, — вполне объяснима: мэтр концептуализма не может не видеть в стихах Тёмкиной рефлексивной чёткости и выверенности, очевидно ему симпатичной. Подмеченная Приговым перечислительность, каталогизаторский подход к бытию и впрямь характерны для Тёмкиной. Безусловен и столь неожиданный в отечественной поэзии феминистический, да, пожалуй, и правозащитный в целом пафос этих текстов — причём пафос отстранённо-объективистский, лишённый привычных в словесности последнего времени истерических нот. Но ценно максимальное личное лирическое переживание этой отстранённости, создающее, в конечном счёте, поэтику, весьма далёкую и от концептуализма, и от последующих, опровергающих его течений.

<...> Миро- и самоощущение русского еврея / от русского человека отличается довольно сильно, / вот что меня как поэта беспокоит и заботит как человека / и как женщину — становится как-то обидно, сырьё-то, / материала неопищенного целая прорва пропадает <...>

Леся Тышковская. Бабочка на баобабе. М.: Вест-Консалтинг, 2006. — 104 с. — (Библиотека журнала «Футурум АРТ»).

Новая книга киевского поэта. Тышковская, помимо литературной работы, выступает как музыкант, перформер, декламатор: это накладывает отпечаток и на стихи, в том числе и свободные, внося в них сильную экспрессию и подчёркнутое внимание к фонике.

И тогда мне открылось, / что можно петь / под ветер и воду, / играть на флейте, / не держа её в руках, / и водить кистью по воздуху <...>

Елена Фанайлова. Русская версия. М.: Запасный Выход, 2005. — 144 с. + CD — («Внутренний голос»).

Сложно устроенный сборник московского поэта: эссе Фанайловой и интервью с ней составляют немалую часть книги: вполне самостоятельный, идеологически осмысленный раздел, уводящий от чистой литературности, напоминающий об обязанности поэта отвечать на вызов этого мира. Ещё один вполне самоценный раздел — компакт-диск, на котором Фанайлова чрезвычайно жёстко читает стихи под музыкальный фон, организованный Александром Салоидом. В новых стихах Фанайлова, в соответствии с высказываемыми в интервью установками, пытается выйти за пределы эстетики — на деле же радикализирует и ужесточает письмо.

Вчера похоронили Серёжу / Сегодня позвонила Люба, его жена. / Не могла дозвониться. / Брат не выдержал ожидания, сейчас в поезде. / Уже не встретятся. / Похоронили от дома близко, минут семь на машине. / Люба пользуется служебной «Окой», / Правда, сейчас она сломалась. / На похоронах было человек 100. / Любе тридцать лет, ему было 39. / Три месяца назад они поженились <...>

«Филологическая школа»: Тексты. Воспоминания. Библиография

Сост. В. Куллэ, В. Уфлянд.

М.: Летний сад, 2006. — 656 с. — («Волшебный хор»)

Чуть ли не академически подготовленный том стихотворений участников легендарного ленинградского андеграундного сообщества «филологическая школа» (или «круг Михайлова — Красильникова»). Представлены сочинения как покойных поэтов: Юрия Михайлова (1933–1990), Михаила Красильникова (1933–1996), Александра Кондратова (1937–1993), Сергея Кулле (1936–1984), Леонида Виноградова (1936–2004), так и здравствующих — Михаила Ерёмкина, Владимира Уфлянда, Льва Лосева. Очевидной представляется пора-

зительное разнообразие индивидуальностей, составивших эту группу. Объединяющим фактором (кроме очевидных неприятия советской обыденности и внимания к наследию авангарда) в данном случае следовало бы считать не близость поэтик, но единство неконвенционального художественного поведения, своего рода «авангардного жизнетворчества», присущего практически всем поэтам этого круга. В дополнение к стихам в книге предлагаются воспоминания и эссе о поэтах «филологической школы» и весьма подробная библиография.

*Мы с удочкой сидим на берегу морском.
/ Мы спим ещё, по-летнему зажмурившись.
/ А он дорогу к нам уже проведаль.
/ Он трубным голосом орёт у нас под окнами.
/ Он с диким хохотом взбегает к нам по лестнице.
/ Он ломится в, увы, незапертые двери* (С. Кулле)

Алексей Хвостенко. Верпа.

Тверь: Kolonna Publications; Митин журнал, 2005. — 448 с.

Посмертное собрание поэтических текстов одного из ярчайших представителей ленинградского андеграунда, тщательно подготовленное и прокомментированное. Поэтика Алексея Хвостенко (1940–2004) вобрала в себя традиции русского авангарда и международной контркультуры. Среди текстов Хвостенко — и минималистические опыты, и подобию шаманских камланий, и гротескные деконструкции жанров и твёрдых форм (басня, сонет, элегия...), и прозрачные песни. Почти все эти грани творчества Хвостенко с достаточной полнотой представлены в настоящем томе.

*известна мода на / зонтики / когда влага
/ когда электричество / когда вертятся блохи
/ когда слоны / и / лягушки / когда друзья*

Евгений Хорват. Раскатанный слепок лица: Стихи, проза, письма.

Сост. и комм. И. Ахметьева, В. Орлова. М.: Культурный слой, 2005. — 496 с.

Евгений Хорват (1961–1993) был одним из парадоксальнейших поэтов своего поколения. Путь от диссидентско-богемного существования в советской провинции (Кишинёв, Петрозаводск) к эмиграции в Германии, где Хорват также вне системы (теперь уже не советской, но антисоветской: по Бродскому, «какая разница»), характерен для ряда фигур литературного подполья. Но специфично положение Хорвата как чуть ли не самого младшего из прошедших этот путь. Характерная для многих «антисистемных» поэтов мультижанровая творческая установка близка и Хорвату: он и декламатор (к части тиража книги «Раскатанный слепок лица» прилагается CD с записью авторского чтения), и художник: создатель объектов, инсталляций, перформансов. Хорват, как и несколько других (более старших) неподцензурных поэтов нового времени, пошёл по пути превращения самого себя в эстетический факт, в литературный миф — и саморазрушение, безумие, самоубийство, как это ни страшно, предстают необходимыми элементами подобной операции. Поэзия Евгения Хорвата многообразна. Безусловно, сама страсть к письму, само версификационное умение было принципиальным стимулом его работы. Завороженность словом как таковым, переживание его самодостаточности и всесильности — вот корень такого отношения к поэтической работе (схожим образом переживали слово «старшие товарищи» Хорвата — лианозовцы, представители «филологической школы», хеленукты...). Классическая постакмеистская просодия сменяется у Хорвата пронзительной и мощной зауемью, глоссолалией, концептуальные опыты — психоделическим шаманским потоком. Это не безличие, это многоаспектность, многоголосность поэта, позволяющего себе пропускать слово сквозь фильтры самых разнообразных традиций и методов.

*<...> Но обнаружится изнанка, /
обратный замысел письмен, / и точка мир
начнёт взамен / литого прописного знака
<...>*

Дмитрий Чернышёв. Милый гонец.

М.: ЛИА Р.Элинина, 2005. — 32 с.

Новый сборник петербургского верлибриста. Формально близкий к традиции свободного стиха в изводе Геннадия Алексеева, Чернышёв насыщает тексты нехарактерными для алексеевской поэтики эротизмом, манерностью и мистицизмом, что сближает его с принципиально иной просодически манерой Дмитрия Голышко-Вольфсона.

*Как хочется влюбиться, / мой милый! /
Но все эти мальчики, девочки, и даже собаки /
настолько хуже тех, / кого мы со-
здали в мечтах <...>*

Леонид Шваб. Поверить в ботанику.

Предисл. М.Степановой.

М.: Новое литературное обозрение, 2005. — 80 с. — («Премия Андрея Белого»).

Первая книга живущего в Иерусалиме поэта, шорт-листера премии Андрея Белого за 2004 г. В стихах Шваба нельзя найти ту гебраистическую специфику, что обнаружится у большинства значительных фигур в русскоязычном поэтическом мире Израиля. Шваб наследует двум, казалось бы, не очень совместимым традициям: размытому, неуловимому постобэриутству хеленуктов и чёткому, холодному, чеканному московскому концептуализму. Для стихов Шваба характерно обилие тавтологий, непредсказуемость наличия или отсутствия рифмы, кажущаяся незаинтересованность субъекта говорения, примитивизм — и при этом абсолютно беспарфосная, но практически непроницаемая герметичность.

*Нет, никогда не может статья, / Чтобы
электрик молодой / Не отрицал основ
естествознания, / Не рисковал жизнью. //*

*Он повествует о войне, / Неразличимой
невооружённым глазом. / Радиопомехи
беспреданно вмешиваются в его речь, /
Прощай, электрик.*

Яна Юзвак. Неба полигон.

Севастополь — М.: Товарищество Знак; ИД «Юность», 2005. — 82 с.

Новая книга молодого московского поэта. Юзвак склонна к «самовитой» языковой игре, в которой созвучия оказываются одним из ведущих — и чуть ли не самоценных движителей стиха. В ряде текстов Юзвак наследует фольклорной говорной традиции (в первую очередь, смеховой), подчас наполняя её современным материалом.

*карточка почтовая / девочка портовая /
эй вы нелюбезные заряжай по порту /
корабли — на крейсерской / бомбардир —
на мессерском / якорем за облако — /
Божию аорту <...>*

Алексей Яковлев. Частности лёгкой жизни.

Севастополь — М.: Товарищество Знак; ИД «Юность», 2005. — 68 с.

Первая книга одного из младшего авторов группы «Периферия». Неожиданный эффект даёт соединение рок-н-рольных и рэповых стиховых форм в соединении с неоклассическим типом поэтического дискурса.

*<...>век эпоха век эпоха / карта мира
широта / одиночество неплохо / но сыщи
такого лоха / открывайте ворота <...>*

**Выпуски книжного приложения к
нашему журналу (см. стр.160) в
обзоры не включаются. Несколько
аннотаций по техническим причинам
перенесены в следующий номер.**

К Т О И С П О Р Т И Л В О З Д У Х

Рейтинг профнепригодности

1. Журнал ЮНОСТЬ

В №10 за 2005 год на стр. 107-112 в рубрике «Интернет-стенд» помещена публикация «Вавилон и другие города», включающая в себя предисловие Виктора Кривулина и стихи тринадцати авторов (Станислава Львовского, Дмитрия Воденникова, Сергея Круглова, Вадима Калинина и др.). Вся публикация заимствована из книги «Самиздат века» (Москва—Минск: Полифакт, 1997; сост. А.И.Стреляный, Г.В.Сапгир, В.С.Бахтин, Н.Г.Ордынский), где соответствующий раздел назывался «“Вавилон” и другие города» (отчего слово «Вавилон» заключено в кавычки, в «Юности», очевидно, не поняли). Ни у кого-либо из авторов, ни у куратора Интернет-версии «Самиздата века» Ивана Ахметьева журнал «Юность» разрешения на публикацию не спросил.

Предыдущие 106 страниц журнала заняты стихами вида *Россия — поля да обрывы / И юность лихая моя. / Скитанья, стенанья, порывы / И мёртвой тоски полынья* (про автора этих строк сообщается, что он удостоен литературных премий имени Рубцова, имени Гумилёва и имени Грибоедова) и публицистикой вида *Вместе — процветание, величие, врозь — позор и гибель! Мудрый крестьянин-белорус Лукашенко понял это первый. Хотелось бы знать, скольких постоянных читателей журнала, приученных к этакой изящной словесности, по мере движения от 107-й страницы к 112-й хватил кондратий.*

2. Журнал ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ

В №5 за 2005 год собраны четыре отрицательные рецензии на антологию молодой поэзии 1990-х «Девять измерений» (М.: Новое литературное обозрение, 2004). Для уровня аргументации показательно заявление одного из рецензентов — критика Андрея Рудалева из города Северодвинск Мурманской области: *«Бегаю глазами по строчкам стихотворения, к примеру, Кирилла Медведева и никак не могу понять: в чем “прикол”, хоть убейте!»*

Хочется верить, что для рецензирования нашего нового издания «Вопросы литературы» во главе с учёным профессором Шайтановым рекрутируют авторов в ещё более дальних колхозах и стойбищах нашей необъятной страны — дабы те наконец вывели под диктовку, как положено: «Я журнала не читал, но скажу!» Впрочем, и уже употреблённые Шайтановым золотые перья глубинки не сказали на страницах «Воплей» своего последнего слова — критику Рудалеву, например, пришлось договаривать своё в журнале «Урал» (№3 за 2006 год): *«Не случайно я в начале статьи предположил, будто мало кто представляет, что же такое на самом деле есть провинциальная литература. Да и поста-*

вив последнюю точку в статье, сам я едва ли это пойму». Смелее, коллега: понимания от вас никто и не ждёт.

3. Журнал ЗНАМЯ

В №3 за 2006 год критик Анна Кузнецова в статье «Кому принадлежит искусство» сокрушается о судьбах интеллигенции и апокалипсисе культуры в следующих выражениях: *«Какие-то непонятные люди становятся руководителями СМИ, открывают издательства, ведут телепрограммы. <...> Почему эти новые люди нам непонятны? Потому что нам, профессионалам с пусть и редуцированной, но не элиминированной профессиональной совестью»* и т.п.

Про совесть критика Кузнецовой нам ничего не известно — редуцирована она или же элиминирована, по её сочинениям заключить мудрено. Но, конечно, твёрдая уверенность критика Кузнецовой в собственном праве от лица «нас, профессионалов» отделять «понятных» людей от «непонятных» не может не вызывать восхищения — как не может не вызывать умиления обеспокоенность критика Кузнецовой тем, что «непонятные люди» могут, не дай Бог, вытащить из-под неё только-только нагретый (ведь до 2000 года никакой Кузнецовой не было — это явление в нашей литературной действительности весьма недавнее) стул. Между тем внимательное чтение статьи «Кому принадлежит искусство» способно пролить свет на происхождение уверенности критика Кузнецовой в своём профессиональном статусе: из текста видно, что критик Кузнецова не просто училась в Литературном институте (и, тем самым, знает о своём профессиональном статусе из полученных при окончании этого учебного заведения документов), но, как подчёркивается в статье, делала это в то самое время, когда Литературный институт посетил будущий глава нашего государства В.В.Путин.

А В Т О Р Ы

Андрей Агеев (Нижний Новгород). Публикации: Интернет. + **Михаил Айзенберг** (Москва; 1948). Книги стихов: Указатель имен (1993), Пунктуация местности (1995), За Красными воротами (2000), Другие и прежние вещи (2000), В метре от нас (2004); две книги эссе о поэзии. Премия Андрея Белого (2003). + **Владимир Аристов** (Москва; 1950). Книги стихов: Отдаляясь от этой зимы (1992), Частные безумия вещей (1997), Реализации (1998), Иная река (2002), Реставрация скатерти (2004); роман «Предсказания очевидца» (2004). + **Александр Бараш** (Тель-Авив; 1960). Книги стихов: Оптический фокус (1992), Панический полдень (1996), Средиземноморская нота (2002); автобиографическая проза. + **Полина Барскова** (Беркли; 1976). Книги стихов: Рождество (1991), Раса брезгливых (1993), Memory (1996), Эвридей и Орфика (2000), Арии (2001), Бразильские сцены (2005). + **Андрій Бондар** (Андрій Бондар; Киев; 1974). Книги стихов: Весіння ересь (1998), Істина і мед (2001), Примітивні форми власності (2004). + **Джулианна Бэгготт** (Juliana Baggott; Таллахасси (Флорида, США); 1969). Книги стихов: This Country of Mothers (2001), Lizzie Borden in Love (2006); четыре романа для взрослых, три повести для детей. + **Дмитрий Веденяпин** (Москва; 1959). Книги стихов: Покров (1993), Трава и дым (2002); переводы современной англоамериканской прозы. + **Марианна Гейде** (Москва; 1980). Книги стихов: Время опыления вещей (2005), Слизни Гарроты (2006); проза и эссеистика в периодике и Интернете; Премия «Дебют» (2003). + **Анна Глазова** (Чикаго; 1973). Книги стихов: Пусть и вода (2003); переводы немецкой поэзии и прозы XX века. + **Мария Глушкова** (Нижний Новгород; 1976). Публикации: Интернет. + **Линор Горалик** (Москва; 1975). Книга стихов и малой прозы: Не местные (2003); два романа, две книги non-fiction; молодежная премия «Триумф» (2003). + **Наталья Горбаневская** (Париж;

1936). Книги стихов: Стихи (1969), Побережье (1973), Три тетради стихотворений (1975), Перелетая снежную границу (1979), Ангел деревянный (1982), Чужие камни (1983), Переменная облачность (1985), Где и когда (1985), Цвет вереска (1993), Не спи на закате: Почти полное избранное (1996), Набор (1996), Кто о чем поет (1997), 13 восьмистиший и еще 67 стихотворений (2000), Последние стихи того века (2001), Русско-русский разговор: Избранные стихотворения. Поэма без поэмы (2003), Чайная роза (2006); переводы польской поэзии. + **Данила Давыдов** (Москва; 1977). Книга стихов: Добро (2002); премия «Дебют» (2000) за книгу прозы «Опыты бессердечия»; критические и литературоведческие статьи во всех основных российских журналах. + **Сергей Завьялов** (Санкт-Петербург; 1958). Книги стихов: Оды и эподы (1994), Мелика (1998), Мелика (2003). + **Анастасия Зеленова** (Нижний Новгород; 1982). Ранее не публиковалась. + **Дмитрий Зернов** (Нижний Новгород; 1975). Публикации: журналы Волга, Urbi, Золотой век; Интернет. + **Ольга Зондберг** (Москва; 1972). Книга стихов: Книга признаний (1997); две книги прозы; переводы публикуются впервые. + **Игорь Караулов** (Москва; 1966). Книга стихов: Перепад напряжения (2001). + **Егор Кирсанов** (Нижний Новгород; 1976). Публикации стихов: альманах Urbi; Интернет. + **Александр Корамыслов** (Воткинск; 1969). Публикации стихов: журналы Арион, Соло, Черновик, Тритон и др.; Интернет. + **Константин Кравцов** (Москва; 1963). Книги стихов: Приношение (1998), Январь (2002). + **Виктор Кривулин** (Санкт-Петербург; 1944—2001). Книги стихов: Стихи (1981), Стихи. Тт. 1-2 (1988), Обращение (1990), Концерт по заявкам (1993), Предграничье (1994), Requiem (1998), Купание в иордани (1998), Стихи юбилейного года (2001), Стихи после стихов (2001); книга эссе о поэзии; Премия Андрея Белого (1978). +

Дмитрий Кузьмин (Москва; 1968). Публикации стихов, переводов американской и украинской поэзии, критических и литературоведческих статей в периодике и Интернете; Премия Андрея Белого «За заслуги перед литературой» (2002). + **Сергей Кынчев** (Нижний Новгород; 1976). Публикации: Интернет. + **Андрей Левкин** (Москва; 1954). Девять книг прозы; Премия Андрея Белого (2001). + **Станислав Львовский** (Москва; 1972). Книги стихов: Белый шум (1996), Стихи о Родине (2004); книга стихов и прозы «Три месяца второго года» (2003); книга рассказов, переводы американской поэзии; Малая премия «Московский счет» (2003). + **Ксения Маренникова** (Москва; 1981). Книга стихов: Received files (2005). + **Ольга Мартынова** (Франкфурт-на-Майне; 1962). Книги стихов: Поступь январских садов (1989), Сумасшедший кузнечик (1993), Четыре времени ночи (1998), Brief an die Zypressen (2001, с переводами на немецкий). + **Александр Месропян** (хутор Весёлый Ростовской обл.; 1962). Книга стихов: Пространство Эроса (1998). + **Вадим Месяц** (Нью-Йорк; 1964). Книги стихов: Календарь воспоминальщика (1992), Выход к морю (1996), Високосный день (1996), Час приземления птиц (2000); четыре книги прозы, переводы англоамериканской поэзии XX века; премия имени Бунина за книгу рассказов (2005). + **Юрий Милорава** (Москва; 1952). Книги стихов: Взамен (1996), Прялка-ангел (2003). + **Елена Михайлик** (Сидней; 1970). Публикации стихов и литературоведческих статей в периодике и Интернете. + **Пётр Попов** (Москва; 1982). Книги стихов: Жесть (2005). + **Алексей Прокопьев** (Москва; 1957). Книги стихов: Ночной сторож (1991), День Един (1995), Снежная Троя (2003); переводы англоамериканской, немецкой, шведской поэзии. + **Евгения Риц** (Нижний Новгород; 1977). Книга стихов: Возвращаясь к лёгкости (2005). + **Арсений Ровинский** (Копенгаген; 1968). Книги стихов: Собираемые образы (1999), Extra Dry (2004). + **Андрей Родионов** (Москва; 1971). Книги стихов: Добро пожаловать в Москву (2003), Портрет с натуры (2005); победитель турнира «Русский слэм» (2002). + **Ника**

Скандиака (Эдинбург; 1978). Публикации стихов, переводов современной английской поэзии на русский и русской поэзии на английский в периодике и Интернете. + **Александр Скидан** (Санкт-Петербург; 1965). Книги стихов: Делириум (1993), В повторном чтении (1998), Красное смещение (2005); две книги статей о литературе и философии, переводы американской прозы. + **Сергей Соловьёв** (Москва; 1959). Книги стихов: Зеркало отца (1987), Нольдистанция (1990), Дар смерти (1991), Пир (1993), Междуречье (1994), Птица (2002); книга прозы. + **Мария Степанова** (Москва; 1972). Книги стихов: Песни северных южан (2001), О близнецах (2001), Тут-свет (2001), Счастье (2003), Физиология и малая история (2005); премии журнала «Знамя» (1993), имени Пастернака (2005), Андрея Белого (2005). + **Яна Токарева** (Москва; 1976). Книга стихов: Тёплые вещи (2004); малая премия «Московский счёт» (2004). + **Александр Уланов** (Самара; 1963). Книги стихов: Направление ветра (1990), Сухой свет (1993), Волны и лестницы (1997); малая проза, переводы поэзии с английского, французского, немецкого, критические статьи в периодике. + **Марина Хаген** (Москва; 1974). Книга стихов: Тени отражений (2001); победитель Всероссийского конкурса хайку (1998). + **Алексей Цветков** (Прага; 1947). Книги стихов: Сборник пьес для жизни соло (1978), Состояние сна (1981), Эдем (1985), Стихотворения (1996), Дивно молвить: Собрание стихотворений (2001), Шекспир отдыхает (2006); книга детских стихов «Бестиарий» (2004), роман «Просто голос». + **Игорь Чурдалёв** (Нижний Новгород; 1951). Книги стихов: Ключ (1983), Железный проспект (1987), Нет времени (2002). + **Валерий Шубинский** (Санкт-Петербург; 1965). Книги стихов: Балтийский сон (1989), Сто стихотворений (1994), Имена немых (1998); статьи о современной поэзии в периодике. + **Татьяна Щербина** (Москва; 1954). Книги стихов: 0-0 (1991), Жизнь без (1997), Диалоги с ангелом (1999), Книга о хвостатом времени... (2001), Прозрачный мир (2002); книга эссе «Лазурная скрижаль» (2003), переводы современной французской поэзии.

К Н И Ж Н О Е П Р И Л О Ж Е Н И Е

Вениамин Блаженный.
МОИМИ ОЧАМИ

Александр Скидан.
КРАСНОЕ СМЕЩЕНИЕ

Гали-Дана Зингер.
ЧАСТЬ ЦЕ

Александр Ожиганов.
ЯЩЕРО-РЕЧЬ

Галина Ермошина.
КРУГИ РЕЧИ

Сергей Морейно.
ТАМ ГДЕ

Полина Барскова.
БРАЗИЛЬСКИЕ СЦЕНЫ

Андрей Сен-Сеньков.
ДЫРОЧКИ СОПРОТИВЛЯЮТСЯ

Алексей Кубрик.
ДРЕВЕСНОГО ЦВЕТА

Виктор Полешук.
МЕРА ЛИЧНОСТИ

Александр Беляков.
БЕССЛЕДНЫЕ МАРШИ

Валерий Нугатов.
ФРИЛАНС

ГОТОВИТСЯ

Генрих Сапгир.
КОМАНДИРОВКА

Виктор Соснора.
В ПОИСКАХ РАЗВЛЕЧЕНИЙ

Константин Кравцов.
СИНДОЛОГИЯ

Игорь Булатовский.
КАРАНТИН

Журнал поэзии «ВОЗДУХ» издаётся 4 раза в год. Издатель — Проект Арго.
Материалы для публикации принимаются только по электронной почте: info@vavilon.ru

Редакция вступает или не вступает в переписку по собственному усмотрению.

По этому же адресу вы можете оставить заявку на экземпляры последующих выпусков журнала.

Все права на опубликованные тексты сохраняются за их авторами.

ВОЗДУХ

журнал поэзии

1/06